

Инициатор проекта

Дмитрий Наринский

Текст

Дарья Симонова

Помощь в сборе материала

Ирина Леонидовна Серова

Виктор Михайлович Можаров

Михаил Дубровский

Дизайн издания

Barry&Brom Design Bureau

Морачевские

Семейная

Терпкие

Наринские

история

НИТИ

Гришины

в документах

любови:

Федорины

и воспоминаниях

продолжение

Персовы

Кокулевские

УДК 821.161.1-1

ББК 84 (2Рос=Рус)6-5

Т35

Терпкие нити любви. Продолжение / Семейная история
в документах и воспоминаниях / Текст: Дарья Симонова — Москва:
ИП Елена Алексеевна Пахомова, 2018. — 432 с., ил.

ISBN 978-5-906568-13-7

© Наринский Дмитрий Вадимович, 2018

Содержание

От авторов 11

Дмитрий Наринский: «Книга о моих родных...» 13

Часть первая. Наши мудрые дома

Семья Натальи Леонидовны Наринской, урожденной Морачевской

Сказки китайской ширмы 17

Бунюэль в Милютинском переулке,
или «Зачем мне твой президиум» 35

Вовремя сообразить на троих 45

Под крылом самолета... 49

Триада Морачевских 54

Эвакуация: неисповедимыми путями 70

Огонек папиросы под звездным небом 88

Кошка под бомбежкой 98

Дети войны и сила судьбы 102

Натуральный блондин 114

Цимес Морачевского, носки Туполева и банка Королева 124

Где же справедливость? 137

Советский ренессанс 148

Хранитель 158

«Махнем в Арагви» 162

Часть вторая. Сотворение чуда

Семья Вадима Марковича Наринского

Blow-up 171

Нерасплескавшаяся чаша 176

Горячие ладони, или Жизнь замечательных детей	185
Теплый ветер с Самотека, или Тайный треугольник	194
Когда рухнет плотина...	200
Гриф секретности	208
Лучшее воплощение	222
Мои родители	262
Моя бабушка	282

Часть третья. Песня над Волгой

Семья Ольги Борисовны Федориной, урожденной Гришиной

Победа любви	291
Шаги за спиной...	295
Искра таланта	297
Горькая тайна	300
Непреходящее	307
Счастливые перемены	309
Место силы	313
Волшебный фонарь	316
Река жизни	322

Часть четвертая. Обретение полета

Семья Владимира Михайловича Федорина

Московский замок	343
Антресоли	350
Таких берут в космонавты	356
Эпос с адреналином	360

Часть пятая. Цветок на скале

Мария Давыдовна Персова.

Семья Олега Теофиловича Кокулевского

Клубок родства	385
Чудо Крыма	390
Мужественное материнство	398
«Любовники Марии»	411
Через тернии на Восток	416
Город Юности	420
Поэт и воин	423

Послесловие	429

*В том смысл есть обыкновенный,
Когда с тропы прожитых лет
От близких опыт сокровенный
Передаётся нам вослед.*

*И лоно памяти сполна
Наполнит жизнью строки эти,
И прилетят издалика
Воспоминания, и дети,*

*Взрослее став,
Тихонько вслух
Произнесут: Родители,
Вы здесь? Вы тут?*

Дмитрий Наринский

В оформлении книги используются стихи Натальи Наринской, что является переизданием сборника ее стихотворений «И цветок азалии на моем окне...» (М., Орбита-М, 2000)

От авторов

Эта книга, являясь самостоятельным изданием, логически продолжает родословную эпопею «Терпкие нити любви. Семейная история в документах и воспоминаниях. Факты, тайны, легенды» (М., 2012). Здесь читатель найдет развернутый и более детальный рассказ о людях, чьи судьбы были ранее описаны лишь в общих чертах. А также появятся новые персонажи, связанные с прежними... «терпкими нитями родства». И, конечно, любви. Ведь в этом повествовании в фокусе внимания не столько генеалогические, сколько семейные узы. Которые так много значат для каждого из нас на протяжении всей жизни. Семьи, в которых мы родились, и семьи, которые мы создали сами, — связь между ними очевидна, хотя совсем не однозначна. И в определенный момент каждому из нас хочется взглянуть сквозь семейный кристаллик времени, чтобы разглядеть эпоху и ту крохотную, но такую важную первопричину, сплетение чувств, воли и обстоятельств, которое и привело к нашему появлению на свет. Появлению новой вселенной...

Дмитрий Наринский, инициатор проекта:

Книга о моих родных... Что может быть интереснее, чем оставить информацию о них и о себе на этих страницах. Ведь все это — наша жизнь. Жизнь, в которой есть место для воспоминаний. Воспоминаний, которые оживляют ушедших и придают ощущение яркости жизни нам, людям живущим.

Хочется услышать и увидеть всех близких, покинувших нас, прикоснуться руками, ощутить их присутствие рядом с нами. Мы часто это прокручиваем в своём сознании, и нам кажется, что мы их уже ощущаем.

В этой книге я постараюсь оставить место не только для воспоминаний, а понять главное — человек не умирает, он остаётся с нами жить. Потому что жизнь — это эмоции, разные эмоции. И задача ныне живущих — знать и помнить, каким человек был. А это не только дата его рождения. Это образ. Тот человеческий образ, который не может раскрыть ни один архив, ни одна фотография. Личностный образ, со всеми его плохими и хорошими аспектами. Тот образ, который остался в нашей памяти, и никуда, и никогда оттуда не уйдёт.

В жизни мы встречаемся с разными людьми, общаемся, ругаемся, прощаем, дружим, женимся. И каждый раз образ любого человека для нас неповторим, потому что он наделён огромным количеством разных деталей. Вы не видите с человеком несколько дней, лет, никогда больше не видите, а ощущение того, какой это человек, остаётся с Вами навсегда, даже если Вы сразу о нем забыли. Потому что, если кто-то Вам напомнит о нем, скорее всего Вы вспомните, быть может, даже не его, если знали недолго, а то ощущение, которое у Вас от него осталось. А если это близкий Вам человек? Тогда Вы помните

все в деталях, в самых мельчайших подробностях. По-моему, это и называется Любовь.

Наш мозг — уникальный инструмент. Он впитывает и запоминает все, что нас окружает. Часто мы не осознаем тот факт, что мы — кладезь знаний. Но мы почему-то не делимся этим кладезем ни с кем. В процессе написания книги «Терпкие нити любви...» я столкнулся с одной простой, но ставшей очень важной для меня мыслью: то, что мы пытаемся оставить в наследство нашим детям об их предках, не хранится в архивах Ленинской библиотеки, оно хранится в нас самих. В нашей памяти, в нашем сознании и даже в нашей тумбочке, набитой письмами и фотокарточками, которые, когда их достанешь, погружают тебя в пелену воспоминаний. Никогда ни один архив не сможет передать все это через сухой лист бумаги с пожелтевшими буквами дат рождений, владений и смертей. Мы и есть тот самый главный и не сравнимый ни с чем источник бесценной информации. Только мы знаем, чем жили, кого и что любили, кого ненавидели наши отцы, матери, деды. Те, кого мы помним живыми. И даже с каким вареньем они ели блинчики!

В каком архиве можно это узнать?

И то, как мы сохраним этот бесценный кладезь, который называется информация, как передадим его потомкам, зависит только от нас. Систематизация информации — вот главный критерий. А книга это и есть один из вариантов этой системы.

Мы посвящаем эту книгу всем нашим родным и, в первую очередь, нашим детям. Им посчастливится приподнять завесу времени, и, заглянув за ширму, узнать, кем были их прадеды и прабабушки. Посмотреть на них глазами живущих сейчас и имевших счастье общаться с теми, кого с нами уже нет. Я бы сказал, посмотреть не черно-белое кино, а увидеть все на цветном экране, в ярких эмоциональных тонах.

Мне бы хотелось пожелать нашим детям, когда они вырастут, продолжить начатое. Тогда мы смогли бы пронести историю наших предков через века. И не страшны нам были бы тогда пожары, в которых так часто горят архивные документы, а их так тяжело собирать по крупицам по всей нашей большой планете. Вот всем нам и посвящается эта книга.

Садитесь поудобнее. Кино начинается...

Часть первая

Наши мудрые дома

Семья

Натальи Леонидовны

Наринской, урожденной

Морачевской

*Застынет память на краю витка,
На том конце замедленного жеста,
Где темноты холодная рука
Несовместима с принципом блаженства.*

Наталья Наринская

Сказки китайской ширмы

Семейная история начинается с Дома. Именно так — Дома с большой буквы, потому что со временем он перестает быть только лишь местом проживания, стенами, географической составляющей и становится точкой сборки твоего «Я». И причина тому — не столько пространственно-временная логика, а скорее эмоциональное притяжение, свойство дома обрастать легендами, родовым эпосом, который на определенном этапе жизни становится человеку очень дорог. Дух, гений того места, в котором прошло наше детство, сопровождает и хранит нас всю жизнь. И неважно, что тех стен и той далекой, но бережно сохраненной в памяти обстановки и неповторимой атмосферы давно не существует в материальном мире. На самом деле дома никуда не исчезают. Они остаются метафизическими хранителями нашей общей мировой души. И образов дорогих нам людей.

Итак, представим этих людей. Году, например, в 1933. Это Леонид Михайлович Морачевский (20.05.1904–31.07.1989), глава семейства, главный инженер, доцент, начальник производственной части МИИТа (Московского института инженеров транспорта), который он окончил в 1929 году.

Его супруга Ольга Сергеевна Морачевская, урожденная Бурко (05.12.1905–21.06.1995), школьная учительница.

Мать Леонида Михайловича, Ольга Ираклиевна Кирик, урожденная Шпиркан (1886–09.12.1969).

Ее второй муж Николай Иосифович Кирик (1893–02.03.1969), по профессии егерь.

И дети Леонида и Ольги, три дочери — Ирина Леонидовна Морачевская (род. 01.05.1928), Нина Леонидовна Морачевская

(22.05.1931–24.01.1991), Наталья Леонидовна Морачевская, в замужестве Наринская (07.02.1944–29.02.2000).

1.
Ул. Мархлевского,
д. 3. 1938–1940 гг.

Хотя самая младшая, Наташа, еще не появилась на свет...

И первым «местом сборки» для этой большой семьи можно считать дом, чей адрес до сих пор по привычке звучит для их потомков как «дом на Мархлевке». Москва, улица Мархлевского, дом 3, квартира 29. Сейчас улице возвращено историческое название — Милютинский переулок. Но в 1927–1993 годах он был переименован, как и многие названия в Советском Союзе, в угоду господствующей идеологии, — в честь польского коммуниста Ю. Мархлевского. Строго говоря, до Мархлевки была крошечная семиметровая комната в Трехпрудном переулке, но о ней воспоминаний очевидцев не сохранилось. А до 1934 года жизнь главного инженера Л. М. Морачевского проходила в основном на великих сибирских стройках. В экспедиции, которые длились месяцами, Леонид Михайлович брал с собой семью — жену и грудную дочку — старшую Ирочку. К сыну Леониду в Сибирь из родной Украины отправилась Ольга Ираклиевна с дядей Колей. Это произошло после 1929 года. И к моменту рождения второй дочки Нины в 1931 году бабушка Ольга Ираклиевна с мужем уже жили в семье Морачевских. Если быть скрупулезно точным, то семья тогда жила в Новосибирске, в общежитии «Сибстройпути», которое размещалось в старых купеческих домах.

Наташа появилась на свет в 1944 году, и это было уже совсем другое время...

Но пока вернемся на десять лет назад, в огромную московскую коммуналку на Мархлевке, в которой семья в разное время занимала разные комнаты и которая запомнилась нескольким поколениям детей и внуков. Одно из первых четких воспоминаний о ней — старшей дочки, шестилетней Иры. Декабрь 1934 года, похороны С. М. Кирова, легендарного главы Ленинградского парткома. В этот день прямо в их квартире номер 29 дежурили сотрудники НКВД. Ведь дом три по улице Мархлевского — это самый центр Москвы. Лубянка, до Кремля рукой подать. А когда страна встречала Папанина — Ира с Ниной, выйдя из подъезда, буквально рукой до его машины могли дотронуться! Здесь живешь, можно сказать, в гуще событий. Но «гу-

2.
Николай
Иосифович
Кирик. 1930-е
годы

3.
Ольга Ираклиевна
с внучками Ниной
и Ирой (справа).
Середина 1930-х
годов

ща» слишком плотная. Шесть человек в одной 18-метровой комнате. В тесноте да не в обиде? Так не бывает. Тем более, когда в доме образовались две хозяйки, две сильных деятельных личности, две Ольги — мама и бабушка. Но, описывая различные эпохи, мы часто употребляем расхожее выражение «времена были другие, ко всему относились проще». А какие же были времена? Чтобы понять, для начала надо всмотреться в детали.

Комната Морачевских. Большая металлическая кровать с блестящими отвинчивающимися шарами, с периной. Здесь спят родители. А шары — извечная детская игрушка для маленьких Иры и Нины. Как же ребенку не отвинтить все, что отвинчивается! Главное — не забыть прикрутить обратно, а то попадет от старших! Игрушек в ту пору не великое изобилие. В «Детском мире» на Лубянке, если повезет, можно было купить заводных железных птичек, игрушечных мотоциклистов, бравых физкультурников на веревочке промеж двух палок... деревянные и металлические обручи, палки с лошадиными головами, чтобы изображать кавалеристов, кубики. В магазине «Подарки» на ул. Горького (ныне Тверская), кроме ведерок без совков, деревянных ложек и скакалок, царили главные подарки эпохи — ночные горшки. Игрушечный ассортимент страны большевиков еще долго будет убогим — красивые и «умные» игрушки здесь были в дефиците. Забавно, но этот дефицит стихийно способствовал развитию детской фантазии. Недаром Вальдорфская школа, современная

4.
Леонид Михайло-
вич Морачевский.
1930-е годы

5.
Ольга Сергеевна
и Леонид
Михайлович
Морачевские.
1930-е годы

прогрессивная педагогическая система, использует в своих методиках натуральные материалы и «недоделанные игрушки» — например, тряпичные куклы без лиц, чтобы ребенок мог сам «додумать» лицо. Так что ранне- и позднесоветские деревянные болванки и цуцки из половинок бельевых прищепок и проволоки — вполне соответствовали антропософским принципам. Чего, конечно, не скажешь о прочей советской действительности...

Но вернемся на улицу Мархлевского. На стене у большой родительской кровати висел огромный ковер шириной приблизительно полтора метра, а длиной — все четыре, так что хватало его на целый угол комнаты. Рядом с родительской стояли две маленькие железные кроватки, покрашенные розовой краской, — Иры и Нины. Такие кроватки с сеточкой сохранялись во многих домах вплоть до семидесятых годов. Просыпаясь, ребенок мог сам снимать сетку, которая с помощью железного прутика крепилась на крючках, — и перебираться под бочок к родителям. Но это если выходной, а по будням не забалуешь: папа рано уходит на работу, а мама занята домашними делами. Все три кровати были отделены от остальной комнаты китайской ширмой черного дерева с резьбой. Эта ширма — поистине семейная реликвия! Она украшала детство трех сестер Морачевских, а потом и их детей.

На черном шелке ширмы цвели изысканные вышивки — хризантемы, сакура, райские птицы. Красота нездешняя! С внутренней стороны ширма была обшита светлым шелком, и уже не таким прочным. Местами с прорехами. Пытливая Нина видит сквозь прорехи проложенные под шелком газеты, китайские иероглифы, что, конечно, распаляет любопытство. Нет-нет да и вырвет кусочек таинственной газеты. Со временем внутреннюю сторону ширмы пришлось обтягивать заново, доконали китайское сокровище детские раскопки...

И ширма, и ковер — неисчерпаемые источники сказочного эпоса, который расходится по множеству потаенных дорог в детском сознании. Засыпая, мы грезим о волшебных мирах, и так рождается полет мысли. Даже самую непритязательную обстановку фантазия ребенка преобразит игрой...

А что же взрослые? Им приходилось с обстановкой мириться. Они могут только позавидовать той детской степени свободы. Бабушка Ольга Ираклиевна спала на сундуке, дядя Коля — на походной раскладушке. Но им не привыкать — они тоже помыкались на тяжелой работе в изыскательских партиях в Киренске, что стоит на острове при слиянии рек Киренги и Лены. Бабушка там и медведю сумела дать отпор¹. Но здесь, в таком маленьком пространстве, необходима филигранная тактика, и поизящнее, чем с медведем. Одно неосторожное движение — и скандал! Как в тот день, когда бабушка, подметая в комнате, нечаянно разбила китайскую вазочку из парного набора, стоявшего на пианино. Воцарилась гнетущая тишина...

В чем глубинная причина конфликта? В извечном разладе свекрови и невестки, корень которого чаще всего — в материнском деспотизме или в юношеском максимализме, собственнических инстинктах, неумении уступить, пойти навстречу? Но, быть может, истоки — в неосознанном глубинном чувстве неравенства... Первым мужем Ольги Ираклиевны был Михаил Игнатьевич Морачевский (1866/67–ок. 1916/17), начальник железнодорожной станций Солоницкая Полтавской губернии, потом работавший и на более крупной станции уездного города Лубны, важнейшем пункте на участке Киев–Полтава. Отец Ольги Сергеевны — Сергей Филимонович Бурко (после 1863–19.04.1963) был железнодорожным мастером и работал по соседству, на станции Гребенка Лубенского уезда. От Лубен до Гребенки всего 42 км.

А потом семья Бурко поселилась на Солоницкой, куда перешел работать Сергей Филимонович. Благодаря именно этому соседству Леня Морачевский и Оля Бурко узнали друг друга и подружились. Они учились в гимназии в Лубнах, куда вместе ездили на поезде. Собиралась группа детишек, которые с Солоницкой ехали на учебу,

¹ Об этом подробнее в книге «Терпкие нити любви. Семейная история в документах и воспоминаниях», М., 2012, стр. 52

и поезд, который не должен был делать остановку на маленькой станции, притормаживал, чтобы дети успели в него сесть. Так же они добирались и обратно. Это совместное приключение спланировали юных путешественников — Леню, сына начальника станции, и Олю, дочку дорожного мастера-обходчика. Для детей здешние сословные различия были незаметны, однако в мире взрослых, даже в масштабе скромного полустанка, всегда есть своя иерархия. Начальник, он же дежурный по станции, поп, жандарм почтмейстер — они считались интеллигенцией, даже если особо не были отягощены умственным трудом. А дорожный мастер — это специалист, но ближе к рабочему классу, хотя путейцев трудно делить на разряды и касты — на каждом из них лежит серьезная ответственность за движение поезда.

Жена Сергея Филимоновича Татьяна Васильевна (1880–1920) была справная труженица, дочь казака. Умная, волевая женщина. Весь дом с хозяйством держался на ней — муж целыми днями на работе... А муж, надо заметить, грешным делом был пьяницей. При этом Татьяна Васильевна всех четверых детей отправила учиться, понимая важность образования. И растила их не столько на мужнюю железнодорожную зарплату, а благодаря тому, что трудилась не покладая рук. Хозяйство у нее было обширное — только успевай поворачиваться! Тогда от железной дороги давали не только дом с усадьбой, но еще и землю отдельно. Семья Бурко держала корову, свиней, гусей, часть земли сдавала в аренду за половину урожая — исполу, — получая с арендаторов натурой: овощами, орехами, сушеными фруктами, которые называли сушеней. Закупали воблу. Сергею Филимоновичу к выпивке-то как без воблы?! На Волгу шли за ней обозы, и Татьяна Васильевна нанимала своего возницу. И привозил он воз этой рыбы, и на чердаке ее развешивали, чтобы вобла была хозяину к столу круглый год...

На Рождество и Пасху резали свинью, звали колбасных дел мастера, пекли горы куличей. Но эта зажиточность давалась пахотой и мастерством. Ведь жили только натуральным хозяйством! Татьяна Васильевна считала, что купить масло на рынке — это грех. Оля, Ольга Сергеевна, много лет спустя рассказывала дочерям поучительную историю своей матушки — как та поставила ночной горшок прокалить на солнце у ограды. А потом пришла на рынок, смотрит — а в нем тетка продает топленое масло! Вот так Татьяна Васильевна прививала детям отвращение к покупным продуктам. Еда, по ее мнению, должна расти в своем огороде! И домработницы-помощницы у нее не было, в отличие, кстати, от семьи Морачевских — Ольга Ираклиевна домработницу держала, хотя у нее сельскохозяйственных хлопот поменьше было, пока ее первый муж Михаил Игнатьевич

6.
Грамота ученика
2 класса Лубен-
ской гимназии
Леонида Морачев-
ского. 1916 г.

был жив. А у Бурко — только разовые работники со стороны — резники, колбасники да возницы...

Но и та, и другая семья, можно сказать, потеряли кормильцев из-за жуткой эпидемии тифа, свирепствовавшего в те годы на Украине. В 1916–17(?) году умер Михаил Игнатьевич Морачевский, а в 1920 году — мать семейства Бурко труженица Татьяна. Татьяна Васильевна умерла, когда Оле, ее младшей дочери, было только пятнадцать лет. Сергей Филимонович быстро оправился от внезапной смерти 40-летней и еще недавно полной сил жены и собрался снова жениться. Хозяйство без Татьяны стало быстро приходить в упадок. И все, что осталось для потомков от гарной жинки, — шикарная украинская рубаха необъятной ширины с вышитыми рукавами. Потом рубаха перекочевала на чердак Томилинского дома, ее с зашитым воротом использовали как мешок и хранили в ней чулки... Но что рубаха — остались четверо детей! Все, правда, при деле. Девочки — Маруся,

Мария (14.04.1902–22.08.1955) и Оля — доучивались в Лубенской гимназии, а сыновья пошли дальше: старший Степан (1898–1932) учился в реальном училище, а Ивана (1900–?) матушка сумела пристроить в военное, потому что была казачкой. Правда, когда они приезжали домой на каникулы, то дрались страшно и рубахи на себе рвали, потому что их развела революция: реальное училище было с большевистским настроем, а в военном царил монархизм...

На дочерей же после смерти матери обрушилось любовно вскормленное и взлелеянное ею фундаментальное хозяйство. Но ведь такие золотые руки невосполнимы! Отец же, озабоченный новой женитьбой, не слишком пекся о судьбе детей, да и сельхозработы — не его епархия. Маруся спешит выйти замуж в восемнадцать лет за Константина Петровича Головачева (05.11.1893–23.02.1942). А Оля еще ребенок. Но ей, вырастающей из девочки в красивую девушку, так хочется вырваться от гусей-свиней и от чистки орехов! Грецкими орехами вечно был засыпан весь чердак, и когда наружная кожура трескалась, надо было ее снимать — вот постылое занятие! И все руки черные от этой работы. А придешь в гимназию с черными руками — чванливые девочки из семей побогаче от тебя нос воротят и перешептываются со смешками. В гимназии-то всякие учились. Оля очень страдала из-за своих натруженных рук.

И разве трудно понять ее! В юности мы все грезим о чем-то большем, даже если растем во вполне благополучной семье... Впрочем, о каком благополучии могла идти речь, когда грянула революция! Но может грянуть хоть тридцать три революции, а молодость возьмет свое. Она все равно будет мечтать, ждать, искать свой счастливый поворот.

А кто хочет, тот дождется, как бы судьба ни запутывала следы...

После рабфака Оля Бурко и Леня Морачевский поступили в Киевский университет — правда, на разные факультеты. Леня одновременно учился в железнодорожном техникуме, что впоследствии и позволило ему перевестись в МИИТ. Но Олю вскоре из университета отчислили по политическим мотивам — ее брат Иван Бурко примкнул к белому движению. Ольге дали направление на работу учительницей начальных классов в село Лазорки. Туда она и поехала, и там устроилась в начальную школу. Путь в Лазорки лежал через Гребенку, которая была узловой на перегоне Москва–Киев. А Леониду Морачевскому приблизительно в это время помогает перебраться в Москву и перевестись в МИИТ его родной дядя Виталий Шпиркан, специалист управления «Союзрыба», впоследствии репрессированный². В этот момент Ольга и Леонид потеряли друг друга из вида. Но Леонид продолжал курсировать между Москвой и Киевом. Леня ведь с юности был «ве-

² См. «Терпкие нити любви. Семейная история в документах и воспоминаниях», М., 2012, стр. 36

ликим комбинатором», и то, что он одновременно с институтом поступил в железнодорожный техникум, давало ему право пользоваться железнодорожными льготами, и особенно — бесплатным проездом на поездах. И вот он ехал в Киев, заезжая на родную Солоницкую за семечками, и привозил своим друзьям-студентам гостинцы — уже тогда он был хлебосольным добытчиком. Привезет семечки — а его друзья Мыкола Бажан и Бэлза-Дорошук продают потом их на Евбазе, киевском еврейском базаре, популярнейшем торговом месте для многих поколений киевлян. На Евбазе можно было купить все — от пирожков с горохом до золотой звезды Героя Советского Союза и браунинга. И вот Мыкола с Бэлзой садились торговать, а один из них пристраивался гадать на картах. Глядишь, и торговля лучше шла с расширением ассортимента услуг. Голь на выдумку хитра!

Между прочим, оба друга — примечательные личности: Мыкола впоследствии — известный поэт, а Бэлза-Дорошук — личность творческая, и, возможно, родственник знаменитого литературоведа, деятеля культуры и ведущего телевизионных программ Святослава Бэлзы. Впрочем, это всего лишь догадки...

В одну из этих поездок Леонид встретил кого-то из их с Олей общего окружения и спросил, где же Оля Бурко. Ему ответили: работает учительницей в Лазорках. И он поехал навстречу своей судьбе. И привез свою будущую жену в Москву, в ту самую 7-метровую комнату на Трехпрудном. Вот такой крепкой оказалась ниточка привязанности из детства.

Была ли этому рада мама Леонида Ольга Ираклиевна? Может, если она осталась бы в Червоне, в родовом доме Шпирканов, а сын с семейством приезжал к ней погостить, то и почвы для конфликта не было бы. Ведь известно, что молодая Оля с совсем еще крошечной Ирочкой приезжала и жила в Червоне. Но после 1929 года в тех краях началась коллективизация, и дом Шпирканов забрал себе колхоз. Но выселение шло поэтапно. И поначалу из дома «попросили» Наталью Яковлевну Шпиркан, тетю Ольги Ираклиевны. Наталья Яковлевна уехала к детям в Ленинград. Была еще и Ольга Яковлевна, другая тетка, которой достался по наследству дом Шпирканов и сундук с семейной реликвией — документами, оставшимися от графской семьи. Собственно, кому он достался точно — Наталье или Ольге, уже не вспомнить. Обоих теток червонские крестьяне считали «барынями», — да, собственно, Ольга Яковлевна так с ними и держалась. А Ольгу Ираклиевну, младшую из Шпирканов, почитали за свою, уважали и приезжали потом к ней с гостинцами в Томилинский дом.

Но об этом позже. Дом в Червоне ей все равно пришлось покинуть. К тому же в тех краях начинался голод. Последняя из Шпир-

В. С. Ф. С. Р.
Народный Комиссариат по ~~Путевому~~
Связи
Московский Институт
ИНЖЕНЕРОВ ТРАНСПОРТА.
им. В. И. Ленинского
29 ноября дня 1929 г.
№ *3231*
Бахметьевский, 15.

Свидетельство.

Выдано настоящее свидетельство гр. *Морачевскому*
Леснику Михайловичу
родившемуся *31 мая* 1904 года в *станции Комаровцы*
Юго-Западной жел. дор.
в том, что, поступив в *1926* году в Московский Институт Инженеров
Транспорта, он окончил в нем курс в *1929* году по Отделению
Постройки железных дорог Строительного факультета.
За время пребывания в Московском Институте Инженеров Транспорта
ему зачтены прослушанные теоретические курсы и выполненные практические
занятия по дисциплинам, перечисленным на обороте настоящего свидетельства.
В *ноябре* месяце *1929* года гр. *Морачевский Л.М.*
подвергнулся испытаниям в Государственной Квалификационной Комиссии и за-
щитил квалификационную работу на тему: *Проект железнодорож-*
ной линии Орлов-Гай Преображенское
Деталь: Железобетонное газо-убежище.

На основании постановления СНК РСФСР от 8/VII—25 г. и §§ 11, и 12
„Положения о Государственных Квалификационных Комиссиях“, гр. *Л.М.*
Морачевскому присваивается квалификация ИНЖЕНЕРА
ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ, что и удостоверяется подписями и приложением
печати.

Председатель Правления и Ректор *Б. Губин*
Председатель Государственной
Квалификационной Комиссии *К. Ошанин*
Секретарь Государственной
Квалификационной Комиссии *В. Сидоров*

9.
Леонид Морачев-
ский с друзьями.
Конец 1930-х
годов

канов покинула родовое гнездо. Больше она никогда не увидит родную Украину... и после нескольких лет скитаний окажется в самом центре бурлящей московской жизни. Это из XXI века все видится иначе. Ольгу Ираклиевну московской коммуналкой на восемь комнат было не испугать. Ее вообще испугать было трудно. Она и работы никакой не боялась, несмотря на то, что в детстве и в первом браке жила вполне благополучно. И она не забывала семейную легенду о родстве с графом Морковым. А ее невестка... совсем другая. Она яркая, стильная, остроумная, обладает даром слова. Виртуозная рассказчица и заядлая преферансистка! Ира и Нина вспоминали, как праздник, когда в дом приходили гости на преферанс или покер. Комната красиво убрана, на столе — ваза с фруктами. Мама накинула на плечи вязаную шаль. Папа иронизирует, тушит папиросу и не спеша, элегантно разливает коньяк по рюмкам.

Много лет спустя, уже в другом веке, их старшая дочь Ира, Ирина Леонидовна Морачевская, вспоминала:

Отец был страшный гурман, застолья он любил ужасно, компании у него собирались, в преферанс играли, коньяк пили, а закусточка — будь здоров! Например, мама очень любила миноги в желе. Минога — знаменитая рыба... (такая партийная кличка была у Крупской. — *Прим. ред.*) Крабы, икра, хорошая рыба — это все было на столе! Но детям-то нужна другая пища, а не все эти деликатесы! А они жили именно так. В доме красота, хорошая мебель, из которой у меня до сих пор осталась тумбочка! А какой

10.
Нина
Морачевская
с подругой.
16 апреля 1945 г.

10

11.
Нина Морачев-
ская. На обороте
надпись: «До-
рогой сестренке
Ирочке от Нины.
25/V – 1944 г.»

11

12.
Натasha и Ира
Морачевские
в Томилино.
1951 г.

12

13

14

был шикарный дубовый буфет, что перегораживал комнату на спальню и гостиную — когда уже из 18-метровой комнаты переехали в большую! Однажды, лет пять назад, я была в гостях у одной женщины, которая работала в РосИЗО и, видимо, собирала антиквариат. Я зашла — и увидела наш буфет. Говорю: «Боже, буфет как у моих родителей!» А она говорит: «У вас, видимо, были здесь стекла, но их во время войны выбило». Это были толстые граненые стекла, и в них необыкновенно красиво отражался свет. Помню еще письменный стол красного дерева, кресла. У мамы на все были чехлы сделаны, красивые салфеточки везде лежали. На одном из этих кресел, остатке былой роскоши, я и сейчас сижу.

Итак, взрослые хорошо проводят время и дети не должны мешать их играм, особенно преферансу. Но гости дарят им шоколадки, и девочки кладут их каждая на свою полку в красном книжном шкафу. Нина свою съедает быстро, и, словно пытка для нее, — оставшееся нетронутым Ирино лакомство...

У Ольги Сергеевны есть вкус. Вкус к жизни. Той жизни, которой она не знала в детстве. И хотя происхождение у нее совсем не графское, физический труд она не жалуется. Тем более у нее с детства была повреждена рука. Да и в отрочестве сельхозработ ей хва-

13.
Натasha Морачев-
ская. Томилино.
1949 г.

14.
Ира и Натasha Мо-
рачевские. Начало
1950-х годов

15.
Натasha Морачев-
ская. Томилино.
1951 г.

15

тило. Так бывает — родился человек не в том месте и не в то время, и совсем для другой жизни! Словом, не вписывается в сословную иерархию. И в ее семье — свои легенды. И она рада, что вырвалась из «железнодорожной» среды в большой город. Первое время она не работала и получала пособие по безработице. Впрочем, она совсем не хотела сидеть дома, но муж настоял, чтобы она была домохозяйкой.

Строго говоря, домохозяйкой Ольга Сергеевна не была. Согласно ее трудовой книжке, с февраля 1926 года по февраль 1929-го она работала учительницей в Лазорках. Сюда же входит и декретный отпуск, когда родилась Ира. После этого у Ольги Сергеевны были разные временные места работы. А с 1939 по 1941 год она трудилась лаборантом и секретарем на кафедре в дефектологическом институте, куда потом вернулась в 1943 году, когда он уже вошел в состав Педагогического института им. В. И. Ленина. В 1941–1943 годах, в эвакуации, она преподавала в интернате. А после рождения третьей дочери Наташы, с 1950 по 1969 год, Ольга Сергеевна станет работать уже постоянно — заведующей учебной частью Полиграфического института (ныне — МГУП). Преподавание — ее призвание. Но у нее еще и трое детей! И муж в этой семье непререкаемо главный. Он ею лю-

буется, одевает ее в потрясающие платья, которые сам же помогает ей выбирать. Покупает модные украшения. Ирина Леонидовна вспоминала:

16.
Нина и Наташа
Морачевские.
Томилино. 1949 г.

Мама так была обута и одета, что наши школьные подружки, когда уже стали взрослыми, помнили две вещи: как они все были влюблены в моего отца, и как красиво была одета моя мама в довоенные годы. Потому что одежда для нее шилась в художественном ателье на Кузнецком Мосту. А белье... Не могу не сказать об этом, поскольку о белье советских женщин даже писали в литературе — такое оно было некрасивое, уродливое. Так они в основном и ходили! Но наша мама белье заказывала в Питере. У нее из шелка были комбинешечки. Из настоящего натурального шелка! Как сейчас помню — черная комбинация, подкроенная по фигуре, с вышитыми маленькими цветными розочками. Она специально для этого ездила в Питер. Там были папины друзья по работе. У папы друзей было очень много. Папа очень был общительный, с авантюристической жилкой. Он одевал маму, он с ней ходил в ателье, он выбирал ей фасоны!

Словом, жили супруги Морачевские красиво. Из-за одной такой вещицы — швейцарских золотых часиков, которые он подарил жене, — его даже вызвали на Лубянку. Продавца замели с контрабандой и заставили товар вернуть. И все, кому он часики «толкнул», вернули. Один Леонид Морачевский заартачился. «Вы с ума сошли, я не заберу у женщины подарок!» Он, племянник расстрелянного «врага народа», сказал «нет» НКВД. Кто еще был на такое способен?!

Но важно понимать, что и Леонид Михайлович, и его жена, и его мать — лучше многих понимали хрупкость их маленького мира. Они знали, что в любой момент все может рухнуть — стоит только услышать ночные чекистские шаги по коридору... Леонид всю жизнь был благодарен своему дяде Виталию Шпиркану, который был расстрелян, и его чудом уцелевшей жене Ревекке. Без их помощи он не попал бы в Москву и не сделал карьеру. Ольга Ираклиевна помнила, как после смерти первого мужа от тифа ее в одночасье с ребенком выгнали из казенной квартиры.

А потом скитания и возвращение в родную Червону, где она уже не чувствовала себя хозяйкой... А Ольга Сергеевна помнила о своих братьях — о без вести пропавшем белогвардейце Иване Бурко, о гибели своего талантливого 34-летнего старшего брата Степана Бурко, которая не могла быть случайной. А потом под каток репрессии попал муж ее сестры Константин Петрович Головачев — но к счастью, его жена Мария Сергеевна с помощью Леонида Михайловича Морачевского сумела добиться реабилитации и освобождения мужа³. Вот такие это были времена. Может, кто-то и впадал в эйфорию, искренне шагая к коммунизму. Но в этой семье иллюзий уже не было — разве что только у детей, пока они оставались детьми. Однако жизнь продолжалась! В гостеприимную комнату Морачевских приходили друзья, играли в преферанс и покер, покупались обновки, добрейший дядя Коля водил детей гулять на Чистопрудный бульвар... в сущности, Николай Иосифович стал им настоящим дедушкой. Можно сказать, молодым и красивым — в год рождения Иры ему всего тридцать пять лет! А бабушка ворчала, возвращаясь из своих московских набегов в Томилино:

— Они там, в Москве, жируют!

Это было уже позже, когда сестры — Ира, Нина, а потом и самая младшая, Наташа, жили в Томилинском доме с Ольгой Ираклиевной и дядей Колей.

— ...я к ним приехала, а у них на столе и фрукты, и вкусные конфеты! Я все собрала и привезла вам!

Чего не сделаешь ради любви. И ведь, в сущности, это главное: строгая Ольга Ираклиевна очень любила своих внучек. Любовью она их и воспитывала. Хоть и вбивала волей-неволей клин между детьми и нерадивыми родителями с их преферансом, икрой, коньяком, миногами и посиделками за полночь.

³ См. «Терпкие нити любви. Семейная история в документах и воспоминаниях», М., 2012, стр. 123

* * *

На ветках капли, как слёзы,
О чём-то шумит листва,
Слушаю шёпот берёзы,
А слышу твои слова;

Там, на небесной круче,
Наверное, будет гроза.
Смотрю на серые тучи,
А вижу твои глаза.

Ветер веет прохладой,
Тихонько поёт в трубе.
Знаю, что лучше не надо,
Но думаю о тебе.

Июль 1961 г.

Бунюэль в Милютинском переулке, или «Зачем мне твой президиум»

Семейная история еще не раз приведет нас на Мархлевку, а точнее в Милютинский переулок, — ведь таково ее историческое название. К тому же приятно мысленно побродить здесь и представить, как жили до революции в роскоши русского модерна люди с сознанием, не сплюснутыми уплотнениями и уродливым советским бытом. Потолки с лепниной высотой четыре с половиной метра, величественные дубовые двери, подоконники, широкие, как столешницы, ванная комната размером с современную малогабаритную квартиру. А сама чугунная ванна покоится на львиных ножках. Все сделано на века! Этот дом построил в 1897 году архитектор Н. Г. Фалеев. Собственно дом так раньше и назывался — доходный дом Фалеевых. В 1930-е годы основной корпус здания был надстроен двумя этажами, в связи с чем в доме поменялась нумерация квартир. И лишь в 1998 году здание было реконструировано.

Николай Григорьевич Фалеев, инженер-архитектор и преподаватель, был первым, кто использовал железобетон в московской строительной практике. Но что интересно — в 1927 году он был профессором МИИТа! То есть Фалеев и Леонид Михайлович Морачевский вполне могли быть знакомы. И, вполне возможно, Николай Григорьевич был преподавателем Леонида...

Также в доме номер три в начале XX века жил известный архитектор А. Ф. Мейснер, яркий представитель эклектики и модерна, захвативший и эпоху конструктивизма, домашний архитектор Шереметевых. Дома, спроектированные Александром Фелициановичем, и по сей день украшают уголки старой Москвы.

А в 1920–1940 годах здесь проживал врач Л. И. Фогельсон, известнейший кардиолог, основоположник российской электрокардиографии. Его дочь, искусствовед Ольга Фогельсон, также была широко известна просвещенной публике. Она стала первой женой знаменитого поэта Давида Самойлова, их сын — ныне писатель Александр Давыдов. И, кстати, раскидистое генеалогическое древо семьи Наринских одной своей веточкой пересекается с историей жизни потрясающего Давида Самойлова⁴. А если речь зашла о поэзии, то нельзя не упомянуть, что в Милютинском переулке, только уже в доме №14, владении фабриканта Милютина, родился поэт Серебряного века Валерий Брюсов (1873–1924).

И, раз уже речь зашла о поэтических аллюзиях, еще одна маленькая деталь: когда Иосиф Бродский возвращался из ссылки, он

⁴ См. «Терпкие нити любви. Семейная история в документах и воспоминаниях», М., 2012, стр. 242

ехал через Москву. В то время его друг Евгений Рейн, известный поэт и знаковая фигура в литературной жизни двух столиц, как раз жил на Мархлевке. Отсюда они поехали к Евгению Евтушенко, а уже тот устроил им кутеж в знаменитом «Арагви», от которого, впрочем, Бродский был совсем не в восторге. Его противоречивое обоюдострое «приятельство» с Евтушенко давно превратилось в литературную легенду... Впрочем, многое из того, что можно услышать из уст великолепного рассказчика Евгения Рейна, по свидетельству близко знающих его людей, надо делить на два... или больше! Интересно, однако, то, что и здесь раскидистое дерево Наринских нашло сюжетные пересечения: первая жена Евгения Рейна Галина Наринская упоминалась в книге «Терпкие нити любви...». Их дочь Анна Наринская — известный журналист и литературный критик. А второй муж Галины Наринской Анатолий Найман — известный поэт, прозаик и переводчик. В этих именах — история отечественной литературы прошлого столетия, которая в XXI веке уже становится классикой.

Жили в Милютинском не только выдающиеся творцы, но и тираны, чье присутствие было весьма небезопасным не только для здешних обитателей, но и для всей страны. В самом доме №3 проживало много сотрудников НКВД, а потом и КГБ. В доме №9 в 1930-х годах жил нарком внутренних дел Генрих Ягода, и здесь же в 1937 году он был арестован, — за что боролся, на то и напоролся. А также в доме №6 жил еще один организатор массовых репрессий — сотрудник НКВД Яков Агранов, фактический убийца одного из лучших русских поэтов Николая Гумилева.

Завершая этот маленький исторический экскурс, можно напомнить, что в XVIII веке в окрестностях Милютинского переулка обосновалась французская община. Поэтому два из трех католических храмов столицы выходят на эту маленькую улицу — храм св. Людовика Французского и храм св. апостолов Петра и Павла (не действующий с советских времен). Рядом с храмом св. Людовика располагается Французский лицей им. Александра Дюма, в котором ранее, при французской церкви, были приходские училища — для мальчиков и для девочек. А в 1930-е годы здесь располагалась обычная школа, где в начальных классах училась Ира. В шумной многонациональной Москве эта тихая улочка до сих пор осталась самой французской...

Однако люди, жившие здесь, олицетворяли самую что ни на есть советскую историю со всеми ее кошмарами и парадоксами. Дом №3, как и прочие на Мархлевке, был заселен чекистами. Дворами он сливался со зловещим кварталом ЧК/НКВД на Лубянке. Удобно расположенный шикарный дом быстро прибрали к рукам «орга-

ны» — выселили владельцев квартир и сделали «вороньи слободки» — разгородили комнаты и дали жилье сотрудникам ЧК. «Мне сам Дзержинский лично дал ордер на эту комнату! Сам Дзержинский!» — откровенничала Анна Ивановна, соседка Морачевских напротив, когда в ее комнату пыталась прописаться племянница.

⁵ Здесь и далее в этой главе воспоминания Ирины Леонидовны Морачевской

Ирина Леонидовна вспоминала ⁵:

Анна Ивановна, полька, вообще рехнулась на почве того, чем она занималась. К тому же она потеряла в революцию мужа, двоих сыновей, осталась одна. Она путала день и ночь, но это были еще цветочки. У нее была патологическая страсть — она обожала похороны. Особенно в крематории. Когда открылся крематорий, она ездила смотреть... как сжигают тела людей! Оказывается, тогда можно было на это смотреть. И она специально ездила! Если она узнавала, что где-то похороны, она наряжалась, надевала белый платочек и шла как на великий праздник, на похороны. Вот как калечила психику работа в карательных органах! Она умерла, когда пошла Сталина хоронить. Ей сказали: «Анна Ивановна, куда вы идете в платочке? Мороз же!» Она что-то нам по-польски: «То-ишь, то-ишь, я Ленина хоронила, я Сталина пойду хоронить!» И отправилась. На Трубной площади по ней прошла толпа... Она в больницу попала, все у нее было переломано, и она почти сразу умерла.

Но самым колоритным персонажем была старая чекистка Лида Карловна, соседка, с которой Морачевские поменялись комнатами, захвав большой семьей из восемнадцати метров в тридцать и немного расправив плечи после невыносимой тесноты.

Как мы вообще попали на Мархлевку? Поменяли с доплатой маленькую комнатенку на Трехпрудном, которая была у отца еще до женитьбы. Я даже запомнила, что у человека, с которым мы менялись, была фамилия Берзин. Естественно, он был чекистом, а путем обмена в этот дом стали попадать такие, как мы — не имеющие отношения к органам. Вот мы сначала переехали из семи метров в 18-метровую комнату на Мархлевку, а потом уже внутри квартиры поменялись на 30-метровую. Она принадлежала Лидии Карловне, латышке, которая была членом партии с 1905 года. В ЧК было очень много латышей. Муж у нее тоже был чекист, он погиб. Я ее спросила однажды: «Карловна, как ты в партию вступала?» Она ответила: «Глупый я был! Я такой глупый был. Все сказали — флаг на водокачку. Поставили флаг. Сказали: я есть партия. А я тоже сказала, что я есть партия. Вот я стал партия. Все ребята пошли — и я пошел». Колоритнейшая личность была! Крупная, полногрудая, грубая, как топором вырубленная... У нее было двое сыновей от первого брака. Лидия Карловна вышла замуж второй раз, снова за чекиста, который

работал комендантом Ленинских Горок. Он постоянно жил в Горках, а Лида Карловна жила одна в этой комнате, в Москве. А поскольку у нее были дети и уже внуки, и ей были нужны деньги, то за форменное сукно, которое отцу полагалось как железнодорожнику, и за определенную сумму денег она обменяла свою большую комнату на нашу. В Горках ее мужа Эдика почему-то звали Карлуша. Он был и комендант, и нянька для Ульяновых, и все про все! Однажды Лида Карловна сказала нашей маме: «Хочешь Горки посмотреть?» Мама сказала: хочу! Ленина там уже не было, но там жил его брат Дмитрий Ильич и жили сестры.

И мама поехала. Она рассказывала, что когда они приехали в Горки, Карловна подошла к кованым воротам, начала их трясти и кричать: «Эдик! Эдик! Жена приехал!» Территория огорожена, все наглухо закрыто. Вышел Эдик, открыл им ворота, они туда зашли. Он говорит: я не могу вас пустить в дом посмотреть, потому что там Мария Ильинична, младшая сестра В. И. Ленина, плохо себя чувствует и приехал врач, посидите на улице. Они посидели на улице, территорию посмотрели, и потом он дал возможность заглянуть на первом этаже в вестибюль. И мама увидела эту лестницу, которую, как говорили, делали для брата Ленина Дмитрия Ильича, а на самом деле это было для самого «вождя пролетариата», когда он уже совсем парализованный был. Там была система, чтобы подниматься и спускаться по лестнице, — каталка-лифт. И она служила для Дмитрия Ильича, когда у него тоже ноги откачали. И вот как раз Карлуша его возил...

А при первой встрече Лида Карловна ужасно перепугала маму, — когда мы только приехали на Мархлевку. Я это очень хорошо помню. Приехали мы с Казанского вокзала, в пролетке, лошадь была в шляпе. Уже было тепло, и уши у нее из шляпы торчали. У нас под окнами на Мархлевке эти извозчики дежурили... И вот мы входим в эту квартиру огромную, — кухня, наверное, метров 40, везде керосинки, примусы. Мама рассказывает: «Ко мне подходит страшная женщина. Страшная, большая, по-русски говорит плохо и что-то предлагает». Мама перепугалась! Оказывается, она ей предлагала керосинку с керосином: «У тебя маленькие дети, их же надо кормить, пока ты купишь керосин, пока ты себе что-то сделаешь, возьми мою керосинку и накорми своих детей!» А ведь никто из соседей больше не подошел. Приехали новые жильцы — и приехали, никому нет никакого дела...

И при этом она нам рассказывала о своей, так сказать, работе: «Вот расстреливать не страшно. Там в окошечко стреляешь, в затылок — и все. А вот арестовывать ходить хуже. Особенно, если детки маленькие. Они плачут, они кричат. Ой, как я это не люблю!» Вот она — Лида Карловна. В ней сочетались чекистская стальная жестокость и... доброта! Подобный психологический феномен описывает Лилиана Лунгина в своей книге «Подстрочник». Это в голове не укладывается, а в нашей советской жизни спокойно проходило. Большевицкая мутация...

Обоих сыновей Лиды Карловны посадили, поэтому она из партии была исключена. Дети у нее были от первого брака, поэтому Эдика это вроде и не коснулось, а ее исключили. Они у нее работали в типографии, а там все было очень жестко. Все это в «Зеркале» у Тарковского показано: как героиня бежала, потому что ей приснилось, что в газете опечатка. И она понимала, что с ней из-за этого будет, что ее могут и расстрелять из-за этой опечатки. Я ведь еще вот что помню: когда мы в школе учились, у нас были дешевые тетрадки, а были дорогие, с косями чертами, чтобы писать удобно, и с большим портретом Ленина. И нам кто-то сказал, что враги народа и вредители в типографиях у Ленина в морщинках вставляют фашистские знаки... И мы сидели и рассматривали, где там фашистские знаки могут быть. Вот в некоторых тетрадках, говорят, попадают. Мы учились в первом классе — и искали свастику у Ленина на физиономии!

А еще Лида Карловна подворовывала. Так, по мелочи. Сыновей ее арестовали, посадили, невестки остались, внуки остались, — всех их надо было кормить. Она действовала по принципу: если от многого берут немножко, это не кража, а просто дележка. Возьмет — и сразу продаст, и поедет к Нюрке, невестке, в Новогиреево. Ворovala она в нашей квартире, а где она еще могла? У кого простыню утащит, у кого чулки... Когда грянула война и Ульяновы стали эвакуироваться, они сказали Эдику: «Лину, — они почему-то Карловну Линой называли, — не возьмем с собой, а только тебя.» Эдик сказал: я без Лиды не поеду. Так Ульяновы и бросили своего Карлушу! Сами эвакуировались, а Эдик появился у нас на Мархлевке в 1941-м году. И когда мы приехали из эвакуации, он еще так на Мархлевке и жил.

А папа наш, поскольку он у нас кормилец был всю жизнь и для всех, он привозил нам кое-какие продукты, умудряясь менять на какие-то вещи. И вот однажды он привез муку, и мама дала Лиде Карловне муки. Та испекла лепешку, пришла и сказала: «Эдик умер. Ел твоя лепешка, так с твоя лепешка и умер». У него был рак горла, он тихо умирал у нас в квартире. И так Лида Карловна осталась одна. Дети ее все еще сидели... И вот, я уже учусь в институте, и еще продолжают сталинские времена. Помню, однажды все мои были в Томилино, а мне на экзамен утром идти. Стою в кухне, чайник поставила, чайку сейчас выпью, мне, значит, на экзамен. Выходит Лида Карловна. «Ты куда пошел? Ты экзамен пошел сдавать? Ты, голодный, экзамен пошел сдавать, я треска нажарила. Ну-ка быстро мне, треска ешь! Куда голодный пошла, какой тебе экзамен будет?»

Как это в человеке укладывалось! Она могла расстреливать и, с другой стороны, не имея ничего, могла последний кусок тебе дать. Она мне давала ключ от своей комнаты, когда уезжала к своей Нюрке в Новогиреево, к внукам, а мне надо было чертить ночью — и я уходила, чтобы не мешать своим. Я спала у нее, чертила на ее столе. Такая она была.

Однажды она поехала в Ригу повидаться с сестрой. Это еще, наверное, 1949-й год был. А тогда в Риге шли жуткие аресты, были чистки. Она приеха-

ла, а в этот момент ее сестру арестовывают — то есть прямо на глазах у Лиды Карловны сестру выводили чекисты! И вот, несколькими днями позже, раздаётся у нас звонок в дверь. А у нас звонки были распределены: кому один звонок, кому два, кому три. К нам было два длинных, а к Лиде Карловне — два коротких. Я иду открывать дверь, на пороге стоит Карловна, у нее веревочкой одна нога привязана, и она эту ногу через порог переставляет за веревочку. Инсульт! «Я Рига приехал, сестра нашел, пришел сестра, а ее увозят. Мне плохо стало, у меня нога отнялась, я домой поехал». И положили ее в больницу. Мы к ней ездили. Она и смерть Сталина пережила. Ее стали восстанавливать в партии, она сказала: «Я не хочу, тогда взносы надо платить, а у меня денег нет, а у меня там долгу сколько-то». А потом она мне разоткровенничалась: «Они мне сказал: никакой твой долг не нужен, никакой плат твой не нужен, ты только президиум сиди, ты с 1905-го года член партии, у нас таких нет. Вот ты сиди у нас президиум. А я сказал: зачем мне твой президиум, не надо мне уже твой партий».

Закончилась ее жизнь очень печально. Не помню, что произошло со вторым ее сыном, мы о нем ничего не знали. А вот Нюрку, невестку, знали и было известно, что ее мужа посадили на десять лет. И когда он вернулся из заключения, то Сталина уже не было. И все равно он за сто первый километр был сослан, без права жить в Москве. Так он устроился водителем для того, чтобы ездить в Москву. И он грузы привозил в Москву, а у него семья в Новогиреево. И Лида Карловна уже жила у Нюрки, в Новогиреево. Тогда там были деревянные одноэтажные дома. И сын Карловны стал писать, чтобы его реабилитировали: «Десять лет вы мне не вернете, но почему я теперь какой-то лишенец, когда я, ни в чем не виновный, просидел десять лет. Я уже не требую, чтобы вы мне какую-нибудь компенсацию дали, но дайте мне возможность вернуться!» И вот однажды семья ждала его из очередного рейса, а приехал вместо него другой водитель. Приехал и говорит: «Ну что, Нюрка, дописался твой. Дописался?! Ну его и забрали». А Лида Карловна сидела в этот момент на террасе. Она это услышала — и у нее грянул второй инсульт. Теперь уже насмерть. Жизнь человеческую пропахала кровавая эпоха. И как тут по аналогии не вспомнить книгу Лунгиной. Наша коммунальная квартира №29 на улице Мархлевского стала отражением страшной истории XX века...

И все эти люди — живые символы времени, страшные и величественные, уродливые и жалкие, трагические и милосердные, жили в роскошных интерьерах эклектики и модерна. Советский сюрреализм, которому бы позавидовал сам Бунюэль! И все эти персонажи запечатлелись в феноменальной памяти Ирины Леонидовны, самой старшей из сестер Морачевских, чье детское воображение было опалено чередой неповторимых образов и исполинских судеб. Из этих ошеломляюще ярких живых картин складывается целый фильм, действующие лица которого — наши ближайшие

и далекие предки. Ведь мистика историко-родословных книг в том, что описывая жизнь вроде бы одного рода или одной семьи, поневоле оказываешься в поле действия других родословных сюжетов. Мы все, каждый по-разному, но вобрали в свои жизни разнофактурную ткань этого эпоса, и соединены им с целым миром. Казалось бы, где теперь потомки жителей той коммунальной квартиры — Зельцерманов, Лефлеров, почти булгаковских персонажей — Родионихи и умелицы Шеры, которая подсказывала Ире, как почистить пятно на шикарном мамином наряде так, чтобы не полиняло... И какое значение имеют продолжения этих историй, канувших в Лету? Но Земля круглая — и она опутана причудливой паутиной причинно-следственных связей, и не случайно нам дана память. Природа рациональна, и не одарила бы нас этим удивительным свойством, если бы, перебирая ворохи сухих листьев прошлого, мы не находили бы ключи от важных дверей.

В один прекрасный день в квартире на Мархлевского появился ее прежний владелец. Это было уже в позднесоветский период, когда в железном занавесе появились бреши. Он приехал из Франции. Поманило... то самое прошлое? Что он искал здесь, в перегородженной, перекроенной, израненной роскоши былого, покрытой многолетним налетом коммунального быта, боли, ужаса, страха, склок и непостижимого горького счастья остаться в живых. Не погибнуть на этой лестнице во время бомбежки. Не сгинуть в лагерях...

Узнал ли «блудного сына» Гений места? Несомненно. Узнал ли «сын» обитель своей счастливой юности? Камина он, конечно, не досчитался — того самого, что находился между комнатами Зельцерманов и Морачевских. Зато показал Ольге Сергеевне, что из ее комнаты, — к тому времени Морачевские разменяли одну большую комнату на две в той же квартире, — есть проход в другую огромную

19.
Наташа
с мамой Ольгой
Сергеевной
Морачевской.
Томилино. Конец
1940-х годов

коммуналку, которая находилась за лифтом! Просто изначально это были одни шикарные апартаменты. А при уплотнении их разделили.

Это была богатая квартира при прежних владельцах. Как заходишь — просторная прихожая с паркетом. И бесконечные двери! Комната направо, комната налево и комнаты впереди. Двустворчатые двери открываются в большую гостиную с лепным потолком. А дальше шли комнаты уже не парадные. Потому что в комнатах паркет, а в коридоре уже были доски. А там дальше была черная лестница. Огромные кухня, ванная и туалет. Комната для кухарки со стороны кухни, где жила потом Родиониха. А подъезд наш — он расходился на две лестницы — на парадную и на черную. На черной лестнице тоже были квартиры, но небольшие, бедные. Поднимаешься пролет на промежуточный этаж — и можешь выйти на черную лестницу. Так делали в доходных домах XIX века...

Потрясающе, но точно такой дом я увидела в Стокгольме на набережной! Я застыла! Мои попутчики удивились: ты чего? А я говорю: это же мой дом! По тому же проекту сделан. Я подошла к подъезду, заглянула. Он закрыт на кодовый замок. Стекла вставлены в дверях, естественно, — у нас же фанерой было забито. Хотя я-то помню, что, когда мы въехали, еще не было фанеры... Я подошла, смотрю: лестница, такая же, как наша, с лифтом и обрамлена тумбами, но только ковровая дорожка лежит. Все точь-в-точь, как у нас! Вышла на ту сторону, на набережную, смотрю издали — зеркальные окна. Вижу эти высоченные потолки, хрустальные люстры. Картины висят на стенах. И думаю: вот как мы могли бы жить, если бы ни революции, ни войны не было бы...

Прекрасный стокгольмский фантом Ирины Леонидовны — это несбывшееся, которое иногда зовет нас, согласно Александру Грину. У наших домов — свои тайны. Мы о них помним — и они о нас помнят. Мы храним их — и они хранят нас.

* * *

С. А.

Где-то там, на берегу пруда заброшенного,
Счастье потеряла — не нашла.
Как пришла любовь нежданно, непрошено,
Так же, не простившись, вдруг ушла...

Сколько нами было недосказано,
Сколько не исхожено дорог,
Если б кто-нибудь и понял это сразу,
Всё равно вернуть уже не смог.

Раньше было столько неприятностей,
Что казалось, хватит на года.
Было много, очень много разных разностей,
Лишь покоя не было тогда.

Я нашла его, покой желанный,
Мне теперь всё безразлично, всё равно,
Мне о прошлом, как это ни странно,
Даже вспоминать не тяжело,

Всё прошло с метельною порошей,
Потеряла больше, чем нашла.
Где-то там, на берегу пруда заросшего,
В первый раз я это поняла.

Сентябрь 1961 г.

Вовремя сообразить на троих

И все же город, даже самый прекрасный, — он у человека забирал силы, а земля — дает. Семейное гнездо семьи Морачевских в Томилино началось со светлой идеи главы семьи Леонида Михайловича построить собственный дом. Но сначала, для того чтобы члены семьи могли немного отдохнуть от коммунальной скученности, Леонид принял решение снять дачу в Быково. Она была расположена прямо рядом со станцией. И туда поселилась Ольга Ираклиевна вместе с мужем и любимыми внуками. Но мечта о собственном доме не оставляет Леонида Михайловича, и он начинает искать способ для ее осуществления. Ведь он вместе с семейством принадлежал к «прослойке общества», как тогда брезгливо именовали интеллигенцию, которую в советском государстве вечно в чем-нибудь ограничивали. Особенно в жилплощади и в праве на землю.

Но на то и был дан интеллигенту изобретательный и острый ум, чтобы эти абсурдные и вздорные законы обойти. В 1938 году Леонид Михайлович знакомится с инженером Центрального авиационного склада материалов, который располагался в подмосковном поселке Томилино. А тот в свою очередь, был близко знаком с рабочим того же склада по фамилии Куприянов, которому «правильное» пролетарское происхождение позволяло получить землю на свое имя для строительства дачи. Но у него не было средств, чтобы эту дачу построить. Надо заметить, что землю тогда давали бесплатно. И тогда Леонид Морачевский организовал кооператив на троих — он, инженер и рабочий Куприянов, который получил на свое имя участок. И стали строить один общий дом. Леонид Михайлович разработал проект дома и начал приобретать материалы для строительства. Сбережений у него никаких не было, он покупал все необходимое постепенно, на свою зарплату. Однако вскоре инженер вышел из этого трио — вероятно, по причине материальных трудностей. И тогда у дома осталось два хозяина.

«Строили мы этот дом... всю жизнь!» — вспоминала Ирина Леонидовна. Участок земли на ул. Кантемира, который достался Морачевским, находился на окраине поселка, рядом с прудом — и представлял собой сплошное болото. Получилось так, что с окраинного участка, пока там никто не жил, брали землю соседи. И слой земли истончился. Но если приглядеться, можно было заметить пробивающиеся сквозь кочки фиалки... Эту ускользающую красоту замечал чистый и незамутненный повседневными заботами детский взгляд. Но вовсе не потому, что детям было нечем заняться — Ира как старшая

уже помогала отцу возить землю на участок в тачках и тележках. Глядя на старшую сестру, и Нина захотела помогать — в «земляных» работах участвовала вся семья! Леонид Михайлович руководил всем строительным процессом, но прежде всего надо было осушить почву. Он собственноручно, вместе с рабочими, засыпал участок слоем чернозема. А участок, надо заметить, был немаленький — около 25 соток. Пруд в те времена был чистый, не зацветший, его питал подземный ключ, в нем жила рыба и можно было купаться.

Жить здесь семейство Морачевских стало уже в процессе строительства. Было построено две пристройки — вторая для семьи Куприяновых. Кстати, обе пристройки сооружались из стройматериалов их разобранного старого дома. Одна из них, бревенчатое строение, представляла собой 16-метровую комнату с пристроенными сенями. В ней были поставлены две печки — и вот уже сюда переехали бабушка Ольга Ираклиевна с дядей Колей и Ирой. Девочке был необходим свежий воздух. Два главных лекарства — воздух и сон. Дело в том, что Ира недавно перенесла таинственную болезнь, после которой чудом выжила. Диагноз тогда ей так и не был поставлен, хотя ее наблюдали настоящие столпы медицины.

Она лежала в Морозовской больнице, и почти полтора месяца у нее продолжались тяжелейшие приступы с высокой температурой и странными пятнами, которые потом оставляли следы, называемые в медицине «мраморной кожей». Предполагали, что это общее заражение крови, но когда в положенный срок Ира осталась жива, диагноз отпал сам собой. В те времена детей, попавших в больницу, коротко стригли, но бабуля свою дорогую Иру в руки казенного парикмахера не дала. «Как же мы ее без косы хоронить будем?» Врачи перечить Ольге Ираклиевне не стали. В этой семье были особенные люди — они умели в одиночку противостоять системе. В них жила древняя и несуетная родовая сила, которая дает крылья, чтобы воспарить «над схваткой».

Так или иначе, болезнь, угрожавшая летальным исходом, внезапно отступила. Крепкая порода победила. Жизнь продолжалась. Началась эпоха Томилинского дома...

Хотя его, в сущности, пока не было. Был поставлен сруб, крыша, пристройки. Бревенчатая стена делила дом на две части — за стеной жили Куприяновы. Уж был запасен материал для пола — доски, но они еще не были настелены. Леонид Михайлович концептуально

руководит строительством, нанимает рабочих, следит за процессом — и не забывает о земле. Он постоянно в командировках, и привозит из каждой поездки саженцы для будущего сада. Сад должен быть обязательно! В памяти остался шикарный сад в Червоне. И Леонид придумывает не только проект дома, но и проект ландшафта. Сад по его замыслу состоял из трех частей — трех полей, разделенных разными кустами и деревьями. Деревья — это, прежде всего, яблони. Яблони здесь были отборные — антоновка, пепин, другие сорта, — главное, что все яблоки были вкусные, сочные, породистые... Из мелкой китайки варили варенье «с палочками». Рос здесь и живописный пирамидальный орех с красными листьями, и грецкий орех, который хорошо зимовал и даже плодоносил, только орехи у него были несъедобные. Здесь росло много вишни и разных других плодовых кустарников самых разных сортов. В этом саду прижились даже те культуры, которые и не должны были плодоносить в местном климате. И если строительством дома Леонид Михайлович только руководил и сам брал в руки молоток редко, то сад он возделывал собственноручно. А Ольга Ираклиевна украшает его цветами — высаживает вдоль дома свои любимые шикарные георгины, клумбы с флоксами, золотые шары у калитки и чайные розы у сарая-мастерской дяди Коли.

Впрочем, все это великолепие появилось не сразу. Дом строился постепенно, «от зарплаты до зарплаты». Вскоре здесь поселилась и Нина. И в 1940 году сестры вместе пошли в Томилинскую школу — Ира в пятый класс, а Нина во второй.

Под крылом самолета...

Хранителями и бессменными жителями этого дома была бабушка Ольга Ираклиевна и дядя Коля. В доме были разгорожены три комнаты и кухня, но до войны их не успели сделать жилыми, и пока основная жизнь проходила в одной обжитой комнате и на кухне. В пристройке стены так и остались бревенчатыми, а в остальных комнатах стены были отделаны уже после войны. От двух комнат отходили террасы — одна застекленная, другая открытая. Как было вкусно здесь, на свежем воздухе, навернуть тарелку бабушкиного борща! Аромат обеда из овощей со своего огорода поздним летом на террасе — что может быть лучше... Даже в голодные времена Ольга Ираклиевна из ничего могла соорудить вкуснейшее блюдо. Ира, на тот момент уже Ирина Леонидовна, и через годы вспоминала: «У нас могло не быть чего угодно, но еда была всегда. С такой бабушкой и папой-добытчиком!»

В доме был сделан второй этаж, но он, по большому счету, так и не стал жилым. До него руки не дошли, да и средств не хватило. Тогда вела широкая лестница, светлая и пахучая. Второй этаж был высоким, просторным, залитым светом. Там пахло солнцем, теплым деревом и пылью, — как вспоминала дочка Нины Леонидовны Татьяна Одинцова. Там доживала свои дни волшебная китайская ширма, поврежденная бомбежкой. И там она рассказывала свои истории уже следующему поколению — правнукам Ольги Ираклиевны. Томилинский дом и сад казались им огромными! Это был целый мир, полный приключений и тайн. Старые дома, чердаки, вещи, пропитанные давно ушедшими временами и чьими-то судьбами, — все это тоже создает наш характер, питает, воспитывает. То, что так и осталось невысказанным в глазах отца или мамы, — хранит нас всю жизнь.

Дверь из кухни вела в задний хозяйственный двор с курятником — бабушка еще до войны развела кур, и они в доме были всегда. А во время войны еще и уток, и поросенка. Но бедный поросенок не выдержал военного положения, рос он плохо и только чернел от недостатка пищи. Про него шутили — не подбросить ли ему еще уголька... Кстати, участок земли, который был отведен под хозяйственную часть за домом, Леонид Михайлович присоединил позже — так сказать, выровнял улицу..

Ольга Ираклиевна и Николай Иосифович в эвакуацию не поехали и пережили всю войну в Томилино. В жизни дяди Коли война уже была — он ушел добровольцем в Первую мировую за своего старшего брата, у которого уже была семья, а Коля был совсем

молодым. Подобная рокировка еще позволялась в те времена. Такие военные имели статус вольноопределяющихся, немного более привилегированный, чем просто солдат. Но пуле и смерти все равно, у кого какой статус... Дядя Коля был контужен — ноги были прострелены, и газами он был травлен. Служил в кавалерии. На память о войне у него остался стек и бурка. В мирное время он работал егерем под Червоной, поскольку человек военный и с лошадьми управляться умел. Здесь он, вероятно, с Ольгой Ираклиевной и познакомился. В Сибири Леонид Михайлович пристроил его работать в «Сибстройпуть». Забавно, что в сознании детей с самого раннего детства отложилось, что дядя Коля — добрый человек из леса, и дружит там с зайцами и белками. Когда он возвращался, маленькая Ира всегда ждала из его рук булку «от зайца». Бабушка незаметно доставала из шкафа булку и быстро передавала Коле, а он вручал Ирочке заячий гостинец. С тех пор родители, приезжая из командировки, тоже привозили что-нибудь «от зайца»... Родилась традиция. А в Томилино дядя Коля уже работал завхозом в Институте сельского хозяйства.

Ольга Ираклиевна, хоть на войну и не ходила, но про эвакуацию категорически заявила, что видала она этих немцев в 1914 году, и к тому же ей не с кем кошку оставить. Кстати, и ездила она во время войны в Москву по гостям вместе с этой знаменитой кошкой Муркой, пережившей бомбежку. Это вам не с гламурными собачками по тусовкам колготиться...

Что же представляло собой Томилино, с которым так тесно связана семейная история?

Этот поселок, расположенный в самом центре Люберецкого района, когда-то был владением князей Оболенских. По иронии судьбы много позже здесь проживал известный певец Михаил Звездинский, автор романа про поручика Голицына и корнета Оболенского. А жил он тоже в известном, но уже в местном масштабе, доме купцов Тестовых. На улице Карамзина до сих пор сохранился этот большой двухэтажный дом, который более 100 лет назад построили два брата-купца.

22.
Ира Морачевская
(слева) с подругами. Томилино.
1930-е годы

Старший из братьев Тестовых в дореволюционное время был известен своим рестораном в Москве, где сживали Федор Шаляпин и Савва Мамонтов, да и многие выдающиеся личности того времени. Считалось за великую честь попасть к Тестову и отведать его знаменитые расстегаи. Это заведение соперничало с самим «Славянским базаром»! Как писал Гиляровский, «заторговал Тестов, щеголяя русским столом. И купечество, и барство валом повалили в новый трактир. После спектаклей стояла очередь театральная публика...»

Дом Тестовых под номером № 24, конечно, уже видоизменился, но дух основательных хозяев остался: широкая веранда, лестницы на второй этаж, знаменитые кусты жасмина, сарай-амбар... — все это осталось неизменным. Более гектара земли принадлежало братьям: границы их участка проходят от ул. Карамзина до ул. Аксакова. На месте дома 22 располагалась пекарня, где обучалось и работало местное население. В оранжереях выращивались цветы и овощи. А младший Тестов разводил коз, что и позволило купеческим семьям выжить после раскулачивания в 1920-х годах.

Если бегло пробежаться по истории Томилино, то документально она началась в 1904 году, когда был изготовлен план поселка. Требовалось упорядочить нумерацию домов, так как застройка дач велась довольно быстро, и появлялись новые безымянные улицы. На заседании общества благоустройства домовладельцы решили именовать улицы по фамилиям известных русских писателей. И это стало традицией. Первые улицы были названы в честь Пушкина, Гоголя, Никитина, Гаршина, а после революции появились улицы Горького, Маяковского, Серафимовича.

В 1909 году здесь было организовано Земское попечительство при Московской уездной управе. Председателем был избран Клавдий Томилин — очевидно, его фамилия и дала название дачному поселку. «Отчет Томилинского Земского попечительства о бедных и нуждающихся за 1909 год» — единственный документ о Томилино дореволюционного периода. Сохранились сведения и о том, что в том же году действительными членами попечительства стали всего 138 лиц, хотя членский взнос был небольшим — от 25 коп. Однако сам Томилин платил 10 рублей, его жена — 5 рублей, дачевладелец Воротников — 3 рубля, княгиня С. С. Оболенская и ее дочь — по 5 рублей, владелец

23.
Ольга Ираклиевна
(справа) и Нина
Морачевская с со-
седями. Томилино.
1930-е годы

Пехорской мануфактуры И. Корзун — 10 рублей. К 1914 году в Томилино было построено 350 дач и других жилых строений, а к 1918 году появились улицы Лермонтова, Толстого, Островского, Жуковского, Некрасова, Крылова, Тургенева, Чехова, Фонвизина, Ломоносова...

В предвоенные годы поселок Томилино был типичным дачным поселком, притом активно растущим. Но именно в этот период здесь появлялись и новые производственные предприятия. Заметное место в поселке занимал Центральный авиационный склад (ЦС).

Кстати, и в настоящее время в поселке действует ряд предприятий военного и стратегического производства, среди которых — вертолетный завод им. М. Л. Миля и НПП «Звезда», специализирующееся на выпуске аэрокосмических систем жизнеобеспечения и средств спасения экипажа.

В 1930-е годы здесь работали Томилинская птицефабрика, организованная в 1929 году, а также перчаточная фабрика, находившаяся вблизи железнодорожной платформы. Работали колхозы в Хлыстове и Кирилловке — эти деревни входили в черту поселка. В зоне ЦС действовала дешевая общедоступная баня с мужским и женским отделениями. В поселке для той поры было довольно много школ: одна средняя школа № 2 — ныне это средняя школа № 14. Также на улице Чехова работала неполная средняя школа № 7 — в наше время это школа № 17. И были еще три начальные школы: № 1 — сейчас это лесная школа, № 3, которая находилась в поселке Птицефабрики, и еще одна школа на улице Тургенева.

Ира ходила в среднюю школу № 2, которую и окончила. Нина после возвращения из эвакуации стала учиться в Москве, а младшая Наташа ходила в Томилинскую школу № 7. А как жилось сестрам? И какие они были? Разные. И в то же время очень близкие друг другу — ведь их объединял чудесный Дом...

Я сегодня тебе в день рождения
Очень многое подарю.
Подарю тебе ночи осенние
И утреннюю зарю.

Подарю тебе золото осени,
Московских улиц огни,
Жемчужные звездные россыпи
И огромную чашу луны,

Тихий, ласковый шёпот сада,
Песни, что ветра поют,
Ноябрьской ночи прохладу
И тёмный заросший пруд,

Капли росы неприметные.
И ещё я очень хочу
Подарить тебе самую светлую,
Особенную мечту.

Мечту о далеких странах,
Об эдельвейсе в горах,
О седых, холодных туманах
В северных диких морях,

О высоких степных курганах,
О суровых звенящих ветрах,
О синих морях-океанах
И о парусных кораблях.

Ты держи её очень крепко,
Эту солнечную мечту,
Ведь чем скучно сгнивать на ветках,
Уж лучше сгореть на ветру.

Сентябрь 1961 г.

Триада Морачевских

Ира — первенец, как называл ее папа, «старшухин». Леонид Михайлович ждал сына, а родительские ожидания всегда влияют на детей. Характер у Иры был мальчишеский, волевой. Она и на детских фотографиях похожа на мальчика. Никакого девчачьего кокетства и точный склад ума. А первое ее воспоминание окрашено чувством впередсмотрящего. Командировка на Алтай, Ире четыре года:

Вся семья с годовалой Ниной едет в таратайке, а я гордо восседаю на лошади перед папиным седлом. И первым моим словом было не «мама», а «пикет», профессиональный термин. Так называют колышки с геодезическими координатами, по которым ориентируются строители.⁶

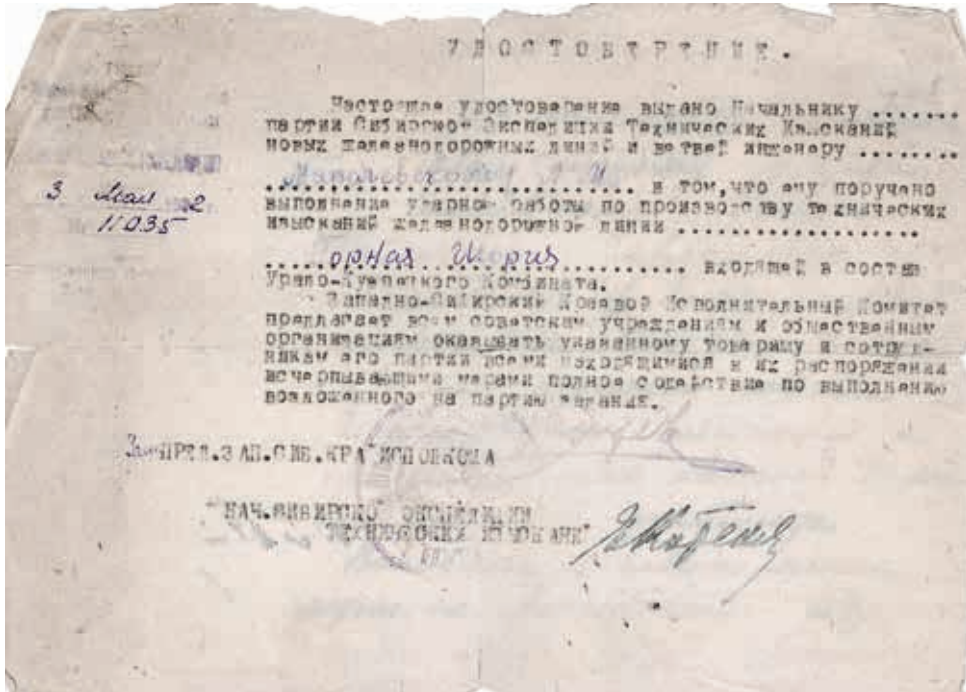
Первенцы часто вынуждены выполнять родительскую программу, брать на себя семейное призвание, но с Ирой этого не случилось. В ее выборе не было ничего вынужденного. Во-первых, в отрочестве она совершенно искренне хотела пойти по стопам отца и окончить МИИТ. Но мудрый Леонид Михайлович сам отговорил ее от этого. Не женское это дело — изыскания на местности и встречи с медведями в тайге. А рутина, так называемая камераловка — обработка данных и чертежей, — это не по Ириной деятельной натуре. Так что девочка с точным складом ума сама выбрала свой путь.

Ира — папина дочка, без сомнения. Но папиной любви хватает на всех, и в этом не было никаких обидных предпочтений. Просто порой бессознательно такая роль возлагается на первенца, он — папина надежда. Мама же по-своему влияла на жизненный путь: она, например, решила подправить Ирино место рождения. Родилась Ира в поселке с красивым названием Тихонова Пустынь Калужской области. В том время, в 1928 году, там жила тетя Маруся, старшая сестра Ольги Сергеевны — Мария Сергеевна Бурко, в замужестве Головачева. Драмы и чудеса семьи Головачевых подробно описаны в книге «Терпкие нити любви...», а сейчас важно знать, что у тети Маруси была добрая свекровь, и Ольге хотелось рожать не в чужой — тогда еще! — Москве, а поближе к родным и тепло принимающим ее людям. Там, в Тихоновой Пустыни, где открывается прекрасный вид на мужской монастырь, первого мая Ольга благополучно разрешилась от бремени. Но местом рождения Иры записала... Гребенку! Там, где жили ее родители еще до рождения самой Оли, узловую станцию, через которую она ездила, когда работала учительницей в Лазорках. Вот захотелось ей увековечить в дочкиной метрике родную Полтавскую гу-

⁶ Здесь и далее в этой главе воспоминания Ирины Леонидовны Морачевской

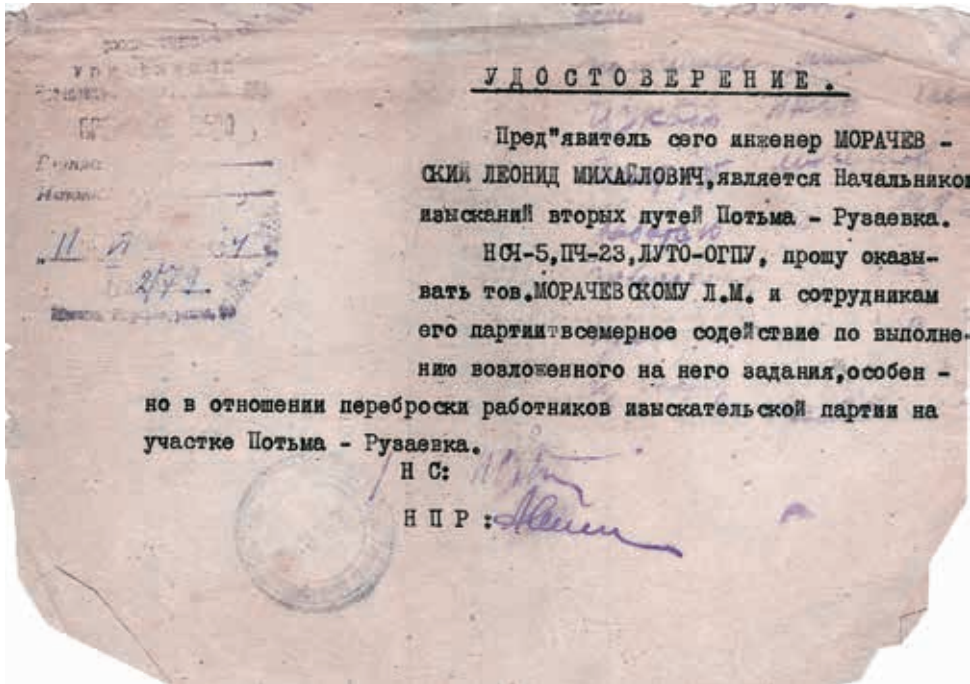
24.
Удостоверение
начальника
партии Сибир-
ской экспедиции
технических

изысканий
новых ж.д. путей
в Горной Шории
Л. М. Морачев-
ского, 1932 г.

бернию. На Солоницкой к тому моменту никто из семьи не жил. Не Лазорки же писать — это уж совсем, как говорится, хуторок в степи. А ведь еще недавно она стремилась окунуться в огни большого города... Но рождение ребенка — в каком-то смысле всегда зов Родины, пусть тихий, неразгаданный. Хотя, наверное, эта запись была обусловлена житейскими обстоятельствами — ведь Ольга Сергеевна в то время числилась еще работающей в Лазорках...

И тем не менее Гребенка оказалась с тайным смыслом! Может, Ольга Сергеевна была провидицей? Прошли годы, и даже десятилетия, прежде чем племяннику Ирины Леонидовны — и внуку Ольги Сергеевны — Дмитрию Наринскому пришла в голову светлая мысль собрать все удивительные сюжеты, факты и родословия своих предков в уже упомянутую книгу «Терпкие нити любви. Семейная история в документах и воспоминаниях». А вдохновил его на воссоздание родословного древа друг, который сам давно и успешно занимается генеалогией, — Михаил Петриченко. Взяв в руки экземпляр только

что пришедшей из типографии книги, он открыл ее, на первой попавшейся странице, и увидев фотографию станции Гребенка сказал:

— А здесь, указывая на окно второго этажа, — я ночевал, когда приезжал знакомится с моими родственниками, исследую генеалогию своего рода.

Это было фото станции Гребенка... Таким образом, предки двух друзей, вероятно, были знакомы! И, возможно, те, кого мы встречаем на жизненном пути, генеалогически неслучайны...

Но вернемся к Ире, пока еще маленькой девочке, к ее отношениям с мамой... Наверное, они могли быть теплее. Так получается, что именно первенец берет на себя бремя родительских притирок к новой роли — роли матери и отца. Только в теории кажется, что взрослый человек к этому важному этапу готов всегда, и лишь слышит он первый крик своего новорожденного дитя, чувство любви, долга и ответственности просыпаются в нем сами собой. Но материнский инстинкт — это стихия, и он не включается кнопкой. А закладывается — можно сказать, еще до рождения самой матери. Потому что все идет из семьи, из родовой истории. Ольга Сергеевна родила Иру

в двадцать два года, точнее в неполные двадцать три. А свою младшую, Наташу, она родила в неполные тридцать девять. «Ты меня старшишь, а она меня молодит», — скажет она однажды Ире. Потому что в двадцать два ребенок — это не только откровение, но и новое, незнакомое доселе бремя забот. А в тридцать девять — нечаянная радость для женской природы, продление ее цветения. Но спираль нашего эго закручена гораздо сложнее физиологии! Именно Ира станет опорой Ольге Сергеевне в зрелые годы. И вот тогда она, старшая, продлит ей жизнь... И главное — не будет носить в себе обиду на маму. Напротив, из трех сестер у Иры к маме сохранились самые теплые чувства. Вместе с взрослением к ней пришло понимание многих и многих нюансов, из которых соткано родство. И мама это оценит. Ведь отношения даже между самыми близкими людьми — не постоянная, застывшая в незыблемом статусе величина. Нет! Они меняются вместе с нами, и это вечный двигатель жизни.

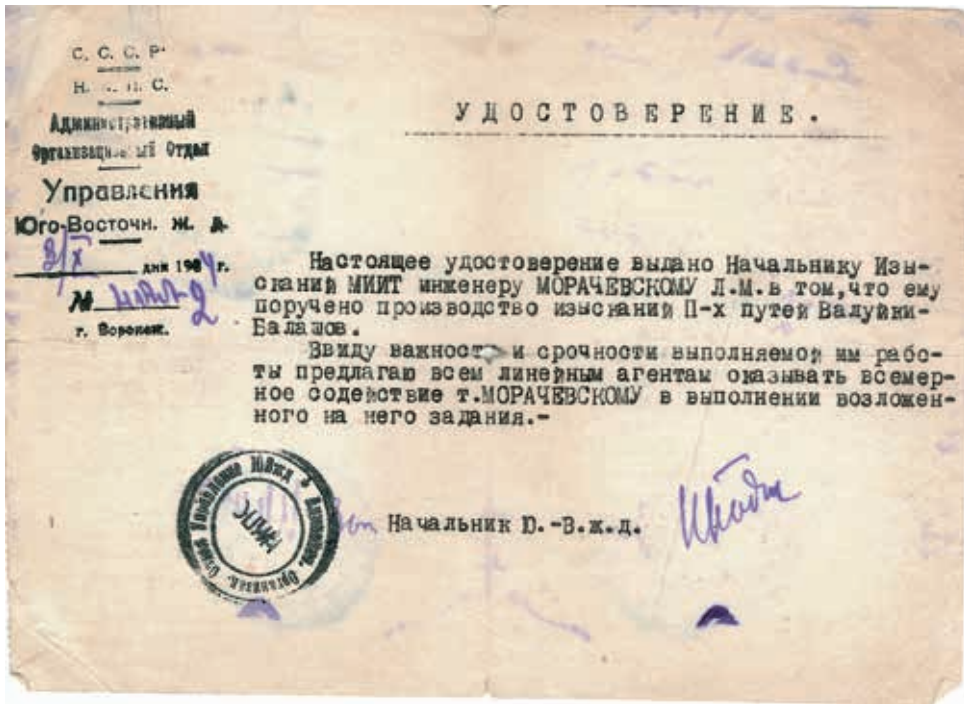
Есть такие натуры, которые внешне кажутся рациональными, но они ранимы и глубоко эмоциональны. При этом они умеют быть великодушными. Воспарить над схваткой и даже над своей глубокой травмой ненужности — если таковая была. Дар божий — примириться со всеми, всех понять и ни на кого не держать зла. Тот, кто принимает этот мир во всей его полифонии, и получает от мира больше других.

Спустя много лет Ирина Леонидовна рассказывала своей племяннице Татьяне Одинцовой:

Моя соседка Тамара Федоровна говорила: «Какая у тебя мама интеллигентная! Она, наверно, голубых кровей? Вот я ей деньги, бывало, отдаю, а она так рукой делает... Все у нее в жестах!» Мне смешно — какие там от железнодорожника Сергея Филимоновича голубые крови! А жесты у мамы такие были, потому что ее кошка укусила, и повредила сухожилие, и рука была немножко искривлена. Что же касается воспитания, то ее воспитывал муж, отец наш, Леонид Михайлович. Он был интеллигентный и с очень хорошим вкусом, который привил и маме. Какой он был интересный мужчина! У него высшее образование, которого у мамы не было. И мама никогда не занималась тяжелой физической работой в принципе. Вот как-то она к этому была не приспособлена, хотя детство у нее было тяжелое... Но я не могу представить маму с тяжелой поклажей в руках. Вот бабушка Ольга Ираклиевна — та могла с мешками, с навозом... И отец мог. Он все мог. Отец кормилец был. Вообще — отец! Мое детство и любовь ко мне — от отца. О маме... я только и помню: либо за ухо, либо в угол, либо по одному месту. Старалась меня воспитывать, но у нее все больше кнутом получалось почему-то... Может, ей сложно было, потому что она сама была недолюбленным ребенком.

26.
Удостоверение
начальника изы-
сканий на участке

Валуйки — Бала-
шов Л. М. Мора-
чевского, 1934 г.

Притом она папу тоже призывала: ты должен ее воспитывать, наказывать! А отец вместо того, чтобы наказывать, просто брал меня с собой. Помню, как в Горной Шории мы с отцом ходим, его хозяйство смотрим — как свиной режут, он меня учит, как вкусно смаковать хвостик и свиное ушко закопченное, хрящики эти грызть. Это все от папы!

В его руках тайга людей кормила. Здесь жили раскулаченные, которые ушли от советской власти, они ушли в тайгу. Это еще 1930-й год, в Сибири Советская власть установилась много позже, чем в центральных областях, поэтому беглых в это время там полно. Разбой полнейший. А папа умел брать их на работу — без паспортов, без документов. И вот в домиках, которые оставили геологи, разворачивали хозяйство. В одной избе у нас была так называемая молоканка — папа привез сепаратор, и два бородатых мужика взбивали из молока масло. Другие мужики разводили свиной... Остальные продукты нам доставляли «караваном» — на лошадях, без телеги, в тюках привозили крупы, но на этом одном не прожить. По глухой тайге отец отвозил своим работникам зарплату, а все вооружение у него — пистолет и мелкокалиберная винтовка. И возница еще с ним. Мама нервничает, ей говорят: «Сергевна, не волнуйся, Михалыч нам деньги везет. Тайга знает — его никто не тронет».

27.
Доверенность
начальника
экспедиции

по изысканиям
и проектирова-
нию дороги Ста-
линабад — Куляб

— Джиликуль
Л. М. Морачев-
ского, 1940 г.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
Шоссейных дорог
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

14/IV-40
12/650

ТАДЖИКСКОЕ ЦЕНТРАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ШОССЕЙНЫХ ДОРОГ
Ташкент
Телефон № К 774-73

Д О В Е Р Е Н Н О С Т Ь

Настоящая доверенность выдана Начальнику экспедиции Московской Конторы изысканий и проектирования Совздорпроекта Гумосдора НКВД СССР тов. **МОРАЧЕВСКОМУ** Леониду Михайловичу в том, что ему поручается организация, руководство и производство работ по изысканиям и проектированию дороги Сталинабад-Куляб-Джиликуль.

Начальнику экспедиции т. **МОРАЧЕВСКОМУ** доверяется:

1. Вхождение в договорные отношения с Главдорупром при СНК Таджикской ССР, заключение с ним договоров и дополнительных соглашений на работы по изысканиям и проектированию и производство расчетов по этим работам.
2. Организация и производство необходимых топографических, дорожных геодезико-разведочных и полисных работ, собирание всех данных, необходимых для проектирования искусственных сооружений и автомобильных дорог, привязывание к существующим опорным пунктам и реперам высот, установление реперов высот и опорных пунктов Гумосдора НКВД СССР в необходимых местах для закрепления проектируемых сооружений.
3. Входить в договорные и прочие отношения со всеми государственными, кооперативными и хозяйственными организациями по вопросам, связанным с проведением вышеуказанных работ.
4. Производить все денежные операции, связанные с финансированием производимых экспедицией работ, т.е. открывать и закрывать в кредитных учреждениях расчетные, особые и текущие счета, подписывать за одной своей подписью без приложения печати чеки на получение денег и платежные поручения на перечисление сумм и вообще быть распорядителем кредитов в пределах отпущенных экспедиции лимитов на порученные экспедиции объекты изысканий и проектирования.
5. Право найма и увольнения рабочей силы в соответствии с КЗСТ.
6. Приобретение и хранение необходимых для производства поручаемых экспедиции работ материалов и имущества.
7. Получать и отправлять всякого рода связанную с работой почтово-телеграфную корреспонденцию.
8. Получать и отправлять необходимые для производства работ всякого рода грузы по ж.д. водным путям сообщения, шоссейными дорогами и прочим видам транспорта.

Подпись руки *Л. М. Морачевский* удостоверяется.

Доверенность действительна по *31 декабря* 1940 года.

Московской Конторы
экста ГУИД НКВД
СР

Сутский / ОТСНОВ

Однажды папа вез нам мешок с курицами и петуха. И вот видим такую картину — бежит возница, кричит:

— Михалыч-начальник на переправе затонул, хватай багры, побежали!

Мама перепугалась. Оказалось, что таратайка переправлялась через реку, а моста настоящего не было — только где-то слуги положены, где-то бревна. И таратайка стала валиться на бок. А чтобы все быстрее побежали, возница кричит, что тонет не кто-нибудь, а начальник! Слава Богу, вытащили. Интересно, что изначально петух был внизу, под курочками, а когда мешки вытащили — петух уже был наверху, что называется, по головам пошел в момент опасности... А вот горные лошади — они, наоборот, умнейшие и в случае чего человека спасают. Если таратайка заваливается, то они стараются ее держать в равновесии. Я сама видела, как такая повозка с мамой и грудной Ниной чуть не опрокинулась, папа их вытаскивал... Так что, можно сказать, целым хозяйством отец руководил. Мы всё имели! В один прекрасный момент приехал к нам начальник партий, которые навстречу шли, — чего-то ему надо было с отцом обговорить. Так этот начальник жаловался, что они голодают. Наши дали ему с собой сливков, он потом рассказывал, что пока ехал, у него масло сбилось!

А какие в тайге грозы потрясающие! Раскаты грома, молнии между гор — словами не описать! А какие кедровники, а какие шишки.... Как-то отец даже глухаря принес. Вот так держит его за крыло, а второе крыло до земли — огромная черная птица с красными сережками. Там очень красиво... И на всю жизнь запечатлелась картина из детства, как мы с отцом ходим по берегу реки. Реки у нас две было: Тихая — широкая, спокойная, и Телец — типичная горная река с пеной. И вот идем по берегу — костры горят, свиней режут и на кострах их опаливают. Когда деревенское сало продают, то про него непременно скажут, что на можжевельных ветках коптели! Вот его опаливают, скребют, разделяют... Когда мы приехали в Новосибирск, я очень хорошо помню, что все это мясомолочное богатство под руководством отца перевозили, а как? Ведь рефрижераторов не было... Привозили — и сотрудникам выдавали в сарае около общежития. Люди приезжали с саночками и увозили продукты. В Новосибирске ведь были карточки, и без преувеличения голодуха, а мы из партии везли такие отборные продукты! Невероятное количество масла, сала. Наш отец в любой разрухе мог все обустроить и всех накормить!

Наша Нина родилась недоношенной, и ей, видимо, не хватало элементов в организме — поэтому она очень любила всякие странности, — например, пепел могла есть или известку. Она страсть как любила масло сливочное. Его, замороженное, отчего-то рубили топором, а не проводом резали, — и летели осколки этого масла. И маленькая Нина эти ледяные осколки масла ела!

Что скажешь, я прекрасно помню время, когда она родилась. Как мы с бабушкой поехали ее забирать из роддома, в каком она была одеяльце, как я сидела в ожидании, когда ее вынесут. Три года мне было. Восемьдесят лет

назад — а день этот как на ладони! Приехали, поднялись по лестнице, там такая была скамейка с подлокотниками и со спинкой. Бабушка меня посадила, а сама с вещами вошла в большую двухстворчатую дверь. А я осталась сидеть, а главное пол был — кафельный! Чего я до того никогда не видела. Он был из квадратиков разного размера — одни побольше, а внутри них те, что поменьше. На этом кафеле было бы так хорошо в классики играть! Мечта! И вот я сидела на этой скамеечке, смотрела на эти кафельки. Из дверей появилась мама и бабушка с конвертиком. И мы сели на извозчика в пролетку. Мама села, и бабушка села с Ниной, а меня поставили. Мне показалось обидно, и я решила, что мне тоже надо сесть, а мне сказали, мол, нет, постоишь. Тут началось мое, так сказать, приземление. Теперь я старшая, у меня родилась младшая сестра... Принесли ее домой. У нее было розовое с белым одеяло, байковое, такие стандартные советские одеяла для новорожденных. Противенький розовый цвет с белым. И у нее было такое же, клетчатое. И вот ее положили, и как начала она голосить! Она так открывала ротик, что все там внутри было видно до желудка. И вот я рядом с этим вопящим комочком прыгала и говорила: «Не плачь. Не плачь, я с тобой. Я твоя сестренка!»

И начались мои тяжелые дни. Потому что когда Нина плакала, считали, что виновата в этом, конечно, я. И мне очень сильно влетало. Мама прибегала: «Что ты с ребенком делаешь, она же маленькая!» А я ничего не делала! И бабуля стала меня прятать у себя. Я скрывалась у них с дядей Колей. У них был такой сундук большой, у меня там кукла была, и я на этом сундуке сидела. И когда Нина начала ходить, она подходила к бабушкиной двери и говорила: «Васа И-а дома?» И старалась меня оттуда выманить. Я не выдерживала, выходила. А эта злыдня, как говорила бабушка, начинала либо щипаться, либо лягаться. Я ничего с ней не делала — только пыталась удержать. И начинался дикий вопль, и опять прибегала мама и говорила: «Ты что с ребенком делаешь?» Раз меня за ухо! И по одному месту. И я опять летела к бабке...

Вот так мы начали нашу жизнь в Новосибирске. Отец продолжал работать в «Сибстройпути», он был начальником изыскательских партий. И поэтому летом мы выезжали на изыскания куда-нибудь. А зимой они обрабатывали результаты изысканий, проектировали железную дорогу. Есть такие города в Казахстане — Рубцовск и Риддер. А железная дорога между ними «Рубцовка — Риддер» — это произведение моего отца, которое существует по сей день! В Кузнецке он дорогу строил, в Горной Шории... Отец строил, мы за ним ездили.

Но все-таки они были людьми очень разными, наши мама с папой. И мне кажется, что отец очень любил маму. Он и поехал в Лазорку на ней жениться. А мама была человеком более прагматичным, что ли. И она смотрит: приехал молодой человек, институт уже оканчивает, москвич... И вышла замуж. Притом вот так, сходу. Я потому так рассуждаю, что когда она меня «гнала» замуж и приводила резоны, и свою жизнь при этом вспоминала, — тут что-то

28.
Ольга Сергеевна
Морачевская
с дочерьми. Конец
1940-х годов

29.
Сёстры Морачев-
ские. Томилино.
1950 г.

28

и проскальзывало, что какой-то мельник за ней ухаживал, а она подумала, как лучше, и выбрала отца.

И все же... даже когда родилась Наташа и мы с Ниной стали в некотором смысле помехой в ее жизни, я... маму поняла и пожалела. Так же, как я жалела Нину, даже когда она лягалась. Я все равно ее жалела и за нее боялась. У меня с детства был страх за Нину. Может, он и не из хороших побуждений был рожден, а от того, что мне за нее влетало, и я боялась, что с ней что-то случится, а я в ответе буду. Это я теперь анализирую. А Нина всюду лезла и не боялась: там жердочка какая-то, по ней страшно идти, она не боится, идет, а я ору: не ходи! У меня все время был страх за близких. Я думаю, это черта характера такая. Потому и маму мне стало жалко. Я даже скажу, что я ее жалеть стала раньше, до Наташи. Я ее жалеть стала во время эвакуации. Увидела, что жизнь у нее не сахар. Что она заботится и переживает за нас. Я не знаю, что тут, где и как сработало, но если поразмыслить, как мама жила? Несмотря на все ее шикарные туалеты! 18 метров комната. Мама-папа, двое детей и бабушка с дядей Колей и с сундуком, который поставили под окном. Опять все тот же кованный сундук, на котором я сидела в Новосибирске. Вот что делать? С одной стороны, мама жила, как сыр в масле, с другой стороны была властная свекровь, молодая, с молодым мужем, категоричная во всех своих проявлениях. Если подумать объективно, то маме не позавидуешь. Может показаться, что она детей сбаврила сначала на дачу в Быково, потом в Томилино. Но бабушку было иначе не выселить! Она же приехала к нам в Сибирь с Украины явочным порядком. Сказала:

29

здесь мой сын, и я здесь буду жить! Это не обсуждалось. Потом все вместе вернулись в Москву на Мархлевку. И вот через какое-то время родители сняли дачу и сказали: детям нужен свежий воздух. И бабушка с дядей Колей поехали жить с нами на даче. А папа с мамой остались в этой комнате. Потом уже стали строить Томилинский дом. И не надо забывать, что бабушка по каждому поводу старалась привлечь нас на свою сторону, это была такая внутрисемейная борьба за влияние... Бабушка боролась за нашу любовь и не хотела ее ни с кем делить. Семья — это всегда многослойность мотивов, и трудно различить, где альтруизм, а где самолюбие. И всех можно понять!

Наташа с шести лет жила в Томилино. До этого она жила на Марлевке, а потом Ольга Сергеевна вышла на работу, и Наташа пошла в Томилинскую школу. Так что в школьные годы Наташа была под бабушкиным крылом. Ольга Ираклиевна стала бабушкой в сорок два года, в наше время и рожают позже! При этом ее совершенно не волновал вопрос, кто ее старит, а кто молодит. Она любила своих трех красавиц-внучек, а потом и правнуков. И никого из них она не просила не называть ее на людях бабушкой, потому что это может выдать ее возраст. Смешно даже думать об этом! Словом, провидение распорядилось так, что Ира, Нина и Наташа никогда, ни на миг не почувствовали себя брошенными. Они, все трое, были любимыми.

В Томилино был наш дом. Мы все там жили, мы там выросли, нас там любили. Тем более папа всегда хотел, чтобы мы чаще собирались все вместе, чтобы сообща садились за стол, а бабушка готовила свои вкуснейшие обеды. Принять, накормить для нее — святое. Готовила она много и вдохновенно, и сколько бы ни пожаловало гостей, из Томилинского дома все уезжали сытыми. Все-таки наше детство, несмотря на эпоху, было праздничным! И никто не чувствовал себя обделенным.

Разве что из-за куклы с фарфоровым лицом! Нина бережно сохранила детальные воспоминания о детстве и записала их уже в зрелом возрасте в простую школьную тетрадь. Тетрадь эта бесценна: записки впечатлительной, тонко чувствующей натуры даже из кукольных драм могут вырастать до прустовских вершин. Нину язык не поворачивается назвать «средней» сестрой, она яркая творческая индивидуальность. Кстати, долгое время, пока не родилась Наташа, она была просто младшей. И все «драмы» младших детей испытаны ею сполна. Вот сцена: Мархлевка, Нина болеет, приезжают гости из Сибири. Но почему, скажите, старшей Ире один из гостей и мамин поклонник дарит куклу в половину Нининого роста с фарфоровым лицом и закрывающимися глазами — иностранку! — а Нина получает в подарок простушку в кокошнике с тряпичным лицом? Нина бросает куклу на пол, заливаясь слезами, скандал! «Неблагодарная девочка!»

Вот Ира играет куклой, любовно ставит ее на тот самый знаменитый фамильный сундук, где спит бабуля, чтобы фарфоровое сокровище было видно сразу от входной двери в комнату. Делает ли она это специально, чтобы досадить сестре? Нет, конечно! Но так кажется! Нетерпеливым, непоседливым, ранимым, ревнивым младшим с их неуправляемым сгустком эмоций часто кажется, что старшие назло... ну вот почему, почему она так долго хранит свою шоколадку, когда Нина свою давно съела?! Это же мучение... Но вот Нина выздоравливает и начинает носиться по комнате. Разбегается и запрыгивает на сундук. Запрыгивает раз, запрыгивает два... и однажды кукла падает и разбивает лицо. Как будто нечаянно... но тут уж кто тебе поверит! Наказание неминуемо, а Ире дарят такую же куклу. Но когда дядя Коля склеивает разбитой кукле лицо, то теперь у Иры две куклы, а у Нины ни одной! Хочется взмолиться — да бросьте вы это кондовое воспитание и будьте милосердны к протесту младших. Иначе потом может разбиться совсем не кукла...

Хотя почему только к младшим?! Старшие — те же дети. Такие же ранимые и уязвимые! И нет тут правых и виноватых. Вот провинилась Ира, ее будут наказывать, мама открывает ящик комода, там, конечно же, ремень... Нина этого не может вынести, она рыдает, па-

па носит ее на руках, пытаюсь успокоить. Нина ведь знает, что Ира ее жалеет. Нина тоже жалеет сестру, и в где-то глубине души чувствует свою вину в том, за что несправедливо наказывают Иру. Просто Нина еще не может совладать со своим норовом, снова и снова нападая на старшую, и эта жестокая игра той дорого стоит, потому что она оказывается без вины виноватой. Это жгучая любовь-ревность-жалость, она как неограниченный алмаз на дне родника, и ребенок чувствует, но не в силах понять этот источник света, он его может поранить ... Как тут не вспомнить строчку Мандельштама: «Я каждому тайно завидую и в каждого тайно влюблен». Детская амбивалентность и пронзительная способность сопереживать всегда рядом.

Напряженное и вдумчивое внимание к деталям, острая восприимчивость к окружающему и чутье к малейшему колебанию эмоциональных волн... Такие дети, вырастая, становятся творцами, людьми искусства. Нина и стала бы, ее школьные сочинения были шедеврами и по стилю, и по части оригинальной трактовки художественного произведения. Но природа ее одарила настолько щедро, что она могла стать кем угодно. Она, как и сестры, выбрала техническую профессию, но достигла в ней вершин — возглавляла мозговой центр при главном конструкторе оборонного предприятия «Вымпел», а также была в числе специалистов, создававших первый советский компьютер — то есть была одним из первых кибернетиков в стране. И — шутя писала талантливые стихи! Есть такой невероятно притягательный тип людей, пронизанных талантом на молекулярном уровне. «Нина — золотая головка», как сказал о ней ее руководитель в аспирантуре. Такие личности несут в мир гармонию. Но при этом они хрупки и уязвимы в житейском смысле. Нина, которую бесконечно уважали и любили коллеги и друзья, не могла сказать того же о собственной семье. Достаточно вспомнить о том, что отец ее мужа, когда молодая семья временно жила у свекрови со свекром, называл невестку по фамилии. Нина, будучи беременной, боялась выбраться на кухню и хоть что-то съесть... «Опять эта Морачевская шарит в холодильнике!» — слышалось из другой комнаты. Дикость! Ее в буквальном смысле попрекали куском хлеба... Почему на долю светлых людей, лучших

30.
Наташа Морачевская. 1947 г.

из нас, выпадают тяготы и лишения на грани абсурда? Почему талантливый и созидающий человек оказывается беззащитен против зла, хамства, жлобского ничтожества? Почему вместе с даром Бог посылает испытания... Вечные вопросы.

И, наконец, Наташа, самая младшая, сестра-подарок. Нежданный поздний ребенок, плод «оттепели» в отношениях родителей, которые к тому моменту стали прохладными. 1944 год, война отступает, Москву уже не бомбят. 27 января — снятие блокады Ленинграда. 7 февраля рождается Наташа. В то время личные семейные даты и вехи большой истории были неотделимы. Рождение ребенка — мирные хлопоты, добрая весть — жизнь продолжается! Этот глубокий и сильный символ понятен без слов, и он навсегда в подсознании. Дети, родившиеся в войну, даже те, что не могут ее помнить, — опалены ею, и они всегда будут нести в себе силу, победившую смерть, какой-то особенный знак свыше... И они передают эту силу своим потомкам.

Наташа... очень вовремя родилась. Ире вот-вот шестнадцать, Нине скоро тринадцать. Они уже подростки, не малыши, которых может травмировать ревность к новорожденной. Травмировать глубоко! Конечно, трещины в отношениях с мамой никуда не делись и даже обострились: «Родилась Наташа, и мы с Ниной стали не нужны...» — вспоминала Ирина Леонидовна. Но эта горечь уже знакома. Из нее зреет недетская мудрость. И настоящая ответственность, когда душа ребенка учится не только получать, но и отдавать. Они в этот момент — остро необходимая опора для Ольги Сергеевны, ведь мужа нет в Москве, он пропадает в командировках. Все хлопоты на девочках! Ирина Леонидовна помнит, как ездила получать приданое для младенца — одеяльца, пеленки, а потом поездки на молочную кухню. В тот момент Нина жила уже на Мархлевке — после возвращения из эвакуации она пошла в московскую школу. И сама Ира тоже временно переселилась туда и ранним утром проделывала долгий путь на электричке в томилинскую школу. Однажды так боялась опоздать, что наоборот приехала на час раньше!

Наташа, девочка-картинка, маленькая красотка и обожаемая

32

32–33.
Наташа с мамой
Ольгой Сергеев-
ной Морачевской.
Томилино. Конец
1940-х годов

33

всей семьей принцесса, чуть не с рождения кокетка и затейница. Едва научившись говорить, уже отбивала ухажеров у легкомысленной соседки Веры. Нину маленькая Наташа называла «няней». А Иру однажды назвала мамой! Той пришлось взять младшенькую в институт, когда пошла за стипендией. Ира усадила двухлетнюю Наташу на столик в коридоре, что естественно привлекло внимание однокурсников. Наташу окружили и стали задавать вопросы, что ее несказанно воодушевило — девочка обожала внимание и радостно поведала, что Ира — это ее мама, но есть еще две большие сестры. В общем, провалила версию, ничуть не смутившись...

Словом, рождение в семье третьего ребенка было всем на радость. И бабушку Ольгу Ираклиевну не забывайте: когда старшие Ира с Ниной выпорхнули из Томилинского гнезда, поступили в свои серьезные институты — Ира в Московский механический институт, будущий МИФИ, а Нина — в МЭИ, — то у бабушки остался третий молодильный ангелочек.

* * *

Тихо шепчет наш сад заросший,
Словно хочет мне что-то сказать.
Вспоминаю о чём-то хорошем,
Что словами нельзя передать.

Пахнет мёдом от склоненных веток,
Чуть белеют следы берёз,
И от сада я жду ответа
На один очень сложный вопрос:

Почему, когда ночь осторожно
Зажигает на небе огни,
У меня необычно тревожно
Сердце бьется в груди,

Почему меня стали тревожить
Неизвестные ране мечты,
И становится жизнь дороже,
Если рядом со мною ты.

Подойди, встань со мною рядом.
Если сад ничего не сказал,
То ты стань на минутку садом
И скажи то, о чём он молчал.

Май 1961 г.

Эвакуация: неисповедимыми путями

Но вернемся немного назад, чтобы узнать, как семейство Морачевских пережило Великую Отечественную войну. О войне допустимо писать лишь тому, кто ее пережил. Поэтому дадим слово им — очевидцам эпохи... Тем более, что Ирина Леонидовна запомнила эти дни во всех деталях:

22 июня, это ж был воскресный день, накануне приехали родители. Я даже помню, в каком платье мама приехала! И туфельки были в цвет платья. Папа привез ящики с рассадой маргариток. Продукты всякие, вкуснятинку привезли. В воскресенье утром встали, — папочка у меня поесть любил! — решили, что надо сделать зеленый салатик, который у бабушки рос. Меня послали на станцию за сметаной. Мне было 13 лет, но через железную дорогу мне переходить еще запрещалось. Но в Томилино с нашей стороны был магазин. А за забором у нас жили соседи по фамилии Тафля. У них была дочка Полина, на год меня старше, но она год в войну не училась, и мы потом оказались с ней в одном классе.

И вот мы с Полиной вдвоем подались в магазин, а у нее мать лежала в больнице, отца тоже дома не было, но они сдавали квартиру евреям, которые из Белоруссии бежали в Казахстан, а потом на обратном пути осели в Томилино и поселились у Тафлей. Это были ортодоксальные евреи. У них папа по субботам не работал, пальцами какие-то ритуальные пассы делал и молился на коврике. Потом стал цадиком в синагоге. В тот момент Полина оказалась одна, и эта семья за ней присматривала. Мы с ней пришли в магазин, стоим в очереди, и, слышим, женщины про какую-то войну говорят. А нам что? Мы за сметаной посланы! Сметану купили, и Полина мне говорит: «Пойдем к нашим на ту сторону, у них есть радио, послушаем, чего это говорят про войну». А мне ж нельзя через железную дорогу ходить, но война же! Что ж, пойдем. Полина была не только на год меня старше, но и развитей меня. Я в ту пору еще ребенок, а Полину уже интересовали студенты, которые на той стороне обретались. Приходим мы к квартирантам, там сидят эти ребята, все в напряжении ждут выступления Молотова по радио. И я тоже там села. Вот я выслушала, что на нас напали, Киев бомбили, Одессу, Севастополь бомбили, в общем, началась война. У меня в душе ликование! Война. Эти идиоты, фашисты, на нас напали. Мы же их всех перебьем! Мы же их всех уничтожим! Что они, не соображают — на кого ж они напали! «Броня у нас крепка и танки наши быстры, и наши люди мужества полны!» Все! И только одна беда — это очень далеко, я не успею принять участие, это все мимо меня пройдет. Я бы тоже воевать пошла. Мы же все поднимемся, как один человек, весь советский

народ — и дальше в том же духе... В общем, Полина там осталась, а я со сметаной побежала домой.

Как сейчас помню: такой дождичек моросил, на мне какое-то пальтишко расстегнуто, я со сметаной лечу по улице и про себя или вслух пою: «Броня крепка и танки наши быстры, и наши люди мужества полны, вперед-вперед, советские танкисты...» — и еще что-то там такое же бравурное, боевое. И влетаю на участок. Бабушка, дядя Коля, папа, мама — никто ничего не подозревает, маргаритки собираются сажать. Я влетаю, как герой, и говорю: «Вы тут маргаритки сажаете, а у нас война началась!» И вдруг реакция моих родителей. Они меня буквально схватили:

— Что ты говоришь?!!

— Молотов выступил! Война началась, Киев, Одессу бомбили!

— Кто, что?!

А у меня в голове такой ералаш, я всех валю в одну кучу — мне что немцы, что англичане, что французы — все одно капиталисты! А они мне: «Что ты плетешь?!» Они же знали, что война уже идет, что немцы с англичанами воюют, что Франция уже капитулировала. Я не знаю, что я там плела, но мне кажется, что я все, что только знала из географии, — все выдала. Мама заплакала, папа закурил. Собрались к нашему соседу Мироеду, у него был приемник. А бабушка как человек самый стойкий и бывалый сказала:

— Выкладывайте все деньги из карманов. Вот чистые наволочки, Нина, Ира, пошли в УГИ!

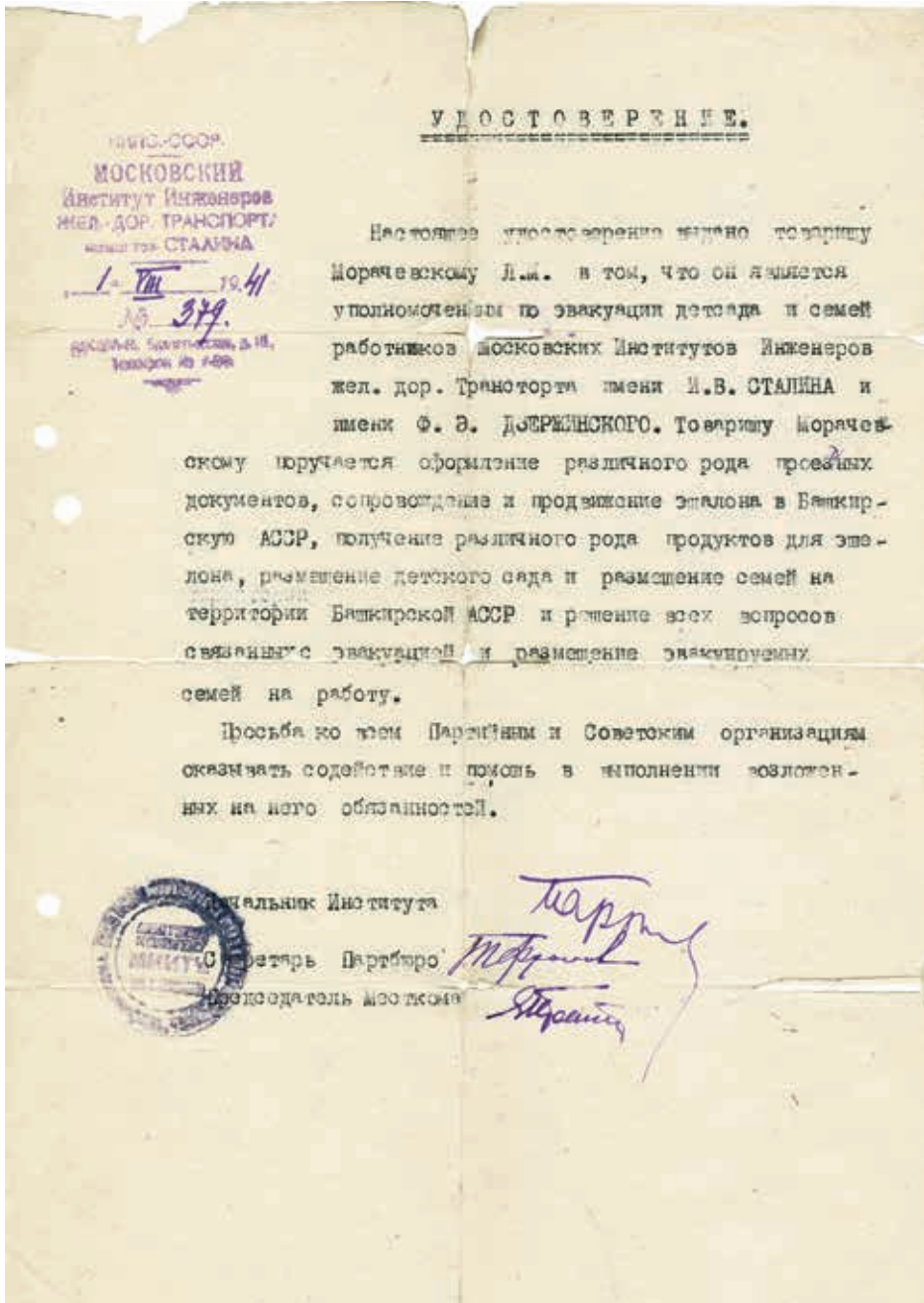
Так назывался угольный институт за шоссе, где находился магазин, самый ближайший к нам. Родители пошли слушать радио, а мы с бабушкой, взяв чистые наволочки, отправились в магазин. Первым делом — мыло, спички, соль! А денег мало, поэтому надо покупать все дешевое, как сейчас помню, печенье — галетное, самое простое, в наволочку насыпали. Конфеты, подушечки сахарные накупили, макароны. В общем, все деньги, сколько было, потратили, водрузили добычу на плечи и с наволочками пришли домой. Вот так началась война.

Ровно через месяц немцы уже бомбили Москву. Всего месяц прошел! Ни о чем боевом и бравурном я уже не пела, все стало явью, тяжелой, страшной. Всех забирают в армию, сводки идут одна страшней другой. Мы стали рыть траншеи, убежища. Папа руководил, говорил, сколько надо накатов делать. У нас на участке площадка была, мы объединились несколькими домами и начали строить общее убежище. И все несли бревна, у кого были в запасе. Рыли убежище и закладывали его бревнами, хотя, как я теперь понимаю, было маловероятно, что оно нас спасет...

Первый месяц войны! Не верилось... Хотя было уже ясно, что этими укрытиями нам придется воспользоваться. И вот, ровно через месяц после объявления войны, 22 июля начали бомбить Москву. Вот до чего немцы пунктуальный народ! В десять вечера тревога — началась бомбежка.

34.
Удостоверение
уполномоченного
по эвакуации
детсада и семей
работников мо-

сковских Инсти-
тутов инженеров
железнодорож-
ного транспорта
Л. М. Морачев-
ского, 1941 г.

Но именно Москвы, не окрестностей. Мы любовались на эту «красоту», которая была над Москвой. Немцы вешали светильники с самолетов, бомбили, а наши снизу расстреливали. Летели трассирующие цветные пули. Красивое было зрелище. Дядя Коля сказал: у окон не стоять, у печки не стоять. Он с прошлой войны опыт имел. Он надел бурку, повесил противогаз, фляжку. А я надела платье задом наперед. И бабушка мне говорила: переодень, но мне было страшно его переодевать, мне казалось, что когда я его стану переодевать, глаза-то закрою, а в этот момент бомба и упадет. Нельзя глаза закрывать, чтобы видеть, куда отскочить. Потому что дядя Коля говорил: услышала свист — отскакивай в сторону. И мы сгрудились все на кухне, на полу, и через окна наблюдали. Так прошла первая бомбежка.

В Москве народ прятался, убежища были организованы оперативно — под домами, в метро. А мы в Томилино как-то спасались. Грызли закупленное печенье и конфетки, сидя в нашей вырытой щели и глядя на немецкие самолеты. Бабушка в щель не лазила, считая это ниже своего достоинства. По ее разумению, чему быть — того не миновать, упадет бомба — значит, судьба, и нечего дурью заниматься. Ее задача была нас накормить, пока не началась бомбежка, до девяти-десяти вечера. Нечего шляться, все должны быть дома в полной боевой готовности, то есть накормлены. Снаряжала нас сухим пайком, и мы лезли в щель. В щели мы сидеть тоже не хотели, мы сидели на краю и смотрели в небо, как летят самолетчики, как от них отлетают бомбочки. Чик-чик-чик летит-летит, ой, вот сюда летит, фьить — и мы в щель! Нет, мимо. Опять вылезаем. Опять смотрим. А чего? Они уж улетели! Вот они на ЦС полетели, ЦС побомбили, а вот на рынке бомба упала около станции. Все падало не где-то далеко, а тут, рядом, вокруг нас. Но это вроде было ничего, в Москве вроде как страшней, потому что там ничего не видно. А здесь все видно!

Удивительное совпадение: сохранились воспоминания еще одного томилинского ребенка, пережившего войну, — Вити Можарова. Друга детства и одноклассника Иры Морачевской! Виктор Михайлович Можаров — ныне известный и уважаемый человек в Томилино, кандидат экономических наук, кавалер ордена «Знак Почета», ветеран труда. За плечами Виктора Михайловича ведущие должности, а также годы эффективной работы и передовых начинаний на Томилинской птицефабрике, почти двадцать лет руководства Орехово-Зуевской птицефабрикой, эпоха преподавания в томилинской школе №19, где он работал учителем истории и экономики. И, конечно, любовь и признательность учеников и коллег! Такие люди, как Виктор Михайлович, на пенсию, можно сказать, не уходят, а продолжают жизнь, полную труда и созидания. Современные жители Томилино знают В. М. Можарова как активиста Совета ветеранов микрорайона Птицефабрики, бодрого велосипеди-

ста — в свои почти 90 лет! — и владельца великолепного огорода, который он с удовольствием возделывает с помощью внуков. Также Виктор Михайлович открыл в себе и литературный дар: благодаря интервью с ним, его статье на официальном сайте города Томилино и его книге «Томилино и томилинцы» можно познакомиться с достоверными сведениями о том, как жил поселок в тяжелые военные годы. Бесценные вспышки памяти, освещающие историческую перспективу давно ушедшего... Благодаря им, друзья детства Ира Морачевская и Витя Можаров нашли друг друга ровно через семьдесят лет!

А ведь большое будущее Вите предсказала Ольга Сергеевна! И мальчик, конечно, был впечатлен гостеприимной и эффективной мамой трех сестер Морачевских. В томилинском доме был патефон — Леонид Михайлович купил его в Киеве, на Евбазе, куда ездил вместе с Ирой в 1944 году. И в доме устраивались танцы. Ирины одноклассники — а было это в период восьмого-девятого класса — учились здесь танцевать свой первый вальс «В лесу прифронтовом». Культовое место, если вдуматься, этот томилинский дом! Витя бывал на этих вечеринках, и запомнил их на всю жизнь... Здесь-то Ольга Сергеевна и заметила его основательную натуру и напророчила ему то ли в шутку, то ли всерьез головокружительную карьеру хозяйственника: «Будешь, ты, Витя, директором птицефабрики»... Так он им и стал! Только в Орехово-Зуево. После чего вернулся в родное Томилино.

Но вся эта романтика началась чуть позже, в 1943–1944 годах. А в первый день войны Витя еще не был знаком с семьей Морачевских. В его воспоминаниях об этом дне речь Молотова, конечно, тоже фигурирует, но интересны как раз другие детали. Еще до того, как Ира с Полиной пошли за сметаной, Витя с отцом и братом собрались в Москву. «Подходя к станции, мы обратили внимание на суету, скопление народа, взволнованные разговоры о том, что очередь в магазины пришлось занимать еще рано утром, а из продажи исчезли соль, керосин, спички...» Благодаря Ольге Ираклиевне мы знаем, что соль и спички в тот момент еще не исчезли, но важно другое. Ведь услышано это было, надо заметить, ранним утром, еще до Молотовской

35.
Виктор Можаров.
Томилино.
Середина 1940-х
годов

речи, которая прозвучала по радио в двенадцать часов пополудни. Ее Можаровы прослушали уже в Москве, во дворе дома, в котором жили до эвакуации.

Словом, люди знали о начале войны еще до ее объявления.

Виктор Можаров вспоминал:

В довоенное время я учился в 281-й московской школе, где закончил 5 классов. В 1941–1942 году московские школы не работали, а детей было приказано эвакуировать из Москвы. Однако пригородные школы продолжали работать. Я поступил в шестой класс неполной средней школы № 7 поселка Томилино, но учиться здесь мне не пришлось. Первого сентября, после сбора учеников в школе, нас направили собирать урожай на полях Томилинской птицефабрики, где мы проработали сентябрь и октябрь.

22 июля 1941 года была объявлена воздушная тревога по случаю первого налета немецкой авиации на Москву. С этого времени тревогу стали объявлять ежедневно.

Далеко не всегда вражеской авиации удавалось добираться до столицы, и тогда бомбы сбрасывали на ближайших подступах к Москве. А Томилино стало мишенью для бомбежек из-за склада авиационных материалов, находящегося в поселке.

Словом, по соседству с Ирой и Ниной двух братьев Витю и Толю Можаровых тоже опекала бабушка — Марфа Васильевна. И воспоминания их очень похожи. В Витиной памяти тоже отложилось, что:

В летний период почти все жители нашей улицы Маяковского прятались в землянке, сооруженной общими силами, но с наступлением дождливой осени в эту землянку подошла вода, и находиться там было уже невозможно... <...>

Вечером мы наблюдали, как прожектора «ловили» немецкие самолеты, видели разрывы снарядов вокруг них, но момент попадания снаряда в самолет увидеть не удалось. В одну из ночей поздней осени, примерно в начале ноября, вражеская авиация нанесла удар и по поселку Томилино. Наступивший вечер был тревожнее других. Наша бабушка, Марфа Васильевна, уложила меня и моего брата Анатолия в кровати, но засыпать нам не давала. Она попросила меня почитать ей повесть Гоголя «Тарас Бульба». Я читал ей эту книгу до тех пор, пока внезапно не погас свет: была повреждена линия электропередач.

Послышались взрывы, затем все смолкло. Утром мы узнали, что фугасные бомбы были сброшены около станции Томилино и в производственной зоне Томилинской птицефабрики. На предприятии был разрушен второй корпус. Бомба попала в центр корпуса, еще одна — около жилого двухэтажного дома в этом микрорайоне. Выгорел дотла и инкубаторий фабрики, который находился вблизи нынешнего стадиона спортшколы. От зажигательных бомб

сгорело четырнадцать дач и девять сараев. В результате фугасных взрывов в районе станции Томилино остались без стекол школы № 2 и № 7, здания получили и другие повреждения. После ремонта этих школ в них разместились воинские части, а все учащиеся, не покинувшие Томилино в 1941 году, были собраны для учебы в помещении школы № 1. Учащихся в этот период было не очень много, так что все разместились в одном здании.

А Ира и Нина Морачевские поехали в эвакуацию. Можно ли считать счастливым стечением обстоятельств плохое зрение? В контексте истории семьи Морачевских, пожалуй, да. Леонида Михайловича из-за зрения «минус четыре» не взяли на фронт. Но это была лишь одна из причин. Более важным основанием явилась сама профессия дорожного инженера-строителя. Такие специалисты, тем более с такой квалификацией и опытом, как у Леонида Морачевского, были нужны в прифронтовой зоне, чтобы разбирать дороги и взрывать мосты при отступлении наших войск и строить их заново при наступлении. А в начале войны Леонид Михайлович руководил эвакуацией семей сотрудников МИИТа. Сохранилось его удостоверение о должности уполномоченного по эвакуации от 1 августа 1941 года. Сначала планировалось эвакуировать только детский сад при МИИТе, но потом, к счастью, взяли и школьников. И в конце августа Ольга Сергеевна с Ирой и Ниной уехали в эвакуацию.

Как уже упоминалось, Ольга Ираклиевна и Николай Иосифович остались в Томилино. Так решила несокрушимая бабушка. Сейчас кажется милой причудой ее аргумент «не с кем кошку и собаку оставить». Но, наверное, есть у каждого дома хранители, которые не покидают его и в самые страшные времена. Которые всегда в ответе за тех, кого приручили. Это не причуда, а служение, но во избежание пафоса никто об этом не скажет. Все одновременно проще и сложнее. Что же до Мурки, то она еще сыграет свою роль в этой истории. Военные кошки — ценные кадры. В эти годы Москва осталась без тех, кто ежедневно и не покладая рук приводил ее в порядок: дворники, сантехники, трубочисты ушли на фронт. Проблема нечистот стояла довольно остро, в огромном количестве расплодились спутники невзгод — крысы. А кто главный борец против этого войска? Кошка. Но порой крысиный перевес в численности был настолько ощутим, что крысы стали заедать кошек. Домашние любимцы становились редким видом, котов даже преподносили любимым женщинам в качестве живого подарка...

Итак, эшелон под командованием главного инженера Морачевского едет на восток, под Уфу. Там организовали интернат для детей работников Высшей школы. Но едет не сразу! На Казанском вокзале у Иры началась аллергия на клубнику. Наверное, это и был тот мо-

36.
Характеристика
начальника
транспортного
отдела треста

«ВТИЗ»
Л. М. Морачевского,
мобилизованного
на трудовой
фронт, 1942 г.

Х А Р А К Т Е Р И С Т И К А .

Тов. МОРАЧЕВСКИЙ Леонид Михайлович, рождения 1904г. 6/п., украинец. В тресте "ВТИЗ" работает с 1-го августа 1942г., в должности Начальника Транспортного Отдела.

Тов. МОРАЧЕВСКИЙ Леонид Михайлович, работавший в НИИТ"е в должности начальника Проектного Бюро, до 6 августа 41г. являлся уполномоченным по эвакуации Лесгады и семей работников Московского Института Инженеров Жел.дор. транспорта им. И.В. Сталина и им.Ф.А. Дзержинского.

С 6-го августа 41г. был мобилизован и направлен общественными организациями НИИТ"а на трудовой фронт под Москву (Можаевск) для работы на оборонных рубежах по разрыванию окопов, противотанковых рвов, дотов, дзотов и пулметных гнезд, где и работал до 13-го октября того же года.

13-го октября 1941 г. тов. Морачевский Л.М. был командирован в филиал НКПС г.Куйбышев, где и был до апреля 1942г., после чего возвратился в Москву.-

Управляющий Треста "ВТИЗ": *М. Морачевский* (МОРАЧЕВСКИЙ)

Секретарь Парторганизации Треста: *С. Яковлев* (ЯКОВЛЕВ)

Пред.Мостовым: *В. Зеличский* (ЗЕЛИЧСКИЙ)

мент, когда непроговариваемые страхи и напряжение пробили брешь в нервной системе. Хотя, в отличие от Нины, Ира была крепкой девочкой. И ведь чем только ни переболела в детстве! Даже брюшным тифом. Было это еще в Новосибирске. Выпила сырой воды, когда зашла в дом к подружке, дочке водовоза. Подружка попила — а ее мама спрашивает, мол, а ты хочешь? Ире строго-настрога запрещали пить сырую воду, родители знали, что в Сибири свирепствует тиф. Но она постеснялась сказать, что ей нельзя. И ведь как знакома многим из нас эта детская жертвенная солидарность... В итоге подружка, у которой, видимо, выработался стойкий иммунитет, жива-здоровая, а Ира слегла. Но выкарабкалась и из этого недуга. А в 1941-м неунывающая, кипучая папина дочка впервые осознала необратимость перемен, которые постигли мир. И как справиться с накатившей стихией подростку, который впервые уезжал из лучшего на свете Томилинского дома и расставался с бабушкой, которая была одним из тех атлантов, что держала своими натруженными руками небо его детства...

⁷ Здесь и далее в этой главе воспоминания Ирины Леонидовны Морачевской

Клубнику я всегда ела тарелками, и ничего со мной не было!⁷ У бабушки очень много клубники росло. А тут родители купили клубнику, чтоб нас занять, и мы с Ниной, как сейчас помню, сидим на корточках к стенке, на вокзальном полу, какие-то вещи при нас, и в газетном кульке у нас клубника. Вечереет. Объявляют посадку в товарные поезда. Мы забираемся на нары, на второй ярус. Опять боюсь за Нину — вдруг упадет, она ж непоседа... И вот наш поезд тронулся, мы уезжаем из Москвы, а куда? Пока наш эшелон всего лишь отогнали в Раменское. А было такое постановление, что к моменту начала бомбежек ни один эшелон, ни один состав не должен стоять на путях. Потому что нет смысла бомбить пустые пути — наверное, поэтому? И в десять вечера началась бомбежка. И получилось так, что на путях один наш эшелон стоит. В Раменском станция большая, там разъездные пути, и немцы опять свои фонари повесили — спустили на парашютах светящиеся шары, чтоб осветить территорию. И увидели, что паровоза нет, одни вагоны. Отец помчался куда-то в диспетчерские. И откуда-то примчался паровоз. Где-то оставил в Рязани состав, примчался сюда. Машинисту объяснили, что состав с детьми, и сколько нужно воды и угля, чтобы только хватило на отрыв. И он нас подхватил, и мы рванули уже среди бомбежки! Так что вы думаете: больше всего я боялась за Нину. Она все время хотела выглянуть в оконце в теплушке! Дверь нам закрыли, а она все в это оконце лезла. Я ее за ноги держу, кричу «не лезь, сейчас там что-то взорвется, что-то сейчас будет!» И тут мне стало плохо...

Час или два мы мчались с дикой скоростью, настолько, что в какой-то момент от паровоза, — он же на угле! — так летели искры, что кто-то решил, что загорелся вагон. И отец помчался по крышам вагонов, но, оказалось, что нигде ничего не горит, что это просто искры от паровоза. Наконец куда-то мы

домчались, остановились, и нас стали кормить. И вот мне на всю жизнь запомнилось, как у меня внутри все зудело на клубнику. Морс принесли, еще что-то, а я мечтаю о корочке хлеба, потому что внутри все зудит. Так у меня возникла аллергия... Аллергия, что ни говори, связана с нервной системой.

Потом мы долго-долго ехали, и должны были приехать в Миасс, в котором я оказалась в 1959-м году. Но судьба мне тут дала «отсрочку» — по дороге маршрут изменили, и нас оставили в Башкирии, под Уфой, на станции Алкино там был интернат для детей работников Высшей школы на базе туберкулезного санатория. Кумысная там была, домики. И мама устроилась учителем — стала преподавать в этом интернате, и там же ее устроили и жить. А мы жили отдельно, при детском садике МИИТа, с которым нас и эвакуировали, как и остальных институтских детей школьного возраста.

Вместе с детьми в эвакуацию поехала повариха МИИТа тетя Аня. Это была одна из инициатив Леонида Михайловича — и его гениальная интуиция! Первое время дети сотрудников института питались отдельно от остальных воспитанников интерната. Тетя Аня великолепно готовила, и благодаря ей дети в тяжелые военные годы были более-менее сыты.

Эта баба Аня, как мы ее звали, жила на территории МИИТа, в служебном помещении. И когда отец формировал эшелон, он сказал ей: «Собирайся, будешь эвакуироваться».

— Да куда я поеду?! — испугалась Аня.

— Я своих детей отправляю, и ты поедешь, только тогда я за своих детей буду спокоен.

— Одна я не поеду, еще у меня Настя, подруга есть!

— Ну, бери Настю, собирайте свое барахло и поезжайте!

И только поэтому у нас была отдельная кухня, в которой работали наши сотрудники, приехавшие с нами. И баба Аня, как хорошая хозяйка, правильно распределила ресурсы. Она рассудила так: детские карточки были одинаковые для детей всех возрастов — что для трехлетних, что для тринадцатилетних. А у нас даже четырнадцати и пятнадцати лет были дети. Каждую карточку официально отоваривали, и на нее полагался стандартный набор продуктов. И на общем собрании баба Аня сказала: «Детки, не обижайтесь, мы не будем продукты делить всем поровну, мы будем распределять их по потребностям. Малышам не требуется четыреста грамм хлеба, но им нужно больше молока, им нужны определенные витамины для роста. Поэтому маленьким деткам я буду отдавать одни продукты, зато старшим будет доставаться больше других».

Старших детей сразу пристроили работать в совхозе. Аня и здесь проявила житейскую мудрость: попросила нас каждый овощ, что давали или не запрещали брать, — все нести к нам на кухню. И по пути «грибочки собирай-

Предложенная Инж. Л.М.МОРАЧЕВСКИМ, небольшая, портативная, карманная линейка на подобие логарисмической, для подсчета времени хода поездов по пройденной в поле трассе с целью правильной и экономической расстановки раздельных пунктов, (станций и разъездов 1-й и 2-й очереди) представляет собой весьма полезный прибор для указанной цели, дающий возможность с минимальными затратами труда и времени получить ответ на вопрос интересующий инженерам, проектирующего линию в поле.

До сих пор для получения такого ответа приходилось пользоваться таблицами и производить многочисленные умножения и сложения, что в полевой обстановке не всегда было легко выполнимо и отнимало у ведущего линию много лишнего времени, задерживая работу всей следовавшей за ним партии изыскателей.

Точность получаемая этим приборчиком вполне достаточная для тех целей которым служит, т.к. даваемая им ошибка доходящая иногда до 1-1½ минут менее допустимой по Т.У. проектирования магистралей двух минутной неточности определения времени хода графо-аналитическим способом.

Считаю, что указанная линейка является полезным изобретением, рационализирующим до некоторой степени трудную работу инженера, ведущего линию и должна получить в изыскательских кругах самое широкое распространение. -

НАЧАЛЬНИК ИЗЫСКАНИЙ Южн. Части
и.д. САРАТОВ-МИЛБЕРОВО
Инженер

те, щевельку собирайте, и у вас всегда будет еще приварок, помимо карточки». Она тут же начала сушить грибы, травки разные, — в общем, все по-домашнему! И помидоры мы ей приносили наворованные в брюках. Были у меня лыжные брюки — ведь наступала уже осень, морозы. Тогда, конечно, руки-ноги — все было попорчено, потому что мы даже мерзлые овощи собирали. И, благодаря бабе Ане, я до сих пор обожаю гречку с мясным соусом. Она ведь как делала: гречки много, а мяса мало. Но лука мы могли сколько хочешь принести из совхоза! Вот она это мясо с луком, с помидорами натушит и гречку этим соусом польет. И это так вкусно! Хотя мяса-то там мизер, два кусочка, но все равно...

И компот нам сварит. А хлеб долгое время у нас ставился просто на стол! Потому что хлеба было вдосталь. Маленькие не съедали хлеб — хлеб шел нам. Потом приехала комиссия и сказала, что это не порядок. И мгновенно нас перевели в интернат. Остались мы жить, где жили, в этих же комнатах, но ходить есть надо было в столовую. А в той столовой повара были местные, у которых свои семьи, свои дети, которым что надо? Наворовать из этого пайка. И еще нам надо было дежурить по очереди на этой кухне. Мы когда у бабы Ани ели, нам прямо в тарелку наливали фруктовый суп, рис отварной. Во фруктовом супе — абрикосы. Косточки расколотишь и обратно в компот опустишь, с хлебом. Все шло в дело, и было вкусно и сытно. У местных же поваров так: прямо в духовке, в чайниках завариваются сухофрукты до коричневого цвета. Повара этот отвар сами все время пьют, потому что им жарко. А потом водой разбавляют, и разливают эту жижу по стаканам. В стакане сиротливо переваренная абрикосина чалится, которая в одни волокна превратилась, еще какая-то требуха и мутная водичка. Это ставится на столы, мы, дежурные, это разносим. Дают кашу манную. Нам прежде не давали ее потому, что манную кашу маленьким детям отдавали. Тут же нам стали давать манную кашу, а заправлена она бараньим жиром. Проглотить это невозможно, даже если ты зверски хочешь есть. С чаем еще бы ничего, но он уже не горячий, а противно теплый... А поварам что? Они потом все оставленное в тарелках сгребают в ведра и уносят кормить своих свиней. И вот тогда я увидела, что народ не один. И песни моей, которую я пела, пришел конец. Я поняла, что у этих людей свой интерес. И когда мама хочет нас подкормить, идет на рынок что-нибудь продать, а там баба стоит, на ней уже чего только ни надето — вся сверкает кольцами, торгует, выменивает и говорит ей:

— Н-ээ, он у тебя ношенный, а мне бы полушалок такой, чтоб с кистями, а это мне твое не надо.

— Ну, возьми, хоть на пол-литра молока!

— Это мне не надо!

Я думала: как же они так! У них мужья на фронте, дети на фронте, общая победа, общая война, — а они сундуки складывают... Эвакуированных обирают до последнего. Тут я понемногу начала понимать, что в советской власти что-то не так. А особенно я невзлюбила деревенских. Хотя потом я,

конечно, поняла, что если рабочий человек имеет от государства заработную плату, как бы ему ни было трудно работать у станка, на ящике, он два раза в месяц гарантированно получит зарплату. А сельский человек не получит ничего, кроме того, что он сам себе добудет. И как он своих детей кормит — одному Богу известно. Потому что никакой совхоз, никакой колхоз не дает зарплаты — это одни «палочки» в ведомостях. Весь урожай забирается — и все, ничего другого нет. Но в моем детском понимании это был какой-то ужас. «Они все думают только о себе, они все только хотят...

Опыт, сын ошибок трудных, — и начался он для Иры в эвакуации. Тогда закончилось детство, началось отрочество. В этот момент ребенок уже становится восприимчив к вполне зрелым чувствам, он глубоко переживает происходящее. Но, конечно, пока далеко не все может объяснить... Именно в этом возрасте так болезненно остро различаешь добро и зло, и начинаешь осмысливать этот вечный дуализм и пытаться делать выбор. Но что удивительно: пройдешь еще множество стадий взросления, а в чем-то навсегда останешься таким, впечатлительным подростком. Какая-то базовая, неизменная и очень важная частица характера рождается в эти мятежные годы. И навсегда с тобой — те, кто был добр к тебе и понял тебя в это время. Будь благословенна память о тете Ане! Если бы все повара во время войны отнеслись бы так к своим подопечным детям... если бы мы все так относились к ближним и дальним, — глядишь, и не было бы таких страшных масштабов жертв во время войны.

И что примечательно: своим решением взять Аню в эвакуацию Леонид Морачевский спас не только детей своих коллег от голода, но и саму повариху от гибели — пока она была в эвакуации, ее дом разбомбили, и если бы она не уехала, то наверняка не выжила бы. Как и ее подруга Настя...

Есть такие люди — они в любых обстоятельствах, даже самых мрачных и тягостных, ищут выход и знают, что он есть. Они не любят быть жертвами, обездоленными и больными, и верят, что в силах человеческих изменить ситуацию к лучшему. Хоть на дюйм, но идти вперед! Перед их дерзкой свободой и силой воли сама судьба может изменить траекторию, хотя до их появления кажется всем неумолимо жестокой. В этих людях есть драгоценное умение не поддаваться панике толпы, и вообще в толпе не находиться. А это жизненно важно в экстремальные моменты, потому что толпа душит и убивает. Толпа считает, что ты должен погибнуть, как все. А человек, свободный от этой догмы, спокойно знает, что он, его близкие и все, кого он ценит и любит, — и вообще тот, кто сохранил в себе Человека! — они достойны лучшей участи. И да, если хотите, — красивой жизни! Безус-

ловно, это вызов тираническому репрессивному государству и даже больше — это вызов рабской психологии большинства, чуждого кастовую иерархию, которая, увы, в той или иной форме существует везде. Но это вызов не ради того, чтобы спасти собственную шкуру, пройдя по головам, — речь идет о людях, дающих и освещающих путь тем, у кого сил меньше и слабее голос, но они тоже — источник радости и вдохновения для других.

Это божий дар — оказаться в страшный момент рядом с таким Человеком. Именно таким был Леонид Михайлович Морачевский.

На его счету были рационализаторские изобретения, облегчавшие работу железнодорожных инженеров — например, портативная линейка для подсчета времени хода поезда, которую он создал еще в конце 1930-х годов, работая на строительстве линии Саратов — Миллерово. А в годы войны он, высококвалифицированный инженер железнодорожного транспорта, бесконечно ездил по стране, метался между семьей и работой и, как уже было сказано, занимался при необходимости разрушением или строительством — в случае отступления или наступления наших войск — железных дорог и подъездных путей различного назначения. С отчетами он был обязан приезжать в Уфу, где находилась его штаб-квартира. Ире крепко запомнилось, как они ездили в Уфу из интерната на встречи с папой. Мама возила их на эти встречи ради отцовского воспитания, полагая, что не справляется с подрастающими девочками. Ведь однажды Ира натворила такое! Вверглась в опасное приключение. А все из-за чужих сердечных интересов:

39.
Нина Морачевская. 1945 г.

Я рванула ночью гулять из окна, положив вместо себя «куклу» из одеяла. Мы одного парня, из местных, в армию провожали. На войну ведь! И у него была гитара. И мы решили все из окна вылезти и пойти его провожать, ходили и пели. Он играл на гитаре, а мы пели. Почему-то особенно исполнялось «Спят туманы... солнцем опаленные». И я, без слуха и без голоса, все равно пела. А потом мы залезли обратно в окно и спали. Но это было еще в Чишме, это тоже Башкирия, а потом нас перевели в Алкино, и, как я понимаю, в нашей компании девчонка была постарше, и у нее был какой-то романтический

интерес в этой Чишме. А мы дежурили в столовой и не были заняты в поле на работе. И она предложила смотаться в Чишму. Мы сели на поезд и поехали на эту станцию, чтобы она повидалась, с кем ей надо было. И надо же — нас застучала мамашка, которая тоже работала учительницей, как наша мама, из эвакуированных взрослых, и которая приехала раньше нас в лагерь, и донесла, что она нас встретила в Чишме. И моя мама сразу написала отцу о том, какая я нехорошая. Отец за меня заступался, естественно, а мама говорила, что он бесхребетный и требовала «крови». Это было невозможно и трудно представить, чтобы отец хоть как-то меня наказал, так что воспитания тут не получалось. Что ж, зиму я проучилась в эвакуации, а потом папа увез меня с собой в Москву. А пользу я извлекла из всего этого такую: я пристрастилась к зарубежной литературе! Поскольку у нас дома книг было очень много, библиотека у отца была изумительная, но я-то жила у бабушки, в Томилино, вне этой библиотеки. Но теперь я приезжала на Мархлевку и брала там книги. У меня появилась возможность читать...

Итак, в 1942 году Леонид Михайлович едет в Москву и увозит с собой Иру. Причем везет ее без документов. Путейцы имели свои привилегии. Человек в фуражке железнодорожника мог сесть бесплатно на любой поезд и не вызывал лишних вопросов. Единственное неудобство — пришлось выйти в Раменском и дальше двигаться на перекладных в Томилино, потому что в Москву был нужен пропуск. А Ольга Сергеевна с Ниной еще год оставались в эвакуации.

Интересная деталь: когда Леонид Михайлович уже получил официальное разрешение на ввоз семьи в Москву, то по Ириным документам он привез дочку знакомых Свету Ильинскую. Не мог он, чтобы оказия пропадала, и не отказывал, когда его просили. С Ильинскими сдружилась Ольга Сергеевна, когда перед самой войной устроилась в педагогическо-дефектологический институт лаборантом. Проработала там недолго, но сразу завела знакомства, поскольку была женщиной яркой, умной, деятельной, — и, конечно, играло роль то, что она была женой доцента МИИТа. И вот в гости к Морачевским зачастили Ильинские — профессор с женой-кадровичкой. У них была дочка Света, которая училась в интернате детей работников Высшей школы. Ильинские влились в дружную компанию для вечернего преферанса на Мархлевке, куда бесменно входила также чета Черненко — Филипп Иваныч и Нина Ивановна с Малой Лубянки. У них была дочка Майя. Ирина Леонидовна даже помнила, как вместе с Черненко ездили в Крым, в Коктебель, тогда еще называемый Планерским. Нина Ивановна была, как и Ольга Сергеевна, заядлой преферансисткой. Сейчас трудно представить, чтобы карточная игра, пускай даже интеллектуальная, делала коллег не просто

приятелями, а друзьями. Но, быть может, тогда, в советские времена, все аристократически-несоветское было универсальным кодом, по которому узнаешь своих... кто знает! И ко всему прочему Леонид Морачевский, магнетическая сильная личность с авантюрным началом, притягивал людей...

Получилось так, что Света Ильинская была в эвакуации в том же интернате, что и Ира с Ниной. Только она была старше Иры и намного крупнее. Леонид Михайлович взял ее вместе со своей семьей. «Светка, ты только со второй полки не слезай, потому что по документам Иркиным едешь, тебе по ним только четырнадцать лет, а ты вон какая уже... тетя-мотя»...

* * *

Поблекшие георгины
Да зелень холодной воды,
Ветер осенней лавиной
Замечает чьи-то следы.

Тихо грустят берёзы
На берегу пруда,
Роняя крупные слёзы
По ушедшему без следа.

Зеленью, солнцем согретой,
Выделяется только сосна,
Что ей ушедшее лето,
Что ей чужая тоска.

Одна, одиноко и гордо
Стоит среди голых стволов,
Как ветер вольна и свободна
От грустных осенних слов.

Сентябрь 1961 г.

Огонек папиросы под звездным небом

А теперь окинем взглядом военную Москву, чтобы получить общее представление о той героической и одновременно житейской повседневности, которую вынесли на своих плечах в основном женщины и подростки, оставшиеся в столице в тот момент, когда она была главной мишенью для вражеских атак. И тогда будет легче представить, как коротали эти дни Ольга Ираклиевна и дядя Коля, и в какие реалии вернулись Ира с отцом, а потом и Нина с мамой. Подробности этого времени можно почерпнуть в материалах, собранных в книге Георгия Андреевского «Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1930–1940-е годы». Реконструкция времени, даже основанная на достоверных фактах, — в немалой степени субъективна. Все мы по-разному воспринимаем трудности и невзгоды, оттепели и прорывы. Восприятие зависит и от возраста, и от душевной организации, и от конкретных обстоятельств — и все же с уверенностью можно сказать одно: война меняет человека. Свист пули, попавшей в того, кто стоял рядом, бомба, убивающая соседа, с которым разговаривал полчаса назад... — навсегда меняют ценность мгновения жизни на Земле. Помнить о павших, близких и незнакомых, — хранить души потомков от черствого вырождения.

Москва стремительно погружалась в прокрустово ложе военного положения, но мирная жизнь не сразу сдала свои позиции. Все лето 1941 года на московских улицах и площадях продавались мороженое и газированная вода. Люди ходили в театры, в кино, смотрели фильмы «Щорс», «Если завтра война», «Шел солдат с фронта», «Профессор Мамлок», «Болотные солдаты», «Семья Оппенгейм», «Боксеры». В летнем театре «Эрмитаж» на Петровке пел Вадим Козин, танцевал знаменитый дуэт Анны Редель и Михаила Хрусталева, острил поэт и сатирик Владимир Дыховичный, смешили публику конференсье Лев Мирон и Евсей Дарский. В ЦПКиО им. Горького работал цирк шапито и выступала большая человекообразная обезьяна по имени Чарли. Чарли ездил на велосипеде, жонглировал всякими штуками, строил рожи и думал про себя: «Какого лешего забрался я из своих джунглей в эту даль, где вместо бананов бомбежки!»

Тем временем 17 июля 1941 года в городе была введена карточная система. Работающие получали карточки на работе, несовершеннолетние и пенсионеры — в домоуправлении. Карточки выдавались на месяц. Те, кто их получил, «прикреплялись» к какому-нибудь ближайшему магазину. При покупке товара продавцы отрезали талон. Впоследствии талоны уничтожались. Введение карточек позволи-

ло растянуть на какое-то время городские запасы и, кроме того, сдерживать напор покупателей, стремившихся скупить все, что только возможно. Нормы продуктов по карточкам постепенно снижались. Если осенью 1941-го можно было купить в день килограмм хлеба, то в январе 1942-го рабочие могли получить только шестьсот граммов, служащие — пятьсот, а иждивенцы и дети — четыреста. На месяц по рабочей карточке можно было приобрести кусок мыла, бутылку водки, четыре килограмма крупы, килограмм мяса. Вместо масла часто давали яичный порошок. Тем, кто отправлялся из Москвы в эвакуацию, и командированным хлеб по карточкам отпускался на пять дней. Тот, кто уходил в армию, ложился в больницу или отправлялся в санаторий, должен был сдать свои карточки в домоуправление.

Рестораны, кафе, закусовые, шашлычные, чайные, вокзальные буфеты торговали без карточек с двухсотпроцентной наценкой. Колбаса, сыр и прочая гастрономия продавались в виде бутербродов, не более двадцати пяти граммов на кусочек хлеба. Зато килька, сардина, хамса, тюлька с ершом и без ерша и прочая рыбная мелочь отпускались по карточкам в двойном размере. Видимо, ее негде было хранить. Были введены нормы и на промтовары, в частности обувь: сандалии, пинетки и гусарики (обувь для малышей до полутора лет).

Времена талонов и карточек облегчили жизнь фальшивомонетчиков и фальсификаторов. Умельцы, прозябавшие в мирное время, нашли теперь возможность проявить свои таланты. Например, шестнадцатилетний художник с завода имени Сталина («ЗИС») Коля Леонов сделал клише и стал печатать хлебные карточки. Эти карточки его знакомые продавщицы хлебной палатки после продажи хлеба, как было установлено, уничтожали вместо подлинных, которые Коля сбывал на рынках.

Новые законы формировали новый образ жизни москвичей. Все общественные и культурные мероприятия в городе — спектакли, киносеансы, концерты — должны были заканчиваться вечером не позднее чем без четверти одиннадцать. А еще недавно, в мирное время, гулянка в больших ресторанах шла до трех часов ночи, магазин «Подарки» на углу Петровки и Кузнецкого Моста торговал до одиннадцати, в цирке клоун Карандаш давал ночные представления, которые в одиннадцать только начинались! Теперь же гражданам запрещалось с двенадцати ночи до четырех утра ходить по городу, ездить на автомобилях, не имея на то специального пропуска, также запрещалось фотографировать и снимать кино на улицах города.

В начале июля был введен новый порядок работы почты. Согласно ему запрещалось «в письмах и телеграммах сообщать какие-либо сведения военного, экономического или политического характера,

40.
Нина и Наташа
Морачевские.
1949 г.

40

41.
Наташа Морачев-
ская на веранде
дома в Томилино.
1949 г.

41

оглашение которых может нанести ущерб государству». Запрещалось переправлять по почте открытки с видами или наклейками фотографий, письма со шрифтом для слепых, кроссвордами, шахматными задачами и т. д. Запрещалось также употребление конвертов с подкладками (бумага была плохая, и конверты приходилось делать двойными), писать письма размером более четырех страниц почтовой бумаги. Вскоре была введена военная цензура. Вся пересылаемая корреспонденция просматривалась, и нежелательная для государства информация из них вычеркивалась, а то и вырезалась. Письма на фронт и с фронта посылались без конвертов и марок, их просто складывали треугольником. Это облегчало работу военной цензуры.

Интересная подробность: 19 декабря 1941 года, когда немцы находились от Москвы очень близко, комендант Москвы приказал: «В целях недопущения использования враждебными элементами голубей, находящихся у частных лиц, приказываю в трехдневный срок сдать голубей в Управление милиции (ул. Петровка, 38). Лица, не сдавшие голубей, будут привлечены к ответственности по закону

военного времени». Голубятники потянулись на Петровку. Говорили, что какой-то известный эстрадный артист принес туда пять каких-то белых птичек, которые летали хвостом вперед, но их у него не приняли. Брели на Петровке только почтовых голубей.

Сколько ни предупреждай людей о грядущей войне, сколько ни проводи политзанятий, лекций, бесед, военных игр и парадов, война все равно застанет их врасплох, а война необъявленная — тем более. При первых бомбежках люди на улицах прижимались к стенам домов, прятались в подъездах и в арках ворот, то есть там, где их легче всего могло завалить разрушившимся зданием. Убегая в убежища из квартир и учреждений, они закрывали в них окна. Взрывной волной стекла в окнах разбивало вдребезги. Поэтому сначала работники ПВО рекомендовали гражданам, уходя в бомбоубежища, оставлять окна открытыми. Можно себе представить, что взрывная волна творила в помещениях с открытыми окнами... Но все в жизни приходит с опытом, и война не исключение. Опыт старались систематизировать кинематографисты. Они снимали обучающие фильмы «Воздушная тревога», «Как уберечь себя от действия отравляющих веществ», «Как бороться с зажигательными бомбами» и др. В специальных киножурналах (СКЖ) рассказывали о противохимической защите, о детских противогазах — словом о том, что нужно знать, чтобы выжить и спасти ближнего.

Фашисты сбрасывали на Москву фугасные и зажигательные бомбы. Чтобы как-то уберечься от них, нужно было соблюдать светомаскировку — бомбили в основном ночью, — и правила противопожарной безопасности. В первые же дни войны вышли приказы и постановления, обязывающие москвичей соблюдать правила светомаскировки и противопожарной безопасности.

С наступлением темноты город должен быть невидимым с самолета, а поэтому нельзя было зажигать свет, а если уж и зажигать, то так, чтобы свет не проникал на улицу. Окна стали завешивать одеялами и вообще чем только можно, а если нечем — сидели без света. Говорили, что с самолета можно заметить даже огонек папиросы. Уличное освещение не включалось, и первое время транспорт блуждал по городу в полной темноте. 23 сентября 1941 года освещение возобновилось. Его отключали лишь на время воздушной тревоги. В ноябре на фары машин, трамваев и троллейбусов стали надевать фар-диски. Сетки на них, закрывающие фары сверху, были постоянно опущены. За злостное нарушение правил светомаскировки и неповиновение лицам, ответственным за их соблюдение, виновных могли привлечь к суду военного трибунала.

Одно было хорошо в затемнении: жители столицы видели над собой по вечерам звездное небо...

К середине июля москвичи в своих домах, учреждениях и на предприятиях закончили оклейку окон полосками материи, целлофана или марли. Окна были заклеены крест-накрест, по диагонали. Это было необходимо для того, чтобы в случае бомбежки помочь стеклам выдержать напор взрывной волны или хотя бы не дать им разлететься в разные стороны. Окна учреждений и магазинов на первых этажах зданий заваливали еще и мешками с песком. Это было надежнее наклеек.

Поскольку не все бомбы, упавшие на Москву, взрывались, штаб ПВО обратился к жителям города с таким призывом: «Граждане Москвы! При обнаружении на территории города неразорвавшихся бомб и снарядов непременно сообщите об этом в ближайшее отделение милиции или штаб местной ПВО по телефонам: Д-1-59-48, Д-1-59-58 и К-5-77-26, откуда будут присланы специальные команды для уборки бомб».

Одна такая бомба, только зажигательная, пробила крышу и потолок в доме Анны Федоровны Богачевой и повисла на стабилизаторе. Смелая женщина не растерялась. Она взяла ведро воды, забралась с ним на стол и прижала это ведро к месту на потолке, утопив в нем бомбу. Бомба потухла.

Москвичи вообще проявляли во время войны чудеса не только смелости и сообразительности, но и выдержки. А сколько москвичей, от школьников до пенсионеров, дежурили на крышах домов, спасая Москву от пожаров! Зажигательную бомбу — «зажигалку», упавшую на крышу дома, надо было схватить специальными щипцами, поднять лопатой или, в крайнем случае, схватить руками в брезентовых рукавицах за хвост, то есть за стабилизатор, и скинуть вниз, на землю. Чтобы затушить «зажигалку» весом в два с половиной — три килограмма, хватало ведра воды, для бомбы же весом в десять килограммов нужна была бочка. В нее погружали и так называемую термитную и термитно-комбинированную бомбу, в которой находились бензин, керосин, нефть в сгущенном виде. Дно бочки с водой засыпали песком, чтобы оно не прогорело, когда в бочку опускалась бомба.

Борьба с пожарами в деревянном городе, какой по большей части являлась тогда Москва, было делом совсем не легким. Поэтому с первых дней войны в столице так много внимания уделялось противопожарной безопасности. На случай пожара около подъездов домов, на чердаках и лестничных площадках выставлялись бочки с водой и ящики с песком и лопатами. Управдомам было дано указание запастись ведрами, баграми, топорами, рукавицами, шлемами и прочим жизненно важным в нынешних условиях инвентарем, а также очистить крыши, чердаки и лестничные клетки от хлама,

42–43.
Наташа Морачев-
ская с Пушком.
Томилино. Конец
1940-х — начало
1950-х годов

мебели, одежды, бумаги и вообще от всего, что горит и тлеет, и засыпать полы чердаков песком.

В деревне человек прислушивается к петуху, в городе — к будильнику, а во время войны — к сигналам воздушной тревоги. В Москве сигнал воздушной тревоги подавался прерывистыми звуками электросирен, радиорупоров и частыми короткими гудками фабрик, заводов, паровозов и пароходов. По московской городской радиотрансляционной сети, переведенной на круглосуточную работу, повторялись в это время слова: «Граждане, воздушная тревога, граждане, воздушная тревога...» Когда передач и тревог не было, репродукторы передавали стук метронома.

Если воздушная тревога заставала горожан в трамвае, то они должны были из трамвая немедленно выйти и бежать в метро, бомбоубежище или спрятаться хотя бы в траншее, вырытой во дворе. Так же должны были поступить пассажиры троллейбусов, автомашин и автобусов. После сигнала воздушной тревоги речные пароходы высаживали на берег своих пассажиров, водители трамваев и троллейбусов отключали свой транспорт от контактных проводов, а водители автомашин угоняли их с улиц и площадей в переулки. Даже в метро поезда, доехав до ближайшей станции, высаживали пассажиров, опасаясь того, что если вражеская авиация разбомбит МОГЭС и не будет электричества, поезда с людьми застрянут в тоннелях. Не останавливались во время налетов вражеской авиации только железнодорожные составы. Они старались как можно быстрее покинуть места налета.

А кого-то бомбежка заставляла в бане. Надо было успеть смыть с себя мыло — хорошо еще, если голова была не намылена! — вытереться, одеться и бежать в бомбоубежище. Те, кто по сигналу «Воздушная тревога» покидали родной дом, согласно установленным правилам, должны были выключить газ, если таковой был, при этом выключить не только плиту и колонку, но и закрыть краны газопровода перед счетчиком, плитой и колонкой, а домоуправ, кроме того, должен был перекрыть поступление газа в дом. Если газа в доме не было, то надо было затушить печку, выключить керосинку, примус, «укрыть в плотно закрывающейся посуде или тщательно завернуть в плотную бумагу или клеенку продукты питания» — это на случай применения отравляющих веществ, — и только после этого спуститься в бомбоубежище.

Для многих москвичей бомбоубежищем служило метро. Движение поездов в нем прекращалось с восьми вечера до половины шестого утра, а до войны оно работало до часа ночи. Вход в него и тогда, и во время войны стоил тридцать копеек. Только теперь, после того как поезда заканчивали свой бег по тоннелям, в половине девятого вечера, в метро пускали детей и женщин с детьми до двенадцати лет. Ночевать в метро было надежнее, чем дома. Государство берегло детей и прятало

их от бомбежек в своих подземных дворцах. Взрослым «Правила» запрещали вечером и ночью, до сигнала «Воздушная тревога», входить в метро. Нарушителям грозил штраф от пятидесяти до трехсот рублей. Однако, войдя в метро с вечерней бомбежкой, многие оставались в нем до утра. Ночевали москвичи в тоннелях на деревянных щитах, которые укладывались на рельсы. На платформах и в вагонах разрешалось оставаться только детям и женщинам с детьми до двух лет.

Правила пользования метрополитеном требовали, чтобы те, кто прячется в нем от бомбежек, уносили свой мусор с собой и не заходили в метро с ящиками, узлами и чемоданами, а брали с собой лишь постельные принадлежности и узелки с едой для детей. Но люди, отправляясь в метро, не знали, вернутся ли они после бомбежки домой или застанут на месте дома развалины, поэтому некоторые держали наготове чемоданы и узлы и шли с ними в метро или бомбоубежище, чтобы не остаться потом ни с чем.

Может возникнуть вопрос: а где же в метро были туалеты, да еще для такого количества людей? Вопрос не праздный, если учесть, что в 1941 году в метро ежемесячно укрывалось до трехсот пятидесяти тысяч человек. Потом, правда, стало прятаться тысяч восемьдесят и даже меньше. Туалеты в метро были. Устроили их в тоннелях. Сделали и водяные фонтанчики, чтобы люди могли пить воду. Метро было, конечно, самым надежным убежищем. Жаль только, что его станций тогда не хватало. К тому времени было построено всего три линии: «Сокольники — Парк культуры», «Курский вокзал — Киевский вокзал» и «Площадь Свердлова — Сокол».

Первый раз немцы бомбили Москву в ночь на 22 июля 1941 года. С этого дня бомбежки стали почти ежедневными. Газета же «Вечерняя Москва» впервые сообщила о бомбежке лишь 27 июля. «На Москву, — писала она, — налетело около ста самолетов противника, но к городу прорвалось не более пяти-семи. В Москве возникло несколько пожаров, есть убитые и раненые».

Сообщения о бомбежках появились 2, 3, 4, 6, 7, 10, 11, 12 августа. И во всех сообщениях говорилось о «нескольких одиночных самолетах», долетевших до Москвы. Писалось также о разрушении жилых зданий и о жертвах. С 8 августа в газете стали появляться сообщения о «налете советских самолетов на район Берлина». Москвичей это радовало, но жизнь не облегчало. Лишь после того как немцев отогнали от Москвы, бомбежек стало поменьше, а прекратились они лишь в 1943 году.

Точной статистики бомбежек нет. Во всяком случае, данные разных служб о них противоречивы. По некоторым данным за первые пять месяцев войны, то есть до конца ноября 1941 года, на Москву

было совершено 90 налетов. За это время уничтожено 402 жилых дома и 858 домов повреждено (большинство их были деревянными), в городе возникло более полутора тысяч пожаров, погибли 1327 человек и около двух тысяч человек были тяжело ранены. Хотя сухая статистика, конечно, не передает состояния тех, кто был ранен, потерял близких, видел гибель людей... Одна бомба упала около Центрального телеграфа. Недалеко от него в этот момент стояли два человека и разговаривали. Когда бомба взорвалась, один из них погиб, а у второго даже не слетела с головы шляпа. Трагическая случайность вплеталась в метафизику судеб. И здесь важно понять: какими бы ни были обстоятельства жизни и смерти твоих предков — героическими или обыденными, сложными или незначительными, — необходимо бережно хранить их имена и судьбы в своей памяти. Предавать их нежеланием узнать правду — значит пресекать в себе живительные токи родового древа.

Удары вражеской авиации вредили не только жилым домам — бомбы попадали и в Большой театр, и в Вахтанговский, и в Третьяковскую галерею. К счастью, картины из галереи к тому времени были уже все вывезены. Много бомб упало в районе Останкино. Осколками бомбы, попавшей в здание Университета на Моховой улице, был сбит с пьедестала памятник Ломоносову, а взрывной волной от бомбы, попавшей в жилой дом у Никитских ворот, — памятник Тимирязеву. Досталось и самому большому и знаменитому в Москве родильному дому имени Грауэрмана на Арбате: фашисты бомбили его четыре раза. Но роддом, видимо, Бог уберег. Дружный коллектив сотрудников быстро устранял незначительные разрушения.

Надо заметить, что в Москве последствия бомбежек ликвидировались очень оперативно. На месте разрушенного здания довольно скоро вместо развалин появлялся газон или другая функциональная площадка. И в каждом предприятии и в учебном заведении работала своя команда ПВО. Кроме того, на улицах Москвы появились так называемые «слухачи». Они слушали небо через три звукоуловителя, похожих на граммофонные трубы, только большие. «Слухачи» обнаруживали приближение немецких самолетов. Относились они к службе «ВНОС» — воздушного наблюдения, оповещения и связи.

Над городом повисли аэростаты. Они вспыхивали, когда в них врезались вражеские бомбардировщики. По ночному небу, в поисках самолетов, шарили прожекторы. Столица держала оборону...

45-47.
Наташа Морачев-
ская. Томилино.
1951 г.

Кошка под бомбежкой

Постепенно москвичи привыкали к бомбежкам и научились по звуку отличать наши самолеты от немецких «хейнкелей», «юнкерсов» и «фокке-вульфов». Люди стали привыкать к опасности. Первые воздушные тревоги давали наибольшее количество психических реакций и провоцировали психозы. Но очень скоро у москвичей образовался иммунитет в отношении воздушных налетов и бомбежек, и в самое их горячее время, в октябре и ноябре 1941 года, многие пользовались бомбоубежищами все меньше.

А у Ольги Ираклиевны, видимо, иммунитет был врожденный. Она не только никогда не пряталась в семейное бомбоубежище в Томилино, но и постоянно ездила в Москву, чтобы присмотреть за комнатой на Мархлевке. Она вообще всегда была очень мобильной и энергичной. И, надо добавить, бесстрашной! Даже в опасное время, когда все уехали в эвакуацию, а столица ночами погружалась в светомаскировочную тьму, бабушка, прихватив с собой Мурку, садилась на электричку и ехала проведать коммунальное гнездышко, а заодно навестить знакомых и родню. Зачем она брала свою любимую кошку? Вероятно, чтобы та не убежала, испугавшись звуков падающих снарядов, — ведь неизвестно, что может произойти, пока ее хозяйка отлучилась, а дядя Коля на работе. Убежит, растеряется, сгинет. А без кошки никак.

Так и путешествовала Ольга Ираклиевна со своей пушистой любимицей, пока однажды не отправилась в гости на Красные ворота — к Мирону Соломоновичу Лурье, дальнему родственнику по жене брата Ольги Ираклиевны Виталия Шпиркана — Ревекке Моисеевне. Приехала на Мархлевку, навела порядок, расставила заветные банки с запасами на подоконнике. Как раз накануне она приобрела пикули — мелкие маринованные овощи: огурчики, помидорчики, патиссончики... В тот момент по карточкам выдавали продуктов больше нормы, потому что боялись, что фашисты войдут в Москву. И довольная своими запасами бабушка оставила кошку в квартире, а сама поехала в гости. Мурка была привыкшая к путешествиям, но тащить ее через шумный город в незнакомую квартиру ни к чему. Да и что с ней случится за два часа в замкнутом пространстве?!

Именно в эти часы улицу Мархлевского разбомбило. Упали три бомбы. Обычно так и бомбили — сбрасывали по три снаряда. Вернулась Ольга Ираклиевна — а все оцеплено, в дом не пускают! Погибло много людей: они по тревоге выбежали в подъезд, чтобы спуститься в подвал, где было бомбоубежище. В подъезде их и застал

взрыв... Ольга Ираклиевна бросилась узнавать о судьбе своих соседей по квартире. К счастью, большая часть из них уехала в эвакуацию. В числе немногих оставшихся была уже знакомая нам «великая и ужасная» Лида Карловна. Она и рассказала подробности этого трагического эпизода. В момент воздушной тревоги Карловна оказалась в квартире одна, не считая, конечно, пропавшей без вести Мурки. Как и положено, Лида Карловна выключила газ в квартире и спустилась в подвал дома отключить общее газоснабжение. И оттуда она даже не слышала взрывов! Такие были подвалы в старых домах! Хотя и не во всех. Подобные бомбоубежища иногда становились «братскими могилами» для тех, кто искал в них спасения. Например, когда бомба попала в один из домов Проточного переуллка, погребенных под его обломками в бомбоубежище людей так и не спасли. Для того чтобы расчистить завал, не было ни техники, ни сил, ни указаний начальства. Другой «братской могилой» стало бомбоубежище, устроенное под железнодорожным пакгаузом Белорусского вокзала. Там тоже завалило людей, и никто им не смог помочь... Но дом на Мархлевке был надежен даже своим подвалом, хотя его создатели вряд ли предполагали, что придется пережить здешним жителям.

И когда Лида Карловна вышла из подвала, она увидела страшную картину — лестница в подъезде была завалена телами убитых и раненых... Ольга Ираклиевна слушала и не верила своим глазам и ушам. По сути, она только что вышла из дома — и вернулась к такому страшному исходу. Вскоре стало известно, что один из жителей их квартиры №29 тоже погиб. В самой первой комнате у входа с окнами во двор жила семейная пара — Елизавета Николаевна, телефонистка на Центральном телеграфе, и ее муж, сапожник Проша. Проша, соответствуя образу, был горьким пропойцем. Он вышел из дома, когда началась бомбежка, и его убило чугунными воротами, ведущими во двор...

Разрушения на Мархлевке после бомбежки были причудливыми. Одна бомба попала в молочный магазин-стекляшку напротив дома и совершенно его уничтожила. Вторая бомба попала на пяточок: так местные жители называли небольшую площадку, где когда-то, в XIX веке, было кладбище и церковь, но эти времена давно никто не помнил, а в 1930-е годы здесь уже была установлена вентиляция метро — решетка, из которой дул теплый воздух. Здесь играли дети, и развлекались Ира с Ниной, предвосхищая знаменитый снимок Мэрилин Монро с игриво поднявшимся вверх легким платьем. А вот третья бомба вызвала загадочную взрывную волну — а, может, это были две встречные волны. Во всяком случае, когда Ольге Ираклиевне разрешили зайти в квартиру, она заметила хаос, не поддающийся логике: газовую колонку всю скрутило, белье из ванной со стоявшего

там маленького топчана каким-то образом оказалось далеко в коридоре, под полочкой, где стоял телефон... Что-то осталось целым и совершенно нетронутым, а что-то безвозвратно погибло. Знаменитую китайскую ширму изрешетило так, что с той поры она украшала недостроенный второй этаж в Томилино. И, конечно, разбились все бабушкины огурчики-патиссончики на подоконнике, о чем она очень сокрушалась. А через несколько часов откуда-то из темных глубин выползла насмерть напуганная Мурка. Которая с этих пор панически боялась любого шума проезжающей мимо машины...

У Теннесси Уильямса есть знаменитая пьеса «Кошка на раскаленной крыше». Мурка же оказалась кошкой под взрывной волной. И выдержала испытание достойно.

Потом на Мархлевке долго не работало отопление, и были заколочены окна. Ремонт и налаживанием быта уже по приезду занимался Леонид Михайлович. Впрочем, окна вставили быстро — как уже было сказано, московские власти оперативно ликвидировали следы бомбежек. Вернувшись из эвакуации, Ира на первый взгляд и не заметила, что Москву сильно бомбили. На месте молочной «стекляшки» землю разровняли и сделали газон. Будто ее никогда и не было.

* * *

Если спросишь, как это случилось,
Я тебе ответить не смогу,
Просто что-то налетело, закружилось
В бешеном стремительном бегу.

Просто листьями Серебряного бора
Прошумело что-то надо мной,
И в лесу осеннею порою
Было слишком хорошо с тобой.

Просто все мои желанья сбылись,
Просто мысли о тебе я берегу,
Если же спросишь, как это случилось,
Я тебе ответить не смогу.

Январь 1962 г.

Дети войны и сила судьбы

А теперь вернемся в Томилинский дом. Вернемся вместе с Ирой, которой предстояло продолжить учебу в школе. Школьная жизнь в Томилино не прекращалась, даже когда в 1942–1943 учебном году под школу было выделено всего одно помещение на Ананьевских дачах. Они располагались недалеко от нынешней улицы Гоголя в районе АТС. Позднее, в 1943 году, школа № 2 и школа № 7 вернулись в свои здания, так как воинские части из них были выведены.

По воспоминаниям Виктора Михайловича Можарова, в помещении школы № 1 занимались учащиеся 5–10 классов. Но осенью 1941 года занятия часто срывались из-за утренних воздушных тревог. Так было до декабря 1941 года. Тем не менее, занятия проходили организованно. Домашние задания также контролировались. В конце года учащиеся шестого класса даже сдавали экзамены по русскому языку и математике. А во все последующие годы старшеклассники сдавали экзамены уже стабильно по всем предметам! И тут нельзя не отметить добросовестную и самоотверженную работу учителей во главе с директором школы Алексеем Михайловичем Масловым и заведующим учебной частью Михаилом Ефимовичем Проданом.

У Иры же со школой связаны противоречивые, болезненные воспоминания — но и шальное везение! Видимо, у всего происходящего есть высокая нота, а есть низменная... А жизнь идет своим средним путем.

48.
Ира и Наташа
Морачевские.
Томилино. 1951 г.

⁸ Здесь и далее в этой главе воспоминания Ирины Леонидовны Морачевской

После эвакуации я вернулась в нашу школу, где я должна была снова учить немецкий язык у Карла Григорьевича (?) Веселовского⁸. Это был совершенно опустившийся, до полного совершенно распада личности, человек. Над ним издевались ученики — такой он был весь ободранный и совершенно беззащитный. Дело в том, что школьникам на переменке давали дополнительный, сверх карточки кусочек хлеба — маленький совсем, половину ломтика. И вместе с ним давали чайную ложечку сахарного песка. Очень вкусно было, я вам скажу, — черный, ржаной, липкий хлеб, вот так его сахаром посыпать. Очень даже вкусно! Но мы жертвовали этот хлеб ради издевательства над несчастным Карлом. Перед его уроком мы специально хлеб не съедали, и он оставался на большом блюде. И Карл Григорьевич не мог оторвать глаз от хлеба — до такой степени, что ему было не под силу вести урок. А потом не выдерживал и отщипывал кусочек... Дети — звери! У них задача — не выучить урок. Пусть он этим хлебом подавится, а мы будем измываться, издеваться, хихикать... Неудивительно, что я совершенно не знала немецкого

языка. А в институте тогда надо было сдавать немецкий! И поэтому то, что поступила — это чистый случай.

Мне вообще языки не даются, даже русский, не говоря об иностранных. На самом деле! Есть такой феномен, когда мозг так устроен, что совершенно к языкам не способен. Этот феномен, кстати, описан в книге «Листая старые страницы», автора, к сожалению, не помню... Там был герой, который делал по несколько ошибок в слове — и при своей безграмотности стал писателем! В этой книге приводится цитата из Горького, которую я очень люблю. Ее произносит Сатин, герой «На дне», и смысл ее в том, что на самом деле у человека может быть дефект слуха, который создает преграду правильному восприятию слова. Я, как тот герой, тоже могла делать по несколько ошибок в слове. Но с русским языком меня мама вытянула. Я, конечно, как неграмотная была, так и осталась. Но для того, чтобы мне поступить в институт, временно выправить ситуацию с моим русским языком она смогла.

Мама была абсолютной грамотности человек, на ней проверяли диктовки на редакционно-издательский факультет полиграфического института. Потому что она была эталон грамотности в институте. Пускай формально у нее не было полного высшего образования. Но все же четыре года она в университете проучилась. Так что фактически у нее это образование было. Но она работала еще и за счет своих собственных талантов, внутренних резервов, — природного ума, наконец! И стала начальником учебной части большого института, причем незаменимой для ректора! Она ушла на пенсию только потому, что ректора сменили. Она бы продолжала работать при прежнем начальнике, несмотря на возраст, потому что он без нее никак не мог, всегда ее брал с собой на важные встречи в министерстве.

Это я к тому, что только ей было под силу меня натренировать. Я каждый день писала. Я страницами выписывала Тургенева, Толстого. Мама говорила: «Ты же такая начитанная, а пишешь с ошибками! Перестань думать о правилах. В гимназии мы не учили столько правил, сколько вы учите, мы учили слова. И у нас были определенные присказки с игрой слов. И все запо-

48

49.
Натasha Мора-
чевская с сестрой
Ириной. Томили-
но. Зима 1951 года

миналось! Давай, пиши, пиши и не думай, только не задумывайся!» И вправду, стоило мне задуматься, я со словом Бог знает что делала! У нас преподаватель литературы был в школе, который очень ко мне хорошо относился. Он считал меня самой начитанной девочкой в классе. Он говорил: «Ты парадокс! Только прошу — не увлекайся содержанием, вот будешь на экзамене писать — пиши не больше двух страничек, фразы простые, слова простые, если у тебя какое-то сомнение возникло, тут же это слово выбрасывай. Никого не будет интересовать твое содержание. Какое бы ты замечательное сочинение ни написала, если там будет больше определенного числа ошибок — это двойка, и никому твой блеск не нужен!» При этом — ведь я же писала интересные сочинения тогда! Он считал, что по содержанию я пишу сочинения, может быть, даже лучше всех в классе, но ошибок сажаю... И до сих пор! Но когда начальник мой услышал, что я про это заговорила, он сказал: «Как — вы неграмотная?! Я никогда не видел у вас ошибок». Я сказала, что у меня словарь всегда с тобой. Я без словаря не живу. А потом словарный запас, которым мы пользуемся на работе, он очень небольшой. Конечно, я им обхожусь. И то я люблю употребить всякие наши знаки, которые означают «приблизительно», «следовательно», когда можно без слов обойтись, так скажем. Ничего не сделаешь, это факт, медицинский факт...

Но вернемся к многострадальному Карлу. Если я не могла овладеть русским, то немецкий я даже не пыталась учить. Но — бывают же чудеса на свете. Вместе со мной в институт пришла поступать моя подружка Рита Тузова. Она... все заучивала наизусть. Я — нет, я больше логик. Я урок кошке расска-

50.
Наташа Морачев-
ская. Томилино.
Зима 1951 года

зять не могла, а она могла. Вот она прочтала, а потом кошке рассказывает. А может, это такая особенность восприятия! Поэтому перед Ритой я преклонялась, у нее была устойчивая пятерка по всем предметам. Но... с физикой ей было непросто, как и всем нам.

Долгое время у нас не было хорошего учителя физики. Преподавателем у нас была женщина, которая на уроках рассказывала нам биографию Ампера, и мы должны были помнить, в каком году родился Вольт. Мы не решали ни одной задачки! Я физику считала гуманитарной наукой. Вот математика — это да, тут у меня все прекрасно, а физика для меня была загадкой. Но потом мы подняли скандал, и в десятом классе нам дали преподавателя. И к нам пришел молодой мужчина, который за нас взялся. Стал вызывать по очереди к доске. И вот посыпались на нас оценки: единица... двойка с двумя минусами... двойка с минусом. Так он оценил наши знания. Я даже помню, на какую тему он меня спросил: ворот, плечо, сила. Я начала отвечать. Он сказал про меня:

— Эта также ничего не знает, но хотя бы что-то соображает.

Значит, у меня была тройка с двумя минусами, наверное. Он сказал:

— Ребята, я с вами должен за год пройти всю физику. То есть восьмой, девятый, десятый класс. Поэтому мы будем учиться по зачетной системе. Тема — зачет, тема — зачет, тема — зачет.

А меня он попросил девочек натаскивать. Я с тех пор очень люблю объяснять! «Так, ну хорошо, ты белье сушишь, ты ж его складываешь определенным образом, почему ты так делаешь? Или — в каком случае ты берешь деревянную ложку, а не металлическую?» Физика — она ведь вокруг

нас! А формулы, они потом прикладываются... В итоге мы этого учителя очень полюбили! Кстати, у него была жена — чудная учительница истории, тоже у нас преподавала... И вот, перед окончанием школы мы спросили нашего физика, куда нам идти дальше. Он ответил, что это очень сложный вопрос. «Единственное, чего я хотел бы, чтобы Ира Морачевская и Игорь Щеглов с физикой не расставались бы». А про Риту Тузову забыл! Мне так за нее обидно стало. Почему не Рита — у нее тоже пятерка?!

И вот мы с ней пришли сдавать вступительный экзамен по немецкому в Механический институт. Мне досталась биография Алексея Максимовича Горького и какие-то правила, которых я тоже не знаю. Ну, Ритка чего-то там написала и идет сдавать. А я сижу и слушаю, потому что думать мне абсолютно нечего. Вот ничего не знаю! И слышу, что Рита преподавателю что-то отвечает, но не по-немецки! Ее спрашивают: «Из Томилино?» Она кивает. «Ой, там же Карл Григорьевич Веселовский!» — слышатся в ответ восклицания. Ритка давай рассказывать: он-де совсем обнищал, он там очень несчастный! Преподавательница расстраивается. И говорит: «Я тогда ему записочку напишу, может, мы ему подработку устроим — экзамены принимать или что-то еще». И тут Рита, верный друг, говорит: а я не одна, вот еще моя подружка, она тоже у Карла Григорьевича немецкий изучала. Ритка уходит, а я сажусь.

И кроме фразы, которую помню до сих пор: «Алешас фатер вар тот», — больше ничего я сказать не могу! И я ей по-новой начинаю рассказывать про нашего бедного Карла, как над ним измываются дети, как он опустился, и что вряд ли он сможет придти, потому что ему нечего надеть. А дама из приемной комиссии знай строчит ему записочку. Я, как и Ритка, конечно, заверяю ее, что схожу к нему домой и отнесу записочку. Все! И на этом мой экзамен по немецкому языку был закончен. Ведь иначе я бы не поступила в институт! Понимаете? Всего-навсего. Вот скажите после этого, есть судьба?! Есть.

Судьба есть, и пути ее неисповедимы, и нам не дано предугадать... Гонимый и униженный Карл Григорьевич — словно библейский отвергнутый камень, что встал в основу Храма. У известного писателя Александра Рекемчука, много лет проработавшего журналистом на Севере, в республике Коми, в одном из романов есть яркий момент: бывший политический заключенный, а теперь реабилитированный инженер, оставшийся работать в местах своего заключения, потому что добыча нефти стала делом его жизни, встречается в поезде с вертухаем из лагеря. И тот жалуется ему на горькую жизнь. Тебе, мол, теперь хорошо, ты уважаемый человек, а я? Я вообще теперь никто. А ты думаешь, мне легко там было? Или это только тебе было холодно в 50-градусный мороз?! Я ж на вахте стоял, тебя сторожил. Теперь ты живешь как человек, а я вот как червь.

Об этом надо помнить тем, кто унижает безответных. Однажды на руках у доктора Елизаветы Глинки умирал от рака священник — человек, который сам утешал других всю свою жизнь. Она спросила его о том, какой грех самый большой. А он ответил, что самый большой грех — обидеть слабого. «Почему?» — спросила она его. «Потому что это легче всего сделать». Мысль, одновременно простая и поразительная — самый тяжкий грех сделать легче всего... И неизвестно, что ждет каждого из нас за поворотом той самой судьбы. К счастью, в детской толпе всегда найдутся те, в ком проклюнется сострадание и благородство. Кому испытания выкуют характер, сделают человеком, а не зверьем. Ведь школа в ту пору — вовсе не санаторий. Каникул в военное время у школьников фактически не было. И в военные годы, и в послевоенный период школы не отапливались, заниматься приходилось в пальто и в валенках. Чернилницы-непроливайки приносили сами ученики, чаще всего девочки. А мальчишки хулиганили — срезали у девочек эти чернилницы, которые обычно подвешивались к портфелям. Ирина Леонидовна и сейчас вспоминает с благодарностью, что Витя Можаров охранял ее и подружку от подобных «набегов», когда они все

вместе с утра шли в школу. Дом Можаровых был недалеко от Морачевских — на ул. Маяковского... Так что чернильницы были стратегическим запасом — одной пользовались, как правило, четверо ребят, и свои ошибки и кляксы дети не оправдывали экстремальными условиями учебы. Конечно, все были разными. Но... они были необыкновенными — военные дети. Из них получилось очень мощное талантливое поколение, так сильно изменившее мир и подарившее ему Оттепель...

После завершения учебного года учащиеся Томилинских школ в обязательном порядке отправлялись работать на птицефабрику под руководством учителей. В 1941–1944 годах каждое лето мальчики трудились на торфоразработках в районе нынешнего Ново-Рязанского шоссе, а девочки, в том числе и Ира, — в полеводстве.

Словно вчера это было для Виктора Михайловича Можарова: летним утром 1942 года он, 14-летний мальчишка, направляется на тяжелейшую работу под палящим солнцем... Дети работали по восемь, а порой по десять-двенадцать часов в день. В первые годы войны в Томилино была острая нехватка угля для отопления предприятий и жилых домов, поэтому торфодобыча стала крайне важным делом для поселка. Руководство Томилинской птицефабрики, отправлявшее свою продукцию на фронт, хоть чем-то старалось подкормить ослабленных от недоедания ребят. Раз в день их кормили супом из очищенных куриных кишок, приправленным капустой. «Аромат» стоял, конечно, специфический. Но вместе с кусочком хлеба... — с голодухи юные труженики были и этому рады!

А Ира Морачевская работала все под тем же палящим солнцем в полях совхоза Ганусово. Кстати, именно та бригада, в которой она трудилась, особенно отличилась! Ее возглавляла самая молодая учительница школы № 2, преподаватель немецкого языка Любовь Павловна Короткова. Эта бригада в течение всего лета работала на полях, что входили в состав Томилинской птицефабрики. Жили девочки в правлении совхоза. Работали ударно, до поздней осени, до обмолота! Выкладывались по полной.

Кроме работы на торфоразработках, мальчики восьмых и девятых классов в 1943 и в 1944 годах проходили военные сборы в воинских лагерях в Орехово-Зуево — каждый год в течение двух недель. Жили в землянках, сооруженных воинскими частями в первые два года войны. Занятия там проходили по полной программе воинских частей, особенно тяжелой была утренняя строевая подготовка.

Но ничто не сравнится по тяжести переживания с человеческими потерями. Отец Виктора политрук Михаил Григорьевич Можаров в 1941 году добровольцем ушел в военное ополчение. Последнее

письмо с фронта, в котором он просил жену прислать ему фотографии сыновей Вити и Толи, пришло с передовой весной 1943 года. А в ноябре пришло извещение Ухтомского военкомата о том, что М. Г. Можаров пропал без вести. Его имя — на обелиске Славы в микрорайоне птицефабрики поселка Томилино...

В школе оставались учиться только те, кто хотел учиться дальше и не отставал, так как ребята, пропустившие год, попадали в армию до окончания средней школы. В 1945 году на весь поселок Томилино с его окружением был всего один выпускной класс, а в 1946 и 1947 — по два выпускных класса. Как раз Ира Морачевская была в выпуске 1946 года.

Таким образом, даже в военное время целеустремленные и способные дети умудрялись получить в школе прочные знания и знаки отличия. Виктор Михайлович сохранил для нас имена тогдашних медалистов: в 1947 золотые медали были вручены Наине Кудряшевой и Галине Лебедевой, — ныне они доктора наук, — а также Мише Бланку, который, к сожалению, рано ушел из жизни.

Маленькое отступление: гипотетически здесь возможно еще одно генеалогическое пересечение из тех, которыми так богата история этой семьи. Бланк — фамилия в России редкая и интригующая

54.
Ира и Наташа
Морачевские.
Начало 1950-х
годов

исследователей своим происхождением⁹. Та же фамилия была у Анны Бланк (1880–1943), бабушки Вадима Наринского, за которого вышла замуж младшая дочь Морачевских Наташа. Соответственно Миша Бланк, возможно, связан неразгаданными и далекими родственными узами с семьями Наринских и Морачевских. Это всего лишь допущение, но оно имеет право быть высказанным. Тому способствовали сами условия огромной и многонациональной российской территории и потрясения XX века, которые разбросали родных друг другу людей по стране и миру. А также тоталитарный строй, при котором интерес к собственной родословной, мягко говоря, не поощрялся, а дворянское и прочее «сомнительное» с точки зрения советской власти происхождение было чревато гибелью без суда и следствия. Людей, если выражаться образно, рубили «под корень», в сознании выхолащивалась память об истории рода. Поэтому и выработалась у многих советских граждан привычка усмехаться в ответ на подобные версии и привычно отмахиваться: «Однофамильцы!» И на соседних улицах вполне могли прожить всю жизнь родственники-«однофамильцы», даже не догадываясь о своем родстве...

Что же касается Томилино, то оно могло гордиться своим подрастающим поколением. И сестры Морачевские не исключение! Ни не была присуща редкая универсальность — способности и к точным наукам, и к гуманитарным. А Ира была отчетливым анти-гуманитарием. Быть может, о том, что она искренне любила саму логику физических процессов и красоту математических формул и что еще школьницей чувствовала, что трудноуловимая гармония этого ми-

⁹ См. «Терпкие нити любви. Семейная история в документах и воспоминаниях», М., 2012, стр. 139

ра держится на неземном расчете, сначала догадался отец. А потом и дядя Коля, который помог экскурсиями в политехнический музей и развивающими играми. «Мы с дядей Колей везде ходили — и в музей, и в Собор Василия Блаженного, и в кино на Арбат на «Три поросенка!»», — вспоминала Ирина Леонидовна. Николай Иосифович, добрейший и очень любящий детей, сыграл огромную роль в жизни трех сестер. Приходя с работы, он обязательно находил время, чтобы поиграть с девочками, научить их что-нибудь мастерить, — и даже умел увлечь «старой доброй» страшной историей. Читал на ночь книжки, когда сестры были маленькие. Позже, когда Ира искала, что бы ей почитать, дядя Коля отшучивался их любимой с бабушкой поговоркой: «Отца и мать почитай». Впрочем, это скорее бабушкина ирония. А дядя Коля ратовал за любознательность и, надо заметить, успешно ее развивал. Вот и все воспитание... Однако его хватило!

Что характерно, самая младшая, Наташа, унаследовала гуманитарные таланты Ольги Сергеевны. Она в техническую сферу попала, что называется, за компанию — поступила в техникум вслед за подругами. Но ее литературная одаренность была очевидна. Она писала стихи, была искрометно иронична и вообще со словом дружила. Ей были свойственны те вольность, свобода и легкость, которые в большей степени присущи людям творческим. Несмотря на то, что обстоятельства ее взрослой жизни не позволяют назвать ее материально благополучным человеком, она... жила легко. И была очень светлым человеком. Ее отличала именно та прирожденная легкость, которая не зависит от судьбы или везения. Быть может, это следствие той насыщенности любовью близких, которая досталась маленькой Наташе. Если в детстве ребенок насытился любовью, взрослея, он будет с радостью делиться ею с миром. Рядом с ним будет светло.

А Ира... Ира стала птицей высокого полета в прямом смысле этого слова. Пускай ей в этом и помог случай — но это ли не знак свыше... Ей предстояло проектировать ракеты под началом самого Королева.

Кстати, о космосе. Интересное совпадение: современное Томилино — известный промышленный и исследовательский центр Московской области. Здесь, как уже было упомянуто, сосредоточились и конструкторское бюро одной из самых известных в мире марок вертолетов «МВЗ им. М.Л.Миля», и конструкторское бюро «Камов». А также — гордость отечественной космической отрасли «НПП «Звезда» им. академика Г.И.Северина, которое по-прежнему занимает лидирующие позиции среди отраслевых предприятий не только России, но и мира.

СНЕГУРОЧКА

В лесной глуши, где хвоей свет завешен,
Жила Снегурочка под ласкою Весны,
Но в снежной тишине, во тьме, где пляшет Леший,
О людях снились ей загадочные сны.

И вот она уже живет в деревне,
Но холодна Снегурочки душа.
С невинной детской радостью внемлет
Веселым песням Леля-пастуха.

Готова дать она цветок за песню,
А Лелю нужно ласку и тепло,
Но не дано любить холодному снегурочкиному сердцу,
Узнать, что значит счастье, не дано.

Измят и брошен Лелем был подарок.
Ему приятней, выйдя в хоровод,
Ловить влюблённый, светлый взгляд Купавы,
Ей, только ей он песенку споет.

Снегурочка одна весенней ночью звездной
Бежит в лес, к озеру, где ждёт её Весна.
Жить без любви на свете невозможно,
О, дай мне, мама, капельку тепла.

И мать услышала мольбы Снегурки,
И в час восхода утренней зари
Надела на Снегурочкины кудри
Волшебный сказочный венок любви.

И вот в душе, где было дико, пусто,
Куда не посылало Солнце свой привет,
Венок Весны зажег неведомые чувства,
Но плата за любви мгновенье — смерть.

Растаяла от собственного счастья.
Мизгирь один, и ни к чему мольбы.
Он шлет свои бессильные проклятья
Яриле — злomu гению судьбы.

Январь 1962 г.

Натуральный блондин

Если внезапно вникнуть в очевидность, то становится понятно, что человек никогда не бывает один. Вокруг него — целый кокон жизней и историй. Он — это и его предки лет на триста вглубь, и его потомки — бесконечность в будущее. Но, не замахиваясь на глобальные перспективы, можно сказать, что его ближний семейный круг — это, в сущности, тоже он. И в том числе те, в ком он ищет отдушину — братья наши меньшие. Домашние любимцы — пушистый семейный эпос, украшение любой семейной истории. И потому животные томилинского дома тоже заслуживают места в этом повествовании. Тем более что глава семьи Леонид Михайлович животных очень любил, а они его и вовсе обожали. Вот и на одной из фотографий 1950-х годов он сидит на томилинском крыльце, читает книгу, попыхивая своей неизменной папиросой, а рядом с ним пристроился белоснежный симпатяга Пушок. Умный, своенравный хитрец и проныра. Но с виду — словно сошел со страниц чеховской «Дамы с собачкой»! Пушка подарила бабушке одна ее подруга. И однажды Ольга Ираклиевна вернулась из гостей не одна, а с черной хозяйственной сумкой, из которой выглядывала остренькая беленькая собачья мордочка. Так в Томилино появился новый член семьи. Помесь лайки с дворняжкой. И этот милый песик, раз уж он был такой маленький и белый, стал домашней собакой. А во дворе уже жил пес Бауш.

Вскоре выяснилось, что Пушок очень жизнерадостный, но не особенно деликатный. Вот Бауш — тот был совсем другой, благородных манер. Если ему положишь большую лакомую кость, то Бауш никогда не будет ее хватать и грызть при тебе. Он будет тебя облизывать, смотреть тебе в глаза — благодарить от всего собачьего сердца. А Пушок в это время кость норовит утащить! Бауш, большой, матерый, конечно, рыкнет на него, — Пушок ретируется от греха подальше. Но вороватых попыток не оставляет.

И вот однажды Пушка украли цыгане. Цыгане в Томилино всегда

55.
Бауш. Томилино.
Конец 1940-х
годов

жили, и по сей день живут. Аристократически белая собачка, видимо, привлекла их внимание. Они же не знали, что Пушок, как и они сами, не лыком шит... Вороват и хитроумен. Дело в том, что песик обожал втайне от всех убежать из дома. Бабушке приходилось за ним постоянно следить, чтобы он никуда не улизнул со двора, и пресекать его «подрывную» деятельность — загораживать фанерой тайно прорытые под забором собачьи тропы. Убегал Пушок не так чтобы в поисках экзистенциальной свободы, а в общагу, которая находилась за пустырем. В этом смысле окраинное расположение дома было очень удобно беглецу. В общаге Пушок умильно становился на задние лапки и клячил сахар. И как ему было не дать?!

Конечно, за эти побеги ему влетало от строгой, но справедливой бабушки. Увидит, что он ползет, прячась от нее за кочками на участке, чтобы юркнуть в очередную лазейку, — и кричит ему: «Пушок! Домой!» И он понуро возвращается — знает, что за побеги может схлопотать ремнем или полотенцем.

И вот однажды он пропал! Неделю его нет, вторую... Уже стали приучать себя к мысли, мол, добегался, пушистый красавчик. А он вдруг внезапно возвращается. Грязный, блохастый, с веревкой на шее — жуть! И пулей под кровать. Всей семьей его оттуда выманивали, успокаивали, отмывали всем, чем можно, включая dust... А потом появились цыгане и потребовали «свою» собачку назад! И стало ясно, что в этот раз Пушок серьезно влип. Но, к счастью, сообразил — в уме ему не откажешь! — что надо чего бы это ни стоило сбежать, прибежать домой и надежно спрятаться.

Полкан, Бауш, Пушок, Мурка... Животные оставляют после себя никем не занятое место и по-своему воспитывают нас. Для детей они — бесценные опыты любви.

А как еще вырастишь человека, который заботится и отвечает за ближних? Умозрительно это привить невозможно. Это чувство рождается в процессе отношений с тем, кто меньше и слабее тебя, кто болен или немощен и кто от тебя зависит. Зависит, потому что без тебя не сможет и потому что тебя любит, — и надо ли отделять одно от другого... Так что и Наташе, самой младшей в семье Морачевских, всегда было о ком заботиться.

СССР

МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Форма №

СПРАВКА № 14184

Иван Иванович

ул. 24/24

Стекловолокно

24 октября 1957 г.

Выдана гражданину —

Ивану Ивановичу

год рождения 1904

национальность

Украинский

уроженцу —

ке Степановичу

осужденному —

ой Судебной коллегией по уголов-

ным делам Московской городской

5 апреля 1954 г. по ст. ст. 2, 4, 6, 47

УК к 10 годам лишения свободы

имеющему — ей в прошлом судимости

в том, что он — а содержался — ась в местах заключения МВД

с 10 декабря 1954 г. по 21 октября 1957 г.

откуда освобожден — а по определению суда

Калининского областного суда

от 10 x 57 досрочно по амнистии

Начальник Управления
(подразделения), лагеря, колонии, тюрьмы
Начальник отдела (части),
секретарь тюрьмы

(подпись)
(подпись)

57-58.
Справка о до-
срочном осво-
бождении из

мест заключения
Л. М. Морачев-
ского, 1957 г.

Следует к месту жительства Город Келин
(город,
село, район, область)

Выдано денег на питание в пути 9 = 5214
(прописью)

Выдан билет на проезд до станции Келин 3251
железной дороги стоимостью 186⁵⁰ руб. или деньги на оплату
в сумме _____
(прописью)

На звание фамилии Лигу
(подпись)

Подпись ос. божевеного-ой _____

С первого по восьмой класс она росла в Томилино. Это были уже послевоенные времена, и она свое детство помнила несколько иначе, чем Ира. Быть может, потому что на нее сильнее повлияла бабушка. Или потому что она единственная внучка, которая жила в Томилинском доме, когда отца репрессировали.

В 1954 году Леонид Михайлович был осужден на десять лет по статье 24 кза ПВС СССР (так со слов И. Л. Серовой, в справке об освобождении указана ст. 24 647 УК. — *Прим. ред.*). Три года провел на зоне. Освободили его в октябре 1957 года досрочно по ходатайству — он тяжело заболел... Как выдающегося человека, талантливого инженера и хозяйственника советская власть не могла не приметить его своим черным глазом. В страшные 1930-е годы чаша сия миновала главного инженера Морачевского. А послевоенная волна репрессий накрыла¹⁰. Собственно решающую роль в его освобождении сыграло то, что застопорилось строительство одной из северных железных дорог. Из тех, прокладывать которые — титанический труд. Каганович, тогдашний министр железнодорожного транспорта, спросил у ответственных лиц: мол, а где же Морачевский? Ему ответили, что Морачевский отбывает срок. «Надо похлопотать...» — ответил министр.

Это были тяжелые времена. И, кроме того, у Леонида Михайловича и Ольги Сергеевны дело шло к разводу. А тюрьма уже их развела окончательно. Надо было поднимать на ноги Наташу и постараться сделать так, чтобы на ее судьбе никак не отразилось тюремное заключение отца. Это трагическое обстоятельство, конечно, тоже углубилось черной трещиной в отношениях супругов. Все, кто жил в Советском Союзе, знали, каким зловещим эхом отозвалась сталинская фраза «Сын за отца не отвечает». Дети еще как отвечали за своих отцов! Ближайшие родственники всегда отвечали друг за друга... После освобождения Леонид Михайлович с Ольгой Сергеевной уже не жили вместе, хотя и продолжали какое-то время сосуществовать на Мархлевке. Но недолго — Леонид Михайлович вскоре перебрал-

59-
Ольга Иракли-
евна с Баушем.
Томилино. Начало
1950-х годов

¹⁰ См. «Терпкие нити любви. Семейная история в документах и воспоминаниях», М., 2012, стр. 82

ся к друзьям. Сильная любовь сменилась ненавистью. И это было самой тяжелой драмой семьи Морачевских. Конечно, Ольга Сергеевна хлопотала за супруга, и ей помогал в этом зять Борис Нюренберг, первый муж Иры. Но и три года на зоне — не курорт. Можно себе представить, что чувствует вышедший из заключения человек, которого уже не ждет любящий семейный очаг. Очаг, который он, собственно, и обустроил ради своих близких. Но теперь они с женой чужие люди... Горько всю жизнь быть оберегом и спасателем для других, и вместо почестей очутиться в казенном доме! Горько было и его детям — ведь трудно придумать лучшего отца... Можно представить, что ощущал тонко чувствующий, самый младший ребенок в этой семье — ведь Наташа на тот момент еще маленькая. А у старших сестер бурлила у каждой своя жизнь. Но и они переживали не меньше, даже острее в силу своего уже взрослого понимания.

Копия.

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ И.М.КАРАМОВИЧУ
Политуправление НКПС тов. ЗИМИНУ
Подор Ленинской тов. ВАКУЛИНУ.

Копия - Редакции "Правда", "Трудок", "Железно-
дорожный пролетарий".

Парторганизация паровозного депо Пенза 1 Ленинской
к.д. и ЦЕЛГО горячо приветствуют и отмечают неподражаемый
стахановский пример включения в стахановское движение по
примеру орденоносца профессора КАРТАШЕВА научных работников
Московского Института Инженеров Транспорта имени тов. Стали-
на на Ленинской кел. дороге.

По приглашению парткома бригада в составе проф. ЛАВРОВА
доцента МОРЩЕВСКОГО и аспиранта РВЫНЧИКА оказали помощь
в организации работы стахановской школы.

Проведены 4 лекции паровозных машинистов-стахановцев,
орденоносца ГОРБАНЬ (как увеличить среднесуточный пробег
товарного паровоза), КОПИШОВА (как вести без остановок
поезд весом 1340 тонн на участке 120 км., без набора воды
и без ремонта), АНДРЕЕВА (о качестве ремонта и ухода за
паровозами), КОВАЛЬ (как увеличить форсировку котла).

Задано 30 вопросов. Выступало 15 человек. Посетило
386 человек паровозников. Проведено 6 технических бесед
консультаций с охватом 200 чел.

Научно-технически обосновали работу стахановцев
КОПИШОВА "Безостановочное следование без набора воды товар-
ных поездов весом 1340 тонн на участке 120 км." орденоносца
ГОРБАНЬ "Об увеличении среднесуточного пробега" и друг.,
по опыту которых последовали работать 5 машинистов. Открыты
внутренние неиспользованные ресурсы, как-то: составление
графика оборота паровозов, правильность плавки баббита,

61-62.
Оригинал рапорта
Л. М. Кагановичу
паровозного депо
Пензы, опубли-

кованный в цен-
тральных газетах,
с благодарностью
за «огромную про-
деланную работу»

доценту Л. М. Мо-
рачевскому, проф.
Лаврову и аспи-
ранту Рубинчику,
1930-е годы

- 2 -

правильность планирования ремонта паровозов и т. д.

На основе этой работы вызван большой интерес
повышения технических знаний до уровня инженеров
и техников.

Пример энтузиастов обогащения науки опытом стаха-
новцев и обмен опытом науки с опытом стахановцев дол-
жен быть широко распространен на транспорте.

МИИТ обеспечивает в дальнейшем регулярную научно-
техническую помощь стахановской школе.

За огромную проделанную работу научной бригадой
Партком и инженерно-техническая организация об"являет
благодарность проф. ЛАВРОВУ, доценту МОРАЧЕВСКОМУ и
аспиранту РУБИНЧИКУ."

Нач. парав. отд

Зарогович

Секр Парткома *Зинь*
прод. уралола
МИИТ

(Платонов)
Зинькин
(Герасимов)

Копия верна:

И снова из воспоминаний Ирины Леонидовны:

Моменты детства, юности — они ведь очень яркие. Вот, помню — еще довоенная картина: зима, папа возвращается вечером домой. Помню его пыжиковую шапку, его пальто с меховыми хвостиками в подкладке, которое потом перешили мне. Мы с Ниной бросаемся ему навстречу — и он из-за пазухи достает нам два красных яблока. Яблоки в те времена продавались зимой только в одном месте — в Елисеевском магазине...

И вот я уже студентка, конец 1940-х. Живу теперь на Мархлевке. И вдруг выдается момент, когда вся семья в Томилино, кроме нас с папой. Он возвращается поздно. И если я уже спала — мог разбудить меня. И передо мной уже стояла табуреточка, покрытая скатеркой, на ней стоит графинчик с водочкой, настоящей на лимонных корочках. У него были больные сосуды, и однажды ему стало плохо в кафе. Там оказался врач, который сказал: вам надо бросить курить и каждый день выпивать по пятьдесят граммов. Иначе загнетесь! Курить папа не бросил, а вот пятьдесят граммов выпивал. Не больше! Тяги к алкоголю у него не было никогда. И ему даже свою лечебную дозу неловко было пить в одиночку. Да и пил не банальную водку, а у него был свой рецепт: настойка на лимонных корочках. Помню, что на каждые пол-литра он добавлял кусочек сахара. Она у него приобретала нежно-желтый оттенок. И он ее обязательно потом переливал в графинчик. Словом, был у него стиль. И вот я просыпаюсь, а на табуреточке этот графинчик, картошечка уже отварена, и в нашем рыбном магазине на ул. Кирова, которая теперь Мясницкая, он купил свежей селедочки. Его там продавщицы знали и всегда ему рекомендовали, какая селедка лучше. Селедку папа обожал! И вот он аппетитно посыпал ее кружевами луковых колечек... Словом, папа всегда умел порадовать. Вот так...

А вообще из всех его внуков именно Дима Наринский, сын Наташи, унаследовал хозяйственную натуру деда. Я смотрю на то, как Дима обустроивает пространство, на то, как в своем пруду разводит рыбу, какое хозяйство у него в Мокеевке, и думаю — отец сделал бы так же.

* * *

Чувства все проверены, но слова не сказаны,
Где найти, которыми можно всё сказать?
Что для сердца создано, не подвластно разуму:
На ромашках учимся о любви гадать.

Если ж будут найдены те слова заветные,
То сказать их сразу мне лучше не спеши.
Пусть они пошепчутся летней ночью светлою —
Над заросшим озером с ветром камыши.

А чтоб всё, что думалось, всё, что недосказано,
Что мелькнувшей искоркой скрылось — не догнать,
Всё, чему не верилось, стало ясно сразу мне —
На ромашке буду я о тебе гадать.

Январь 1961 г.

Цимес Морачевского, носки Туполева и банка Королева

Студенческая жизнь на многое открыла Ире глаза... Именно тогда ей вспомнилось, как еще в страшные 1930-е Ольга Ираклиевна не боялась вправлять Ире, пионерке-комсомолке, мозги насчет восточного деспота, который управлял страной. Ира в ответ называла бабушку царским пережитком. «А что ты знаешь о царе?! — величественно парировала бабушка. — Он был невинным младенцем по сравнению со Сталиным». И была, конечно, права, — что Ира, конечно же, не могла воспринять должным образом в детстве. Куда там! Как и почти все советские дети, она была восторженной жертвой государственной идеологии. Сейчас смешно и страшно об этом вспоминать, но, несмотря на бабушкино воспитание, она до религиозной дрожи обожала «вождя народов». И все не унимались детские грезы о девочке Мамлакат, которая придумала собирать хлопок обеими руками и которой Сталин за это подарил часики. Сказочная промывка детских мозгов! У Иры была целая книжка об этом. Девочка не хотела снимать с руки эти часики и с ними искупалась в ванной. И волшебные часики перестали ходить, и она плакала, и пришли добрые люди, и они стали говорить: «Не плачь, деточка, мы тебе эти часики починим!»

— А вдруг и мне... Сталин что-нибудь подарит или возьмет на руки?! — вот были тайные Ирины мечты времен «счастливого тоталитарного детства»... Больше двадцати лет спустя, когда она посмотрела фильм Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм», ее словно осенило: это же про нас! У Ромма хватило смелости первым правдиво и беспощадно показать истерию культа личности, которая царила и в нашей победившей стране. Это страшный феномен, природа которого до сих пор не изучена. Обожание тирана — откуда оно в человеческой природе?! От животных? Но разве животные будут преклоняться перед вожаком, уничтожающим их детей...

¹¹ Здесь и далее в этой главе воспоминания Ирины Леонидовны Морачевской

После войны постепенно у меня начиналось отрезвление...¹¹ Я поступила в институт в 1946 году. Со мной поступали демобилизованные, с фронта пришедшие ребята. Я стала замечать, что у них не было этой эйфории, хотя многие из них в армии вступили в партию. И вот мы с ними идем на первую демонстрацию к Красной площади. А путь лежит мимо нашего дома, потом по Мясницкой, через Никольскую... Но только мы подошли к нашему дому, они говорят: «Знаешь, Ир, хватит!» А напротив нас был гастроном. «Сейчас зайдем в гастроном — и к тебе! Чего ты там, на Красной площади,

не видела?!» Я была удивлена... Не то, чтобы они мне что-то внушали, но их отношение было определенное. Не бабушки моей, царского пережитка, а офицеров Красной армии, которые за Сталина шли! Теперь им на Сталина и смотреть не хочется. Вот тут у меня стали появляться вопросы. Но до полного отрезвления было еще далеко.

А потом Ирину косвенно коснулся «еврейский вопрос»... Который обострился в послевоенное время, а до того был Ире и ее сестрам неведом. Они вообще не задумывались, кто какой национальности. И даже какой национальности они сами.

Позже мы узнали, что Морачевский — это не еврейская фамилия. Досталась она нам от Михаила Игнатьевича, русского человека. И собственно говоря, моя физиономия с таким бурятским обликом — это от него, от деда. У него сестра, говорят, была, вот я на нее очень похожа. У нас в фамилии перед «р» буква «о». А если бы стояла «а», то это был бы еврейский корень. Это мне кто-то из евреев объяснял. «Мар» — это еврейский корень.

О том, насколько одна буква меняла судьбу, Ира догадалась не сразу. Папа шутки ради называл цимесом сладкую тушеную морковь в молоке, хотя на самом деле для цимеса морковь надо было тушить на гусином сале с луком. Кто ж знал, что цимес еще означает «самое вкусное». Всех этих папиных шуток девочки до поры до времени не понимали. Потом, вместе с мамиными друзьями Вейцманами пришла еще одна кулинарная подробность в виде оливкового масла. Оно, конечно, было и раньше — во времена Ирино детства продавалось в Елисейском магазине в фаянсовых графинчиках. Называлось «прованское». Все знали, что шпроты делают в прованском масле. А потом, когда появилось государство Израиль, еврейские семьи стали получать оливковое масло. Ольга Сергеевна часто бывала у Вейцманов. С Левитой Семеновной, преподавателем математики и директором школы, они очень сдружились в эвакуации. Вейцманы жили в Армянском переулке.

Мама возвращалась от них и говорила: «Вот опять Левита меня уговаривала съесть винегрет с оливковым маслом, а я этого никак не могу!» А самое коронное блюдо у них было — это шейки. Куриные шейки, с которых снимали кожу, и происходила какая-то муторная филигранная процедура, что-то с чем-то пережаривалось, и начинались вот эти шейки-колбаски. Это с маминых слов. Знаете, как говорят: «Сладкие гусиные лапки. Ты это едала? Нет, не едала. Бабка видала, как наш барин едал». Так и я с этими шейками. Я их сама даже не видала. Моя мама видала, как их Вейцманы едали...

63.
Наташа Морачев-
ская идет в школу.
1951 г.

Именно за младшего сына Вейцманов Сашу заступилась Ольга Сергеевна, когда его из-за «пятого пункта» не принимали в полиграфический институт — причем не на редакционно-издательский факультет, а на механическое отделение, где готовили специалистов по типографским машинам. Блестящий парень, умница — и всё равно не поступил бы без ходатайства Ольги Сергеевны¹².

Теперь расскажу, как еврейский вопрос коснулся непосредственно меня. МИФИ создавали в 1949 году на базе Московского механического института на улице Кирова (Мясницкой), в котором я и училась. Институт располагался в здании ВХУТЕМАСа. Это такое желтое здание с белыми колоннами в Казаковском стиле напротив Главпочтамта, рядом с так называемым «Чаеуправлением», декоративным китайским домиком. Это здесь Маяковский со своими плакатами РОСТА в своё время выступал. И это здание было отдано ММИ. Он официально назывался ММИ, а на всех пособиях стоял штамп «Институт боеприпасов». И подчинялся он Министерству Боеприпасов, тогда это был Наркомат Боеприпасов. Институт был крошечный! Когда теперь идешь по Мясницкой, смотришь на это здание — как мы все там помещались?! Притом часть помещений оставалась в ведении художников, потому что там были небольшие аудитории с хорошим освещением — как раз для натурной живописи. Поэтому натурщицы в шубочках иногда мелькали среди нас в буфете, а в ММИ учились в основном парни! Был факультет ракетной техники, был факультет физико-технический и факультет снарядников, по сути дела, «катюш». Отсюда и технологии, и производство самих снарядов. Наборы были крошечными, чуть ли не сто человек в набор шло на эти три факультета. Когда я поступала, то выпуск был из института 30 человек физиков! Они поехали тогда в Арзамас.... И что интересно, среди преподавателей народ был прогрессивный, молодой и, в основном, еврейской национальности¹³. И поэтому, возможно, естественно, и среди студентов у нас был довольно высокий процент евреев. Но в то время никто про национальность даже и не говорил. И вообще речи об этом не было: я даже ни на минуту не задумывалась, кто передо мной, какой национальности!

И когда в 1949 году организовали МИФИ, нас, ракетчиков, перевели в МВТУ им. Баумана. Поэтому у меня диплом МВТУ. Но когда мне говорят: «О, вы кончили МВТУ!» — я говорю: «Янисколько не горжусь этим ремесленным училищем». Потому что я туда пришла уже после того, как проучилась три курса в институте, что после стал МИФИ! Это, извините меня, две большие разницы. Яничего не хочу сказать, МВТУ готовит хороших специалистов, но там все совсем по-другому. Этот институт (МИФИ) — более творческий, а в МВТУ — все ГОСты, ОСты, посадки, системы валов, системы отверстий — это все назубок надо знать. Из них потом прекрасные конструктора выходят, но, как говорится, меньше воли порассуждать. И когда нас стали переводить, стали смешивать с другими специальностями, не переводили группу целую.

¹²⁻¹³ См.

«Терпкие нити любви. Семейная история в документах и воспоминаниях», М., 2012, стр. 86–87

64.
Наташа Морачевская. Томилино.
Лето 1951 г.

64

65.
Наташа Морачевская. Томилино.
Лето 1953 г.

65

66.
Наташа Морачевская. Второй ряд снизу, вторая слева. 1 класс. Томилино. Весна 1952 г.

Стали объединять, как мы говорили, с «туземцами». Программы у нас разные. Что-то мы вместе проходим, а что-то врозь. Мы возмущались, потому что нас заставляли что-то пересдавать, что-то досдавать... Мы, конечно, не хотели. Нам говорили: «А вы кто такие, из какого-то механического института пришли, вот у нас древо нашего МВТУ, вот от нас столько институтов народилось. А вы кто такие?» А мы не сдавались, мы доказывали, что мы второй раз сдавать это не будем, мы это уже проходили-сдавали. В общем, мы думали, что нас так перемешивают, чтобы просто единство наше нарушить. И вот уже дело идёт к весне, скоро учебному году заканчиваться, а у нас занятия и не начинаются.

Но мы не унываем, идем одному нашему товарищу брюки заказывать на Бакунинской. Как сейчас помню, Авка Ротенберг. Брюки были готовы, мы шли их посмотреть, что ему сшили, на примерку. И нас человек было пять-шесть мальчишек, ну и я с ними, девчонка. Пришли, портной тоже еврей. Надел он эти брюки на Авку, а они у него мешком сзади сидят. Мы ему говорим: «Не годится!» Портной говорит: «Молодой человек, пихните руки в карманы!» Тот пихнул, у него спереди натянулось, а сзади все равно висят. Не годится. «Молодой человек, наклонитесь». Мы и говорим: «Ну, Авка, прекрасно, на четвереньках можешь дальше идти!» Я помню это так хорошо, потому что мы так хохотали! Оттуда идем к метро, у нас весёлое настроение после того, как эти брюки смотрели. И тут серьёзный разговор пошёл у ребят.

66

Я говорю:

— Ну что, ребята, слава Богу, вроде расписание уже вывешивают, вроде уже всё хорошо.

Они так на меня смотрят и говорят:

— Это для тебя хорошо.... А для нас только начинается.

— Для кого — «для нас»?

Представить себе трудно, из одной группы были ребята. Но почему-то выяснилось, что мы попали в 34-ю группу, а они в какую-то 50-ю. Я на них смотрю — и не могу понять, в чем дело. Этого позора не могу забыть до сих пор! Метро «Бауманская», уже у эскалатора стоим, они ко мне лицом разворачиваются...

— Ты что, ничего не понимаешь? Ты чего, вообще? Кто — мы, и кто — ты?

А я смотрю на них — и вдруг до меня, уже до взрослой девки, которая учится на четвёртом курсе, доходит: они евреи! Я же никогда не думала, что это какое-то имеет значение. Я, конечно, покраснела, у меня прямо слёзы в глазах от неловкости, и я не знаю, что сказать.

— Вот и заткнись, — говорят. — Для тебя все хорошо, а для нас...

Их перевели из ракетного факультета на факультет прокатки и волочения металла. Ясно? Лишили допуска. 1949-й год. Потом дело врачей пошло,

и антисемитская кампания разворачивалась дальше. А кафедру, куда они попали, возглавлял академик Целиков. И Целиков сказал: «Сколько существует факультет, такого состава студентов у меня не было никогда!» Золотой состав — после трех лет МИФИ! И с такой базой — как они говорили: «Р на F, формула давления на площадь — вся наука». И всё равно эти ребята не пропали! Все в науку пошли, потому что в любом деле нужны мозги. Не обязательно просто «кувать» и быть начальником цеха по прокатке или резке. Блестящие мальчики были. Вот тогда я увидела изнанку советской власти.

В выпуске Ирины Леонидовны всего две девочки и 48 парней! Ирина — ценный специалист. Благодаря своему руководителю диплома А. М. Исаеву, она смогла, минуя кадровые интриги, в 1953 году поступить на работу к Королеву в знаменитое ОКБ-1 НИИ-88, располагающееся в подмосковных Подлипках (ныне — город Королев). Это было интереснейшее время! В ОКБ ей сразу была поручена разработка ракеты «семерки», на которой до сих пор летают космонавты. И в этот период в ее жизни произошло эпохальное событие — она обнаружила ошибку в расчетах самого Главного Конструктора.

«Постановления правительства на разработку ракеты ещё не было, но начальство уже думало, кому ее поручить. Конечно, молодому специалисту, то есть мне! Вот, давай, считай. Я и считала. Причём, в первые же дни я решила, что свихнулась. Потому что то, что там было спроектировано, работать не могло. И это — мнение молодого специалиста, который проверяет схему, подписанную Королёвым! И другими выдающимися конструкторами — Валентином Петровичем Глушко и Борисом Николаевичем Петровым, который потом был директором Института космических исследований...

Меня попросили: «Посчитай вот тут сопротивления, как тут заслоночку надо повернуть, насколько сопротивление надо изменить, чтоб там расход поменять...» Ничего не могу понять! По моим расчетам во всём этом нет энергетического запаса, и не может быть! Прихожу домой, плачу. Плачу! У меня никак концы с концами не сходятся! Потом встречаю своих ребят. А это ж всё секретно! «Слушай, вот как я рассуждаю, правильно? Неправильно?! Там вот так всё нарисовано! Я бы эту заслонку за насос поставила так, вообще, чуть-чуть прибавила бы топлива, у насоса мощность бы поднять...» Королёвым подписано, Глушко подписано, Петровым подписано... а всё не так! В чем дело — не пойму! Потому что если бы у меня было образование тогдашнего МВТУ, я бы просто начала считать, но у меня был Московский механический институт, где меня заставляли логически мыслить и всё увязывать, представлять процесс в целом...

И до сих пор не могу понять, почему такая предельно простая вещь была пропущена! Мистика! Сейчас, если кому из специалистов сказать, —

никто не поверит, что на самом деле сначала такой вариант предлагался... Конечно, всякое бывает, но, когда пусть даже глупая девчонка сказала, что этого не может быть, что «король-то голый» — то начальник, опытный человек, должен был задуматься. И вот ко мне подходит Борис Устинович Кастальский. Он ленивый был и любил поухаживать. А потом он про меня говорил: «Вот когда пришла, подумал, что просто какая-то дурочка, а потом оказалось, она умнее нас всех!»

И вот он спрашивает меня: «Где расчёт?» Я ему объяснила свои сомнения. Он просит: ты все изложи письменно. Я все подробно написала: формулы, графики, как мощность насоса растёт, мощность турбины, насколько это можно туда, сюда... Он сказал: «Так в школе пишут. Это никто читать не будет. Наоборот надо!» Что значит «наоборот»?! Пишу наоборот. В конце концов, у него промелькнуло просветление, и он все же решил, что это-таки надо показать большим начальникам. Показали — показали, я и думать забыла. Ещё мне что-то дали посчитать. И вдруг приходит первый заместитель Королёва. Был такой академик Василий Павлович Мишин, он после смерти Королёва был Главным конструктором. Его звали «Душка Василий Палыч», очень приятный и красивый мужчина! Сидели мы в большом-большом зале. Все лицом к двери, начальник наш непосредственный Петр Федорович Шульгин сидел к нам лицом, наблюдал за нами. Тут у нас формулы стоят, тут стол у расчетчиков. Заходит Василий Павлович, все замирают, конечно. Василий Павлович подходит к Шульгину. Тот вскакивает, а у Василия Павловича в руках бумажки какие-то. И вдруг я вижу: они смотрят на меня! О чём-то разговаривают, и Шульгин по проходу его ведёт ко мне. Парень, который сидел впереди меня, вскакивает, на его место садится Василий Павлович и говорит:

— Это ваш расчёт?

Я думаю, сейчас со мной истерика будет! Пришёл второй человек после Королева. Я всего четыре месяца как пришла из института сюда, в этот большой коллектив! Я говорю: «Да, мой...» Думаю, сейчас скажет: и где ж тебя, дуру, так выучили, чего ты тут написала?!

67–68.
Наташа
Морачевская.
Томилино.
1953 г.

69.
Наташа Морачев-
ская с подругой.
Томилино. 1953 г.

70.
Ольга Сергеевна
и Нина Морачев-
ские. Томилино.
Начало 1950-х
годов

69

И вдруг он говорит:

— Я не совсем понимаю ход вашей мысли! Но настолько заманчив вывод, который вы делаете, что мы эти все регулирующие уровни отдаём на напорные линии, а это значит, отдаём Глушко, в его КБ.

Мы избавляемся от агрегатов! Лишняя производственная «болячка» уйдёт к соседу, если я права!

— А так как они не захотят проблемы приобретать, то их задача, найти, где вы путаетесь.

И всё! И с тех пор хоть бы один кто-то догадался поставить заслонку на входе в насос: все ставят только за насосами! По-другому быть не может! И оно так и стало бы, даже не приди туда я. Потому что иначе оно не может работать. Но почему-то я увидела это первая своим, так сказать, совершенно неиспорченным, незашоренным взглядом.

После этого у меня хорошая жизнь пошла! Я премию получала, как зарплату. Шубу купила себе сразу же — в первую же зиму у меня уже была колонковая шуба. Я присутствовала на совещаниях у Королёва. Ведь самое интерес-

ное, что может быть, — это работа в проектно-механическом отделе, куда я и попала! Где вся завязка идёт, где вяжется само изделие. Тут ты не так глубоко работаешь, как широко работаешь. Ты сталкиваешься с людьми, с которыми ты по профессии, по своему образованию вроде бы не связан. Но ты должен чего-то соображать, быть универсальным, чтобы с ними работать. Я считала, что моя подготовка — заслуга Московского механического института. Его школа давала ценнейшую возможность не быть догматиком в любом деле.

И это очень интересно было, потому что там аэродинамики чего-нибудь хотят, там управленцы чего-нибудь хотят, тут прочнисты что-нибудь хотят. А тебе надо воспарить над схваткой — чтобы веса получились как надо, чтобы сопротивления получились как надо, чтобы, в конце концов, дальность получилась как надо. Чтобы все сошлось! И мне это очень нравилось. Считаю, что я проектантом и осталась на всю оставшуюся жизнь. И когда такие совещания устраивались, то, конечно, на них руководители проектного подразделения обязательно присутствовали. Вот Глушко говорит, что у него там что-нибудь с тягой или КПД не то, удельная тяга, или ещё что. Тут надо сразу сообразить, во что это выльется в самом изделии. Шульгин приходит — и я сижу с ним рядом со своей тетрадкой, со своей логарифмической линейкой, другой техники у нас не было. Но я очень быстро умела считать в уме. Не как калькулятор, конечно, — я прикидывать могла. Мне легко удавалось всю цепочку представить. Только они говорят: «Вот, нам на этой магистрали надо немножко прибавить», — я смотрю, на этой магистрали — на насос вот столько, на турбину вот столько, тогда мы топлива сюда прибавим вот столько, вот это пойдёт столько... «Пётр Фёдорович, отсюда мы потеряем вот столько». Поэтому когда мне это надо посчитать и написать — у меня наступал ступор. Прикидывала я все верно. Но знала, что расчёты будут большие, длинные...

И когда я уехала на Урал, и приехала в Подлипки в командировку, — к этому времени вместо меня у нас было целое подразделение, — ребята мне говорят: «Слушай, Ира, но ты же знаешь, что вот так вот лучше?» Я говорю: «Да, вот так вот лучше. На этой магистрали работать, снимать всякие ошибки, чем на той, выгоднее будет».

70

Тогда пойдя, скажи Пете (П. Ф. Шульгину. — *Прим. ред.*), он же никому, кроме тебя, не верит! Ты ему скажешь — он тебе поверит.

Такой у меня был авторитет...

Здесь, в конструкторском бюро мирового значения Ирина Леонидовна расправила свои профессиональные крылья. Но и здесь, при всем полете мысли, смерть Сталина она еще переживала как потерю. И разве только она? В ОКБ рыдали все... Людям казалось, что жизнь закончилась. И это при том, что их руководитель, легендарный главный конструктор Сергей Павлович Королев сам был жертвой сталинских репрессий. И выжил чудом! Об этом до поры до времени не было широко известно, потому что имя Главного конструктора до его смерти вообще не называлось за пределами производства. Хотя... как иронично вспоминала потом Ирина Леонидовна, «голоса» его знали, а граждане своей страны — нет. Но коллеги Королева, сотрудники ОКБ-1, конечно, были в курсе. Да это было и не скрыть — у него были обморожены руки колымской вечной мерзлотой...

Он выжил на зоне чистым случаем, потому что среди лагерников оказался парень, кто-то тоже из главных конструкторов, людей того же полета, но при этом очень большой физической силы, который сумел в лагере заставить себя уважать. Вот стал таким, что не его гнобили, а он. И ему урки сказали: «Слушай, Михалыч, а там какой-то ваш король помирает». Он зашел и увидел, что это был Сергей Павлович. Поэтому тот и остался жив. Потому что он сказал: «Ребята, это ж такой человек!» Благодаря этому случаю у нас есть наш космос!

Когда началась война, стало ясно, что немцы технически оснащены гораздо лучше нас. ФАУ-1, ФАУ-2, которыми они бомбили Лондон... было понятно, что они полетят и на нас. Вспомнили, что до войны ракетной техникой у нас тоже занимались. Был М. Н. Тухачевский, нарком обороны, который считал, что в будущей войне при помощи конницы и сабель войну выиграть нельзя, а нужна техника. Он эту отрасль развивал. У него был заместитель Георгий Эрихович Лангемак, который ведал именно технической стороной. И была организация, так называемый ГИРД — Группа изучения Реактивного Движения. ГИРД был Московский и был Ленинградский, они потом объединились...

(На базе МосГИРД и Газодинамической лаборатории был создан первый в мире Реактивный научно-исследовательский институт (РНИИ). Директором института была назначен И. Т. Клейменов, его заместителем — С. П. Королев, которого в 1934 г. на этом посту сменил Лангемак. — *Прим. ред.*)

И Глушко, и Королёв, и был еще Доминик Доминикович Севрук — все они входили в эту группу разработчиков ракетной техники. Но Тухачевского

расстреляли, Лангемака расстреляли, Клеймёнова расстреляли, который даже не был военным, а просто возглавлял все это реактивное движение. А остальных посадили! И не куда-нибудь, а по-настоящему, с урками, в настоящие лагеря. И когда в 1941 году глянули: что делать? Надо собирать специалистов. Берия сказал: «По лагерям, срочно собрать всех, кто остался жив!» Собрали и привезли в Казань.

А в Казани была авиационная шарага. Там А. Н. Туполев работал. Туполев не сидел в лагере, тачки не возил, как Королев. Его обвинили, что он «мессершмит» чуть ли не продал немцам! Он сидел в шараге. Его команда жила и работала под конвоем. На нарах они спали, ели, потом их ввели в зал, и они работали, чертили. А поскольку делать больше нечего, как по их воспоминаниям помню, у того же Туполева собирались. Туполев сидел в вязаных шерстяных носках на нарах, и ребята, его сотрудники, продолжали обсуждать, что они завтра будут рисовать, какой профиль, какое крыло... И вот Королева и его коллег привезли в Казань, и для них тоже сделали шарагу. У них стало полувольное житье. Я читала письма Королёва к матери. Его мама билась за него, писала во все инстанции! Он ей писал:

«Дорогая мама, ты не можешь представить, у меня полно света, у меня интересная работа, а главное, у меня на подоконнике стоит стеклянная банка. Ты ж представляешь, сколько времени я не видел стеклянной посуды». На зоне ведь посуда только алюминиевая, стекло считается оружием...

И так они просидели в шараге с 1941-го по 1945 год. В 1945 году им надели погоны, они стали полковниками и поехали в Германию набирать остатки немецкой техники. И с этой немецкой техникой они приехали: один приехал в Химки, ОКБ-586, по-моему, а другой на завод Калинина в Подлипках. И мы работали в коллективе, у человека, который прошел через это все, и который при этом пользовался таким авторитетом, что министр его к себе вызвать не мог. Министр сам к нему приезжал! И у него и со Сталиным встречи были. Поэтому... да, все рыдали, когда этот тиран умер. Света Жабо из механического института с которой мы дружили, — она за полгода до меня поступила на работу, — так она даже валенки, помню, у кого-то одолжила и по крышам полезла похороны смотреть.

Люди рыдали... потому, что все могло в одночасье измениться. Как уже не раз было. Вакханалия смены власти — этого советский человек вкусил сполна! Королева могли опять отправить на зону — а вместе с ним и всех его коллег. Так ведь уже было, и не раз... А мыслящих мудрых людей, глубоко понимающих происходящее, склонных не к панике, а к анализу, — их во все времена немного. Что ж, окончательное прозрение ждало Ирину Леонидовну на Урале. Там она поняла, насколько ничтожна цена человеческой жизни в государстве, созданном на крови, костях, лишениях и боли тех, кто так беззаветно в него верил.

Где же справедливость?

Девять лет Ире пришлось отработать в филиале ОКБ-1 под Златоустом и в Миассе. О причинах и предыстории этого периода подробнее описано в книге «Терпкие нити любви...». Но здесь важнее передать неизгладимое впечатление от встречи с совсем другой жизнью, нежели та, к которой она привыкла в Москве. Когда-то, в детстве, она жила и в Сибири, и в башкирской эвакуации, но теперь ей предстояло увидеть просторы Родины совсем другими глазами — человека, который пытается понять и осмыслить действительность. А к суровой уральской действительности она оказалась совсем не готова...

¹⁴ Здесь и далее в этой главе воспоминания Ирины Леонидовны Морачевской

На Урал я приехала в 1954-м...¹⁴ Появляюсь на вокзале в Златоусте, на мне шубка колонковая красивая, на ней были пластиночки для декора, и шапочка кнопкой сделана, и плюш на ней вишнёвый! И я появляюсь — а вокзал шумит, как улей! И вдруг тишина: я вхожу. Нарядная!

— Ай-й-й! А шапка-то на ей! А барэтки-то какие! Ах! Глянь! — это так меня заценили местные. Я ж тогда не знала, что, оказывается, мои ботинки — это «барэтки». Дело в том, что я только в октябре приехала на Урал, и сразу в декабре поехала в командировку, а в январе возвращаюсь обратно. И меня мои «барэтки» не греют, в шапке уши мёрзнут, — разве что шуба еще ничего, теплая. Всё, что было тёплое, на себя надела! Перед станцией Златоуст захожу в вагонный туалет — воронка вся обледенела. Морозище! И вот я выгружаюсь в своих «баретках» и в этой шапочке в Златоусте, платком сверху завязалась, всё на себя тёплое надела. В каком-то жутком трамвае до площади центральной доехала. Почему-то в трамвае был пол в таких досках, как штакетины, с просветами.

Жду автобуса. Приходит... нечто. Автобус, у которого водитель открывает рычагом переднюю — единственную! — дверь. Стоит народ, ждёт. И стоят тёточки: на них валенки с галошами, на них тёплые толстые стёганные штаны, дублёнки тогда не носили, а носили хорошие полушубки, а главное — у них головы завязаны: платочки ситцевые, а поверх пуховые большие платки, и варежки. И я в своем прикиде! Тут уже никто не любовался на мои «баретки». Одна женщина на меня посмотрела: «Деточка, ты бегай, бегай, ты не стой, ты оставь около меня вещи и бегай по площади!» И вот я по этой площади взад-вперёд, взад-вперёд, чтоб ни на минуту не останавливаться. Наконец, подошёл этот автобус, эта тётчка с моим чемоданом, — а у меня в нем продукты, естественно, потому что в Златоусте человеку приехавшему есть было абсолютно нечего, просто совсем нечего! В общем, тюк у меня с продуктами, банка томат-пасты: я рассудила, что томатом всё можно помазать — и уже съедобно. И я сажусь в этот автобус, а тетечка мне машет,

73.
Наташа Мора-
чевская с кузи-
ной Натальей
Константиновной
Головачевой.
Томилино. 1955 г.

74.
Ольга Сергеевна
Морачевская.
Начало 1950 -х
годов

73

что она там мне место заняла. И говорит: «Ты разувайся и садись, ноги под шубу прячь». Так вот, я ботинки сняла, и на сиденье села, завернувши ноги в шубу, и так доехала до своей 66-й площадки.

Что такое площадка? Это такой котлован и два завода. На одном из заводов было наше конструкторское бюро. И бараки! Деревня Дегтярка (поселок, район Златоуста, в котором преобладает частный сектор. — *Прим. ред.*). Во время войны сюда каракалпаков сослали — они все умерли от таких условий, и теперь лежали на кладбище. Жили здесь и раскулаченные, дома у них были хорошие, крепкие, они все в пуховых полушалках, без прав на работу, естественно, но им и не надо — у них и ульи с пчелами, живут натуральным хозяйством. Молодежный поселок там был. А в бараках жили выселенные немцы Поволжья, которых погнали в Германию, потом пригнали из Германии, и выслали сюда. У них узкие, как купе, комнатки с нарами. Вот здесь мне предстояло трудиться...

... Я обулась, выскочила из автобуса, бегу! А я приехала как раз, когда закончился рабочий день. Смотрю — с завода идёт Лев Милославский, мы с ним одновременно в эти края загремели. Я ему кричу: «Лёвочка, неси мои вещи!» Я, значит, кидаю ему свои пожитки, сама мчусь домой. Вбегаю в комнату, и вот только подумайте, что делает человек — до какой степени у него должны отмерзнуть мозги?! Если учесть, что воды горячей нет, ванны нет, ничего нет! Что делать? Я сбрасываю шубу, сбрасываю ботинки, становлюсь на кровать и начинаю прыгать на этой кровати! Левка входит с моими вещами и говорит: ты чего?! А я на панцирной сетке вверх-вниз! Вот почему-то мне казалось в этот момент, что только таким образом я смогу согреться. Хоть бы чайник поставила! Но у меня, видно, не было на это никаких сил. Окоченела! Вот так нас встретил суровый Урал...

Надо добавить — не только холодом он встретил, но и сбил с ног. Все могло получиться куда хуже — Ирину Леонидовну сбил самосвал!

И вот мы по этой грязи идём к проходной завода, в отдел кадров — только-только прибывшие оформляться. Я крайняя. Этот самосвал не вписывается в поворот: его заносит в одну сторону, потом заносит в другую... И, как я

шла крайняя, он меня передним бампером вот по одному месту и шибанул. Говорят, я летела метров пять. К счастью, я летела не прямо, а летела немножко наискосок, как бы в кюветы. А он промчался мимо!

Если бы я прямо полетела, он просто бы, наверное, меня переехал! Он, значит, меня туда шибанул, остановился. А ребята подбежали, меня подняли. А он увидел, что меня всё-таки на ноги-то поставили, и опять свой тарантас заводит! Тут его кто-то «хорошим добрым» словом окликнул: «Стой, куда! Вези её! — Куда? — В больницу».

К счастью, я всегда была очень гибкая, я ногу могла себе заложить за голову и ногой перекреститься. Хирург меня поставил перед собой, сжал таз и говорит рентгенологу: «Да как её сломаешь, она как пружина!» От ушиба меня не сломать, всё гнётся. Значит, просто нервные окончания отбило — отсюда такая боль...

Из больницы меня к себе домой взял начальник огневого стенда Борис Штин. Он уже к нам приезжал в Подлипки, и, собственно говоря, наши ребята ему сильно помогли.... Его обвинили во вредительстве — в том, что двигатели не проходили контрольных испытаний. Якобы какой-то механик слышал, как Штин сказал: «Что будем делать дальше? У нас кончился алюминий». А дело в том, что в ракетное топливо в очень далекой перспективе, до которой мы не дошли и до сегодняшнего дня, можно добавлять алюминий для повышения энергетики. При этом алюминий — это очень непросто, но некоторые умельцы пытались плавить алюминий в камере. При этом повышается температура, естественно. И Штин был толковый, он чего-то соображал, но до конца не понимал, что, если б он смог свою задумку осуществить, ему надо было бы дать сталинскую премию за это достижение! И, конечно, КГБ-шники сразу нагрянули это дело разбирать и попросили наших из Подлипок приехать разобраться. «Они туда алюминий добавляют!»

Наши приехали, говорят, форсунки надо ставить правильно при сборке двигателя. Неправильно форсунки ставят! Короче, прикрыли Бориса. И он благополучно избежал кары. Поэтому к нам он относился очень хорошо, и меня из больницы забрал к себе домой, где они жили

75

75.
Наташа Морачев-
ская. Томилино.
1955 г.

76.
Наташа Мора-
чевская. Второй
ряд снизу, вторая
слева. 4 класс.
Томилино. 1955 г.

76

вдвоём с женой, а дети жили на «материке», дома, где-то в европейской части. И вот, когда я пришла к нему, я увидела, что вся их кухня заполнена большими аптечными бутылками, литров на двадцать, наверное. Только в провизорских отделах такие видела. Этих баллонов стояло штук пять на кухне: в одной макароны, в другой мука, в третьей ещё чего-то. А сверху салфеточкой завязано, потому что надо, чтоб не задыхалось, дышало, и чтобы тараканы не могли туда забраться. Потому что, как они мне объяснили, если привезут, например, пшено, — его надо купить, сколько сможешь унести, потому что потом несколько месяцев его может и не быть. И макароны так же: привезут макароны — надо купить. И масло. И, в общем, всё. А в магазине ничего: придёшь — и вообще ничего! Потрясающая жизнь!

На заводе в столовой первое варили из консервов — рассольник, борщ из железных банок, которые цивилизованные люди в принципе не употребляли, только в походы. На второе могли дать коричневого цвета оладьи с еще более коричневого цвета ложкой повидла. Еще более чудное блюдо — черные макароны и вымоченная вобла. Соленую воблу вымочили и пожарили. Вонница! Это на второе. И мутный чай. И это на оборонном заводе, когда в Москве

на таких предприятиях давали икру и балык! Хлеб на заводе обязательно берешь с собой — пусть хотя бы два кусочка у тебя дома, но будет. Потому что в поселке ты его уже не купишь...

Наше бюро, куда меня направили, должно было осуществлять руководство заводами. Производство у нас было от Королёва, изделия на серию ставили на этих заводах, поэтому какое-то кураторство отсюда велось, и своих местных специалистов тоже надо было иметь. В результате туда распределяли из того же МВТУ и из МАИ. И они там уже создавали свою прослойку. Но директором завода там был специалист по лесосплаву. Не смейтесь, потому что в Советском Союзе кадровая политика такая и была — важно, кому партия доверяет. Вот партия ему доверила — он и руководит, а где у ракеты нос, где хвост — ему, как говорится, без разницы. Он хозяйственник. Таких, как он, так и называли — красные директора. А для того, чтобы знать, что и где у ракеты, был главный конструктор Теплищев. Он, судя по всему, не мог противостоять этой кадрово-политической силе. И вот я, где-то через несколько дней после приезда, иду, смотрю: чего-то продают. Перец или помидоры, фаршированные морковкой. Деревянные ящики, из которых вид-

неются грязные банки. И очередь стоит. Выкинули, как это называлось! И я встала. Стою, стою, очередь ни с места. И вдруг подходит женщина: пуховый платок, габардиновое пальто, лисий воротник, лисья голова покоится на одной груди, лапки свисают с другой. Она деловито говорит продавщице:

— Ньюра, в ящике сколько там банок, а? Ну, два ящика тогда!

Я говорю:

— Слушайте, женщина, мы в очереди уже два часа стоим и с места не сдвинулись!

— Ты первую неделю только как приехала, а уже права свои хочешь качать?!

«Надо же, знает, что я всего неделю как приехала!» — изумилась я про себя. А оказывается, это супруга того самого Ушакова Емельяна Максимовича, специалиста по лесосплаву! Так у нас все и распределялось: партия тебе доверяет — получай два ящика фаршированных перцев... а не доверяет — вот тебе черные макароны и моченая вобла!

Когда меня сбила машина и я жила у Бориса Штина, я задумала сварить им хороший обед. Я уже могла ходить и отправилась за продуктами. Вышла на улицу и спрашиваю у прохожих, где мясной магазин. И чего-то меня одна женщина не поняла, другая не поняла. А потом мне говорят: нет, мяса нет! Хорошо, говорю, сегодня нет, будет завтра, а где магазин? Мне сказали: нет такого магазина. Вообще! Мясо бывает на рынке, но там только конина. Еды нет, понимаете!

Но ведь люди как-то живут? Как они живут — мне раньше даже в голову не пришло бы... Просто потрясающе, до какого скотского существования людей довели на этой 66-й площадке. Я увидела даже не сельское население, я увидела людей совершенно бесправных, которых совершенно непонятно за что лишили этих прав. Они могли лишь временно устроиться на подсобную работу вроде строительства насыпи на железной дороге... И вот тут окончательно пошатнулась моя вера в Сталина и советский строй. Я не встала здесь на комсомольский учет, хотя тогда с этим было строго. Я даже помню свои слова, какие я сказала:

— Они такие же советские люди, как я. И у них только одна жизнь, так же как и у меня. Почему они эту жизнь должны прожить вот так? У них ведь не будет другой! Где же она, советская социалистическая справедливость?!

Вот все эти коммунисты начинали мне рассказывать о том, что можно-де из такого захолустья в люди выбиться и академиком стать. Может, откуда-то и можно было, но не отсюда! Это я могу сказать точно, потому что здесь у людей даже не было паспортов! Они вообще своих детей никуда не могли определить. Это еще «кулаки», те, кто был зажиточным крестьянином, в силу своей здоровой сердцевины, выстояли, построили себе дома, даже пчел развели. Стоят, семечки большие щелкают, через забор поплевывают, они живут крепким натуральным хозяйством, они умудряются где-то подрабатывать. Я очень

хорошо это помню: оградочки аккуратные, не поваленные, не как у нас в средней полосе, поедешь в глубинку в деревню — э, там плетень на плетень. А тут нет. У них везде порядок. Они работать привыкли! Но это же не благодаря советской власти, а вопреки!

Пришло время — и нашему конструкторскому бюро на этом пятачке 66-м стало тесно. Нам сказали перебираться в Миасс, куда я не попала во время эвакуации. Там нам отвели площадку, место, где нам, наконец-то, построят жильё! И так как нам стало интересно посмотреть, куда мы переедем, мы стали туда ездить. А там недалеко изумительное с лазурной водой озеро Тургояк! Красота... И на берегу этого озера деревня Тургояк. Здесь нам стало вольготней. Мой начальник, а потом и второй муж Валерий Романович Серов по молодости был смелым, и когда его спросили о нашем житье-бытье, он сказал правду:

— Есть нечего, народ разбегается, кадры местные, какие остались, не годятся, а нашим людям не предоставляют условий для работы.

Ему, правда, за это из министерства потом выговор дали, но распорядились сделать республиканское снабжение. И у нас даже сгущенка появилась! В общем, всё, что нужно. Мы в этих краях любили ходить в походы, ездили отдыхать на выходные дни в Башкирию. Уже могли, как белые люди, брать с собой сгущенку, сухофрукты, на костре картошечку запечь. В Башкирии все очень хорошо растёт, там замечательные земли. И мы знали, что у башкир, у татар всегда могли что-то прикупить себе. А тут мы приехали в Тургояк. Большая деревня, а никакого рынка нет. Пошли по домам, а у всех дома как по Мамину-Сибиряку — низ каменный, верх деревянный, собаки воют, только что невестку не слышно, которая плачет. Закрытые, глухие высокие заборы, не штaketник какой-нибудь. Сбоку калитка, чтобы кольцом постучать (стукалочка). Оттуда открывается оконце, хозяин выглядывает: «Че надо?» Картошечки, может, значит там, лучку. «Нет!» И так во всей деревне. А потом нам объяснили:

— Чего ж вы хотите, это старoverы! Хотя у них мужчины все работают где-то, но все равно он тебе воды не даст. И кружку свою не даст. И ничего вы здесь не купите. В прошлом все они с золотом были связаны, потому что золото там мыли и до сих пор там золотишко есть. А они своим миром живут, все равно.

Вот такая у меня была встреча со старообрядцами...

И к этому моменту от моей наивной веры в социалистический строй не осталось и следа... Когда в конце 1950-х — начале 60-х прошла волна закрытия лагерей, образовалось большое количество освободившихся сотрудников органов безопасности. И их надо было всех трудоустроить. А куда? Особые отделы на предприятиях уже все заняты. Поэтому придумали такую должность: помощник главного конструктора. И этих помощников ко всем главным конструкторам, во все КБ посадили! В смысле дела это было — обхохотаться.

78.
Наташа
Морачевская.
1957 г.

У нас таким помощником был некто Громагин. Я всегда говорила, что у тиранов сентиментальность и жестокость соседствуют. У Громагина собачка была, он эту собачку просто обожал! Жена вульгарная, накрашенная, которая никогда в жизни не работала, и сын, который просто-напросто бандюгой стал, в конце концов. Вот этого Громагина сделали помощником главного конструктора. И вот, когда мы с Серовым уезжаем из Миасса, по этому поводу устраивается пьянка. Ведь пьянка была по любому поводу! Проводы устроили мощные. А направление у нас было в Днепропетровск к М. К. Янгелю. Главный конструктор Янгель, в честь которого улица названа. Это тот самый Янгель, у которого случилась жуткая катастрофа с ракетой в 1960 году, погиб маршал М.И. Неделин и еще много людей... (М. К. Янгель чудом выжил, выйдя в курилку. — *Прим. ред.*) И подходит к нам этот Громагин. Он разговаривает с Серовым, а я стою и это слушаю. Он говорит:

— Валерий Романович, как приедешь в Днепропетровск, у Янгеля Михаила Кузьмича помощник, — называет его по имени-отчеству. — Ты ему от меня передай привет — очень душевный, хороший человек. Ты знаешь, он на тебя даже чем-то похож. Мы с ним, бывало, сидим, списки расстрельные читаем, надо уже подписывать, а он говорит: «Подожди, давай еще раз перечитаем». Такой мягкий человек...

Я просто медленно оседаю, когда до меня эти слова доходят... Вот у них чем доброта измерялась! Нет, с тех пор у меня нет никаких иллюзий.

Однажды мы были в Гурзуфе, уже много позже — и в тот момент там татары зашумели, начались волнения. И в связи с этим отменили маршрутки. И, видим, сидят двое молодых ребят, пьют вино. И вдруг к нам обращаются: «Вот во времена Сталина такого бы не было». Думают, что наше поколение сейчас ностальгически поддержит. На что я им отрезала: «Во времена Сталина вы бы тут не сидели и не рассуждали бы, вот что было бы в те времена.

* * *

Может быть, я это всё придумала,
Может быть, всё это — плод мечты?
Может, просто вьюга снегом дунула?
Может, мне во сне приснился ты?

Может, те слова, что так запомнились,
Летний парк шутя прошелестел,
Может, ветер, темнотою пользуясь,
Их шепнул и дальше пролетел?

Может быть, среди веселья шумного,
Когда хочется кого-нибудь любить,
Я нечаянно тебя придумала
И, конечно, не смогла забыть.

Январь 1962 г.

Советский ренессанс

А теперь снова вернемся к младшей сестре Ирины Леонидовны Наташе. Пока Ирина переживает важнейшие этапы своей жизни — а 14 октября 1955 года у нее рождается старший сын Александр, — Наташа еще ребенок, она живет и учится в Томилино. Не то что бы Ольга Ираклиевна и дядя Коля заменили Наташе родителей. Но остались в сознании самыми близкими людьми ее детства. Но при этом, конечно, у нее были и любящие родители, и старшие сестры, обожавшие ее. Наташа была окружена любовью... В Томилинском доме она жила с шести лет. Ее характер и мироощущение сформировались на вольном подмосковном воздухе. Характер, как уже не раз упоминалось, удивительно светлый, жизнерадостный и открытый. Не сохранилось ни одной фотографии, на которой она бы не улыбалась! Хотя в пору Наташиного детства неутомимая бабушка в силу обстоятельств не слишком радужно смотрела на жизнь. Много позже Наташа вспоминала эпизод, как ее мама, приехав в Томилино, бросила хлебную корку в собачью миску, а бабушка ее подобрала. Наверное, в очередной раз подчеркнув, что «мы-то тут с жиру не бесимся и корками не брезгуем» — давняя бабушкина политика привлечения внучек на свою сторону. Для Иры этот эпизод — нонсенс, она по сей день помнит Томилинский дом — полную чашу. И даже то время, в 1954–1957 годах, когда Леонид Михайлович был в заключении, вся семья вкладывалась в Томилино и прилагала все силы, чтобы Наташа ни в чем не нуждалась. Так что Наташино детство пришлось на противоречивое для семьи время.

А еще мы часто забываем о том, что у старших и младших сестер или братьев могут быть совершенно разные воспоминания о детстве, потому что с течением времени семья меняется. И младшим достаются ее возрастные метаморфозы. Разговорившись через годы, дети одних и тех же родителей могут окунуться в прошлое и получить друг от друга совершенно разные подробности: «А помнишь, мама все плакала на кухне... бабушка лежала в больнице... папа долго не возвращался с работы?» — «Нет, не помню, я ведь тогда поехала учиться». — «И тебе купили новые туфли. А мне отдали старые бабушкины сапоги». Это лишь примитивный набросок диалога, но память и сменяющиеся эпохи в семейной истории и вправду взбиваются в причудливый коктейль...

И все же стихия семейного микрокосма, так влияющая на наш характер, до конца не раскрывает своих тайн. Кто закладывает в детскую натуру эту гармонию света и здравомыслия, что была в Наташе?

79.
Ольга Сергеевна
Морачевская с до-
щерью Наташей
и внуком Алек-
сандром Серовым.
1957 г.

80.
Нина Морачев-
ская. 1950-е годы

79

Ее главная воспитательница бабушка, по воспоминаниям внучек, особо их не воспитывала и книг не читала. Любила, правда, разглядывать альбомы с фотографиями. Особенно один, большой, шикарный, что был посвящен Первой мировой войне 1914 года, где были фотографии всех членов царской семьи, великих княгинь, запечатленных во время их работы сестрами милосердия в госпиталях, редкие военные фото. Этот альбом, особо любимый бабушкой, Леонид Михайлович потом подарил своему зятю Марку Одинцову. Что же до назидательных мер, то Ольга Ираклиевна любила порой перечислить, что должна уметь барышня, выходя замуж: готовить и шить первым делом. Следующим пунктом перечислялось, конкретно что шить. Например, мужское белье и далее по списку. Но сама бабушка в модистки не рвалась, а только руководила процессом, когда приходила портниха смастерить наряды для внучек. Вот тут Ольга Ираклиевна садилась рядом и распоряжалась: в плечах убраться, подол удлинить... Девочки ее руководству были совсем не рады — фасоны бабушкины давно вышли из моды. «Помню, как я страдала, когда бабушка взялась перешить для меня папино пальто», — вспоминала с улыбкой Ирина Леонидовна. У нее-то идеологические споры с бабушкой не ограничивались стилем и форсом, если вспомнить о культуре личности.

80

81.
Ирина с первым
мужем Борисом
Нюренбергом
и мамой Ольгой

Сергеевной
Морачевской.
Томилино. 1950-е
годы

Наташе было девять лет, когда умер Сталин. Культ личности вскоре официально осудили, она вряд ли спорила о нем с бабушкой. Ее взросление — плоть от плоти Оттепель, «советский ренессанс». Увы, очень короткий. Но яркий и незабываемый. Наташа была удивительно созвучна той эпохе — солнечная, талантливая и открытая. Писала стихи, любила музыку и театр. Она была ярко выраженным гуманитарием, а техническую профессию выбрала скорее по практическим соображениям, нежели чем по велению души. Повлияла ли семейная традиция — инженер-отец, старшие сестры — одна кибернетик, другая — проектировщик космических ракет? В большей степени повлияли подруги, поступившие после седьмого класса в московский техникум. Она осталась в Томилино одна, проучилась восьмой класс... и рванула в тот же техникум. Хотя семья, конечно, хотела, чтобы она, как и старшие сестры, сначала окончила десятилетку, а потом поступила в ВУЗ. Но она сделала все по-своему. Хотя, конечно, после техникума она получила высшее образование, окончила Бауманский. Но если уж на Наташу кто-то влиял, так это были друзья. Идеалу дружбы Наталья Леонидовна осталась верна всю жизнь. Она умела дружить. Неженская черта. Наверное,

82.

Наташа Морачевская у границы Европы и Азии на Урале. 1950-е годы

83.
Натasha Мора-
чевская с Ириной
и ее мужем Ва-

лерием Серовым
на Урале. 1950-е
годы

84.
Ирина с мужем.
Справа Наташа.
1950-е годы

83

84

85

от папы. Он всегда выручал друзей и очень заботился о тех, с кем работал.

Ирина Леонидовна вспоминала:

К ней всегда стремились люди! Друзья, поклонники... Вокруг нее всегда вились мужчины! Она была невероятно привлекательной, женственной, яркой. И никогда ни на что не жаловалась. Обожала собирать народ у себя. Когда уже переехала с Мархлевки в отдельную квартиру в Чертаново, могла отпроситься пораньше с работы, приехать домой, быстро чего-нибудь приготовить, накрыть на стол — и принимать друзей, однокурсников, сослуживцев. Вот это она очень любила! Умела из ничего сделать вкусное застолье! И ведь жила-то небогато. И как ей это удавалось? «А что, говорит, от меня нужно? Картошки начистить, салат нарезать. А остальное гости принесут!» Вот так она жила — с легкостью и доверием к миру.

И Диму она растила, не подавляя его. Давала ему свободно развиваться. Я вот, например, своих могла и приструнить: мол, не мешай мне, я работаю, не кричи, не мельгеш на кухне — я котлеты жарю. И так далее. Но... не хлебом единым. Наташа с Димкой могла рассуждать о чем-то философском, стихи читать. В конце концов, не в котлетах счастье! Она была для него мама-праздник. И он ее обожал.

Как показывает жизненный опыт, лучшее воспитание и есть его отсутствие. Точнее — его неосязаемость, ненавязываемый личный пример. «Меня воспитал свет из-под двери в кабинет отца», — вспоминал академик Вавилов. Вот именно из такого света из-под двери и рождается свет внутренний. И, наверное, еще одну тему никак не обойти. Можно бесконечно оправдываться суровыми временами и окольными сюжетными линиями, но ребенку все равно не уйти от самого простого вопроса: «Почему я живу не с мамой и папой, а с бабушкой?» Вопрос — словно выкрик о голом короле. Хотя именно Наташе из всех трех сестер досталось больше всего материнского тепла и внимания... Во многом о Наташе пеклась Ольга Сергеевна, когда мягко, но настойчиво уговаривала Иру выходить замуж за Бориса, первого мужа. А Ире было рано замуж, она сама это остро чувствовала, но перед аргументом, что «у тебя есть еще две сестры» — то есть, мы все тут в одной комнате и надо освободить место... — она была бессильна. А позже и у Нины, когда ей пришлось уехать с Мархлевки с новорожденной дочкой, появилась обида на маму, которая, конечно же, не говоря ничего прямо или же действуя бессознательно, освобождала место для младшей дочери. Но у каждого своя правда. Иной раз, чтобы не пораниться о чужую правду, просто уходишь. Чтобы где-то, с высоты обретенной мудрости, всех понять и никого не осудить. Эта мудрость начинает зреть с трудных и болезненных догадок. Суть которых — понимание, что на некоторые, казалось бы, такие простые и насущные вопросы ты ни от кого не получишь ответа. Просто когда-нибудь ты ответишь на эти вопросы сам себе. И это будет великое освобождение от своей боли и чужой вины. Которой, возможно, и нет вовсе.

86.
Наталья Морачев-
ская. 1961 г.

Хранитель

Наташины дружки запомнила вся семья. С Верой Макаровой, в замужестве Церетели, она училась в техникуме и потом дружила всю жизнь. Ольга Мельникова и Татьяна Морозова — это подружки по институту. Самой ближайшей из подруг детства, живших в Томилино, была Оля. Оля — обездоленное дитя из сложной семейной драмы — кажется, ее отец второй раз женился и она жила с мачехой. Олю жалели и очень тепло принимали в доме Морачевских, где она проводила много времени, где ее подкармливали и где она порой даже ночевала. Но до поры до времени — пока бабушка не заревновала ее к дяде Коле. Хрестоматийно мелодраматичный сюжет: пригретая в доме сирота пытается разрушить семью... «Пытается» — громко сказано, скорее всего, она даже сама не догадывается о своих «темных» намерениях. Да и объект ревности дядя Коля тоже был далек от подобных мыслей. Просто всколыхнулись подводные семейные течения... Бессменная опора и хранительница дома имеет право в глубине души испугаться... одиночества? Муж ее младше, а соблазны неизбежны. Мы не думаем об этом. Бабушка для большинства из нас — доброе начало с остывшей женской природой, материнство без гендерных страстей. Но так ли это на самом деле?

Что ж, время не стоит на месте. Вскоре Ольга Ираклиевна и дядя Коля и вправду остались в Томилино одни. В 1960 году Наташа поступила в техникум и жила теперь в Москве. Кстати, комнату на Мархлевке еще до войны поменяли на большую, 30-метровую в той же квартире. И это еще не все метаморфозы, с ней связанные, потому что впоследствии эта большая комната превратится в две небольших: в одной будет жить Ольга Сергеевна, в другой — Наташа с мужем Вадимом Наринским и с сыном Димой, Дмитрием Вадимовичем Наринским (род. 08.10.1974). И все эти путешествия — внутри одной квартиры, что, конечно, очень удобно в чисто практическом смысле. Но не удобством единым жив человек. А Леонид Михайлович после развода уедет в кооперативную квартиру на Преображенке, на Большой Черкизовской, д. 8, кв. 50. Поселится он там с апреля 1965 года. И женится во второй раз. Его вторую жену зовут Зоя. Она была намного младше, но, увы, умерла раньше его. Те самые метаморфозы семьи, одни из ко-

87.
Вера Макарова.
подруга Ната-
льи Наринской
и крестная ее сына
Дмитрия. 1960-е
годы

торых мы считаем закономерно объективными, а другие вырастают из личностных коллизий. И порой их сложно отделить друг от друга, потому что, в конце концов, судьба — это характер. Каждая семья уникальна, и никакой другой подход, кроме экзистенциального, здесь не работает.

Ирина Леонидовна тем временем работает на Урале. В этот период у нее и ее мужа Бориса Нюренберга, как уже упоминалось, родился сын Саша. Рожать она приехала в Москву, и потом, конечно, приезжала к родным в отпуск. Запомнилось, как всей семьей ездили навестить Нину в подмосковном Кучино, где она жила у родителей мужа. Жила, правда, недолго, потому что жить там было невыносимо. «Там же два педагога», — вздыхала Ольга Сергеевна, имея в виду, что родители мужа Нины Марка Одинцова оба были школьными учителями: мама математик, отец — географ. Мама трех сестер, сама педагог, знала о себе горькую правду: в семье с людьми этой благородной профессии бывает очень сложно, ибо никакой гибкости и компромисса. Позже она боялась, что Наташа с Вадимом из-за нее разведутся, когда они все вместе жили на Мархлевке. Но Ольге Сергеевне хватало мудрости признать в себе педагогический диктат.

89

89.
Наталья Морачевская с Таней
Одинцовой. Томилино. 1960 г.

90–91.
Николай Иосифович Кирик с Таней
Одинцовой. Томилино. Середина
1960-х годов

90

В семье же Одинцовых это принимало абсурдные формы — здесь уже пахло не школой, а карцером. Если свекор называл Нину по фамилии, то свекровь звала ее на «вы». «Если вы не будете называть меня мамой, я буду говорить вам «вы», — такой вот был ультиматум. «Но у меня есть мама!» — недоумевала сквозь слезы Нина, истощенная от недоедания, потому что боялась лишней раз выйти на кухню.

Конечно, вскоре молодая семья оказалась на Мархлевке. Пока они не получили квартиру в Химках, им пришлось поскитаться. И в следующий свой приезд на родину в ноябре 1960 года Ирина Леонидовна обнаружила в одной комнате Нину, Марка, их новорожденную дочь Танечку, Татьяну Марковну Одинцову (род.19.03.1960), маму — и при

91

этом наездами бывал отец. Они уже разошлись с Ольгой Сергеевной, но квартиры на Преображенке у него еще не было. Ирина не запомнила, была ли в тот момент Наташа, которая уже училась в техникуме. Возможно, она была в отъезде, но постоянно уже жила на Мархлевке. Словом, народу хватало — шесть человек в одной комнате! Символично, что первые детские воспоминания Тани связаны с той же железной кроватью с шариками, которая описана в поэтичных воспоминаниях ее мамы. Всесильный Бог деталей — хранитель этого дома. Или домов — потому что, пожив какое-то время в коммунальной тесноте, семья Нины Леонидовны переезжает в Томилино. Это был вынужденный шаг: и Нине, и ее супругу приходилось ездить оттуда на работу в Москву. Но плывя по реке жизни, мы снова видим, как гостеприимное Томилинское гнездо опять наполняется детскими голосами! У бабушки и дяди Коли новая воспитанница, правнучка Танечка.

5 января 1961 года у Ирины Леонидовны и ее второго мужа Валерия Романовича Серова (род. 24.08.1921) родился сын Дмитрий. Сашу, старшего сына Ирины от первого брака, Валерий Романович усыновил. Ирина Леонидовна с новорожденным Димой и Сашей тоже жила в Томилино весь свой декретный отпуск. А вскоре Серовы окончательно вернулись с Урала в Москву, и какое-то время они тоже жили на Мархлевке. Но недолго — Ирина Леонидовна, успев поработать в Дубне, снова вернулась на работу в родное ОКБ-1, ее супруга перевели рядом, в ЦНИИмаш, и семья поселилась в Подлипках. Семья Нины через два-три года получила кварти-

92.
Дима Серов
и Таня Одинцова.
1962 г.

93-
Валерий Серов
и Ирина Морачев-
ская с сыновьями
Димой (на руках)
и Сашей. 1964 г.

94-
Саша Серов. Урал.
1962 г.

93

94

ру в Химках. А Томилинский дом продолжал принимать уже новое поколение — правнуков бабули старой. У 75-летней Ольги Ираклиевны началась вторая молодость. Летом к ней привозили Сашу, Таню и Диму, а осенью-зимой она, по давнему своему почину и бодрьясь старой закалкой, брала бидон ядерной квашеной капусты собственного изготовления — конечно! — и совершала объезд своих птенцов. Сначала из Томилино ехала к Ире в Подлипки на электричках — до Казанского вокзала с пересадкой на Ярославском. Приедет, помоемся, придет в себя, — и через денька три-четыре засобирается к Нине, прихватив уже дыню в гостинец. «Как вы все у меня удобно живете!» — восклицала неумолимая бабушка, имея в виду, что все ее маршруты пролегли через площадь Трех вокзалов: теперь она ехала обратно на Ярославский, переходила на Ленинградский вокзал и держала путь в Химки, где тоже гостила денька три. И нипочем ей были сквозняки и муторная дорога в зимних вагонах! А дома ее терпеливо ждал вышедший на пенсию дядя Коля...

«Махнем в Арагви»

Приподнимаясь над житейской суетой, снимаешь шляпу перед этими людьми. Жить в дикой коммунальной скученности по шесть и больше человек в комнате, растить детей в полном отсутствии бытового комфорта — и при этом не требовать и не ждать никаких побрякушек от жизни. Вкалывать, строить, создавать, «быть спокойным и упрямым», как пелось в одной из лучших песен застойного периода. Занимать деньги до зарплаты, стоять в очередях, жить по карточкам, а потом по талонам. Смотреть «голубой огонек» в новогоднюю ночь. И при этом уметь быть счастливым от грузинского чая с подстаканником и колбасы по «два двадцать». Уметь быть счастливым от того, что Сталин сдох, и теперь хотя бы не сажают, не расстреливают и не раскулачивают. И комната в 8-комнатной московской коммуналке — это все же не камера и не барак. И вот это всегдашнее «в войну было хуже!» Уметь быть счастливым от отсутствия несчастья. Советская семья — это горькое чудо.

Удивительно и то, что Ира, Нина и Наташа поступили в сильнейшие вузы страны. Сейчас такое представить сложно: чтобы поступить, дети ходят на курсы, занимаются с репетиторами, а ажиотаж с выбором школы начинается с детского сада. В чем секрет? Это способности? Ответственность? Умение ценить то, что имеешь? Или наивная вера в то, что твои старания всегда будут вознаграждены, — та опора, которой не хватает современным детям...

Новый виток жизни Томилинского гнезда совпал с Оттепелью, с бурными 1960-ми годами. Саша, Таня, Дима самозабвенно строили в саду шалаша, дядя Коля поправлял забор и чинил крышу. Конечно, ему и бабушке материально помогали внуки, в основном семья Ирины Леонидовны. И только Леонид Михайлович больше не появлялся в доме, который он строил с такой любовью. Перед тем, как он был осужден, дом было решено переписать на Ольгу Ираклиевну и Ольгу Сергеевну. А после развода он не хотел ни претендовать на построенное им детище, ни появляться в нем. Так уж сложились отношения — он подвел черту над прошлым. Таким образом, формально домом владели бабушка и «бабенька», как называли Ольгу Сергеевну внуки. Но разделен он не был — его физически невозможно было разделить пополам. 2 марта 1969 года умер дядя Коля. А Ольга Ираклиевна умерла 9 декабря того же года. Дом осиротел.

Вкратце насчет завещания: вообще-то Ольга Ираклиевна его оставила. Но большого значения оно не имело. Потому что она поставила в нем невыполнимое условие. Соблюсти его было невоз-

можно. Дом был обречен... просто уйти из семьи. Уйти мудро, без раздоров и ссор. Как точно подмечено в книге Елены Селестин «Превращение картин», дома «отчетливо осознают свою значимость в судьбах людей и ведут себя чаще всего ответственно», то есть знают, когда им появиться и когда и как попрощаться с нами. Несколько лет после бабушкиного ухода дом еще дышал прежней жизнью: в нем каждое лето жила Ольга Сергеевна уже со своими внуками — бабушкиными правнуками. Но ведь он требовал постоянного ухода и ремонта. А заниматься этим теперь было некому. Созрело решение дом продать, и с ним часть участка. А на оставшейся части построить небольшой летний домик. Но... Тут начались сомнения, и как следствие — стечение обстоятельств, которые привели к тому, что дом был просто продан со всем участком — и с пропиской, кстати. Таковы были законы того времени. Благодаря этой прописке новые владельцы имели право получить квартиру в случае сноса дома. А прежним хозяевам это не светило. А дальше — за потерей потеря. Вроде как Нина хотела отдать часть денег отцу, который, конечно, заслужил их по праву и в конце жизни жил бедно вместе со своей второй женой Зоей. Вроде как Ольга Сергеевна хотела купить

97.
Свадьба Натальи
Морачевской
и Вадима Нарин-
ского. 1967 г.

97

98.
Свадьба Веры
Макаровой и Котэ
Церетели. 1967 г.

98

уже свой собственный дом в районе Киржача, и даже вариант подвернулся хороший... Но она не рискнула — не смогла довериться продавцу, который получил этот дом по наследству. Сейчас уже сложно распутать клубок причин и следствий. Деньги от продажи дома так и остались лежать на сберкнижке и, как многие сбережения сограждан, «сгорели» во время так называемой павловской денежной реформы. Все, что осталось от дома, — это пальто, которое Ирина Леонидовна купила на те жалкие гроши, в которые превратилась значительная сумма...

Как тут не вспомнить бабулино извечное презрение к деньгам! Ира с детства и на всю жизнь запомнила горькую проповедь Ольги Ираклиевны, пережившей мутные волны денежных реформ: «Деньги — это тьфу! Есть у тебя деньги? Живи и ни в чем себе не отказывай. Ешь, пей, путешествуй! Делай, что хочешь, — только никогда не накапливай. Столько от них несчастий: и вешались, и стрелялись из-за того, что деньги пропали! А потом облигациями и туалеты обклеивали, и даже сжигали. У меня и без денег

99.
Наталья Морачевская на свадьбе своей подруги Татьяны Морозовой. 1970-е годы

99

100–101.
Наталья Морачевская. 1970-е годы

100

101

Черноморский
Алгоритм
Телевидение 1968

102.
Наталья и Вадим
Наринские.
Геленджик. 1968 г.

103.
Наталья и Ва-
дим Наринские
за праздничным
столом. Москва.
Начало 1970-х

103

все было: я возьму серебряные ложки, поеду в деревню — и мешок муки привезу. Возьму камчатную скатерть, поеду в другую деревню — картошки привезу, Леньку накормлю». Вот такая земная мудрость русской женщины, пережившей кошмары XX века.

А Наташа? Она была немного в стороне от этой драмы. В 60-е, когда у сестер уже росли дети и остро стоял жилищный вопрос, она еще студентка и вся устремлена в будущее. И у нее в жизни радостные перемены — в 1967 году она вышла замуж за Вадима Марковича Наринского (17.03.1946–23.02.1987). Они оба еще очень молоды! Вадиму всего двадцать один год, Наташе — двадцать три. Но и он, и она — сформировавшиеся яркие личности. Вадик — ироничный, язвительный, «вещь в себе», необыкновенно притягательный мужской тип. Закрытый и цельный. Наташа, напротив, открытая натура, но при этом тоже остроумная и не чуждая изящного парадокса. Максимализм, игра ума и таланта бурлят и выносят их на новую

104.
Дима Наринский,
7 месяцев. 1975 г.

104

105.
Дима Наринский,
9 месяцев. 1975 г.

105

волну. Хотя на молодую семью сразу обрушилась трудная задача противостояния: во-первых, родители Вадима настороженно отнеслись к его раннему браку. Во-вторых, Вадим и Наташа поселились на Мархлевке в одной комнате с Ольгой Сергеевной. Тут и так все ясно без объяснений. Но была и в Наташе, и в Вадиме, и в их союзе та легкость, которая очень напоминает крылатую финальную фразу из культового фильма о той эпохе «Девять дней одного года»: «Махнем в Арагви!» Объяснять ее бессмысленно, ее надо увидеть в фильме, тонко запечатлевшем время физиков-лириков. Она удивительно отражает и философскую глубину, и ироничную беспечность всего самого важного, что происходит с нами в жизни.

8 октября 1974 года у Наташи и Вадима родился сын Дмитрий Вадимович Наринский. Началась новая глава семейной истории.

Часть вторая

Сотворение чуда

Семья

Вадима Марковича

Наринского

*Не пожелайте мне любви,
А пожелайте мне удачи,
Поскольку все совсем иначе,
Чем ожидаем в жизни мы.*

Наталья Наринская

Blow-up

Почему человеку свойственно подглядывать? Непроизвольно, бессознательно заострять внимание на том, что не предназначено для его глаз. Что мы ищем в чужих окнах? Может быть, непрожитую жизнь? Случайное дежа вю... Или уходящую натуру. Точнее, давно ушедшую, но родную, оставшуюся рваным зачитанным эпосом в душе. Начало жизни, детские годы, всплывающие в памяти внезапно тем самым двадцать пятым кадром, который никак не поймает наше воображение и потому бесконечно дорисовывает его по лекалу сердечных вспышек. Ведь мы помним не совсем то, что было, а то, что мы чувствовали. Это важнее! И поэтому каждый из нас опишет один и тот же эпизод из прошлого по-своему. И семью, которую создали и хранили родители, каждый ребенок, выросший в ней, тоже вспоминает со своим уникальным оттенком. Те теплые, счастливые, печальные, пронзительные, смешные, утешительные, острые мгновения Дома, благодаря... или вопреки которым рождается характер, а за ним и судьба. Наверное, всякий раз мы подсознательно ищем не абстрактное окно, а увеличительное стекло памяти, через которое увидим себя детьми. Лет десяти...пяти... трех.

И если навести фокус воображаемой «кинокамеры времени», можно увидеть... финский домик с печным отоплением на юго-восточной окраине Москвы. Перерва, 1960-е годы. Домик, конечно, условно так называемый «финский», а на деле барак. А в нем десятиметровая комнатка. Промозглый осенний вечер. Не успеешь оглянуться, как мелкая изморось превращается в мокрые густые хлопья снега. Дороги размывает слякотное месиво. Но если заглянуть в уютный свет окна, то можно увидеть целый мир. В этой крошечной комнатке живет семья из пяти человек. Живет! Это мы, по прошествии полвека,

скажем «ютится». Но если всмотреться... а лучше войти, — то не захочется уходить. Хотя и яблоку негде упасть! Но пахнет чем-то удивительно вкусным. Берта, мать семейства, готовит...

Старшие сыновья Алик и Вадик уже взрослые парни, студенты. А спать им приходится на одной раскладушке! Потому что вторую ставить некуда... Да и первую тоже некуда: когда она разбиралась — все, отбой! Выход из комнаты был перекрыт. А младшая Анечка спала в детской кроватке... в пять, в шесть... и даже в десять лет! Ребенок рос, а ноги вытянуть было некуда, и «добрые» братцы говорили, что прорубят ей дыры в стене, чтобы она высунула босые пятки наружу — и, наконец, блаженно вытянулась бы во весь рост.

Но зато в комнате нашлось место для круглого стола, за которым каждый вечер собиралась вся семья. Незыблемая традиция. А в выходные Марк, отец семейства, всегда отправлялся в большой поход по магазинам. В советские времена это было сродни охоте на крупную дичь. Продукты не просто продавались, их «выбрасывали» — и тогда надо было их «достать» всеми правдами и неправдами, выстоять многокилометровую очередь и победить. Берта писала Марку список — но придерживаться его было совершенно невозможно. Во-первых, чего-то просто не было в магазине, а во-вторых... «Берточка, ну так захотелось вкусенького!» Но самое что ни на есть вкусенькое готовилось, конечно, дома... «Берточка, так хочется пирожков с мясом!» — вот самое заветное и любимое. Материнское сердце не могло устоять, и тогда рождались знаменитые на всю родню и дружеский круг Бертины шедевры. Потому что готовила она лучше всех. По выходным все ждали ее жареных пирожков с мясом. И чтобы запивать бульоном!

Круглый стол сакрален, ибо традиция эта восходит к древним посиделкам у огня. Здесь обыденное сходится с высоким, застолье — с полетом мысли. Мысли литературной — вечерами обязательно обсуждали прочитанную книгу. Которую незадолго до этого приносил Марк. «Марочка, ну что же ты опять потратился!» — вздыхала Берта, потому что денег не было, жили на одну зарплату Марка. «Я не купил, взял почитать. Поэтому читать надо скорее!» — деловито заверял Марк. И все бросались читать, потому что интересная книга, на которую выстроилась очередь, — сокровище. И про такие книги ходили легенды. Эренбург, Хемингуэй, Ремарк, Бёлль, Фриш, Скотт Фицджеральд, Камю... Оттепель 60-х дала возможность познакомиться с мировой литературой. Но и не только — к нам начали возвращаться наши классики XX века — Бунин, Зощенко, Есенин, Бабель... Золотое время для чтения, для взросления, для знакомства с миром жадными большими глотками. Жаль только, что оно продлилось недолго...

Время шло, а книга так и оставалась невозвращенная.

106.
Марк Яковлевич
Наринский (сле-
ва) с коллегой.
1940-е годы

— Что же ты ее не отдал, Марочка?

— Так...ну... в общем, она наша.

Она наша! Денег нет, свободного сантиметра в доме нет, но книга наша, и это прекрасно! Она — объединяющий источник душевных уз, воспитание без назидания. Книг в семье было много. Марк придумал, где их хранить, — на работе. Сразу за забором рядом с домом начинались склады мастерских, где он работал. Там ему выделили место, где можно было хранить вещи, раз уж для жизни выделили каморку папы Карло. Там много книг, конечно, пропало — сырость! — но это было уже что-то. Всему умели радоваться.

А еще был спорт. Тоже воспитание, в своем роде, потому что в здоровом теле — здоровый дух. Алик с Вадиком мастерски играли в баскетбол. И не хуже они играли в ту игру, которая, как ни крути, была более массовой — болеть. Болеть по телевизору. Хоккей, футбол, если транслируют матч, — ритуал поважнее пирожков. Марк, Алик и Анечка болели за ЦСКА. Берта и Вадик болели за «Спартак». Причем Берта болела только из солидарности с младшим сыном, так сказать, для кучности. Не оставаться же ему одному в поле воином! Вообще их многое роднило, Берту и Вадика. Алик и Аня были похожи на папу, а Вадик был в маму, в породу Гальперов, большой гостеприимной питерской семьи, где родилась Берта, всю жизнь говорившая: «А у нас в Ленинграде лучшая вода». В Ленинграде все так и осталось лучшим, но это не отменяло того, что Берта могла в самой

107.
Вадим Наринский
с мамой. 1946 г.

108.
Семья Нарин-
ских — Берта,
Алик, Марк,
Вадим. Бережки.
1949 г.

неказистой лачуге устроить Дом с большой буквы. Принять, накормить, обогреть. И посмаковать вместе с Вадиком... рыбы головы. Вот любили они их, пусть звучит странно и смешно. После того, как был сварен бульон для фаршированной рыбы, Берта доставала головы, и они с сыном смаковали каждую косточку. А зато трио болельщиков ЦСКА обожало жареный лук! В жарке лука виртуозом был Марк. «Пожарь нам лук», — приставали Алик с Анечкой к папе в выходные. И он жарил. Во фритюре. Колечками. Получалось золотисто, хрустяще и умопомрачительно, особенно с черным хлебом. «Сколько ни старалась, не могла повторить этот вкус!» — вспоминала потом Аня.

107

108

Все неслучайно. Ведь, правда, разве мог Вадик любить жареный лук?! Он же был франт, одевался всегда красиво. Даже в детстве. Первые воспоминания о Вадике двоюродного брата и товарища по играм Миши, Михаила Григорьевича Ганевского (род. 23.09.1945):

109.
Вадим Наринский. 1948 г.

«Маленький серьезный мальчик, которого первый раз привезли к нам в гости. Дошкольник, но уже в костюмчике. И он играл нам на скрипке. Это были первые детские упражнения. Мне, конечно, не понравилось...»

Мише и не могло понравиться — он же был на год старше и учился на виолончели! Любил сачкануть, ленился. Хотя он-то как раз один из всех братьев-сестер и станет профессиональным музыкантом. А ему ставили в пример брата: «Вадик, между прочим, занимается каждый день! А ты?» Казалось бы — идеальная почва для неприязни. Ан нет, они будут дружить! Родные и двоюродные — Алик и Вадик Наринские и Миша Ганевский были глубоко родственными душами. Они будут дружить все детство и юность, и хотя в зрелом возрасте уже будут встречаться реже — разведет работа и круговороты жизни, — но сохраняют это родство, которое не афишировалось формальными поводами для встреч, оно было более сущностным и важным. Но сначала надо понять, откуда у этой истории ноги растут. Спуститься на несколько ступенек в прошлое...

Нерасплескавшаяся чаша

История знакомства Марка Яковлевича Наринского (17.02.1908–19.12.1969) и Берты Александровны (Исааковны) Гальпер (07.03.1914–02.11.1990) подробно описана в книге «Терпкие нити любви...»¹. Остановимся сейчас лишь на основных вехах этой удивительной истории. Марк родился в Геническе, небольшом городке на Азовском море, и был первенцем у Якова Михайловича Наринского (1876–1950) и его супруги Марии Давыдовны Персовой (1883–1832). В 1925 году семья перебралась в Москву. По некоторым сведениям Мария Давыдовна с дочкой, младшей сестрой Марка Анной Яковлевной Наринской, в замужестве Ганевской (23.09.1912–29.05.2000), остались в Геническе, потому что Мария Давыдовна долго и тяжело болела, а Аня за ней ухаживала до самого смертного часа. Потом Аня тоже приехала в Москву к отцу и брату, которые поселились на 3-й Мещанской улице. Яков Михайлович устроился в строительную артель прорабом, а Марк поехал в Ленинград, чтобы поступить в военно-техническую школу. Ныне это Военно-космическая академия им. А. Ф. Можайского. Там, во время учебы, он и встретил свою судьбу — красавицу Берту Гальпер. А через год на ней женился.

¹ См. «Терпкие нити любви. Семейная история в документах и воспоминаниях», М., 2012, стр. 156, 196.

В одном из самых лучших произведений о любви — повести «Конец романа» ее автор Грэм Грин пишет: «Рассказать о печали гораздо легче, чем рассказать о радости. Когда нам плохо, мы осознаем нашу жизнь <... >. Счастье уничтожает нас, мы себя не чувствуем». И, действительно, что можно сказать о том волшебном состоянии, когда ты встретил любимого человека, с которым ты пройдешь всю жизнь и будешь счастлив — а Марк знал, что так и будет. И потому, первый раз увидев Берту на пляже, он сказал своему приятелю-однокурснику, что через год женится на этой девушке, и пригласил его быть свидетелем на свадьбе. Это была не бравада, а проявление сильной мужской натуры, — военный летчик все-таки! — и той спокойной уверенности в себе, которая имеет под собой устойчивое основание. Свойство, которое практически уничтожили в человеке катастрофы XX века — и которое нередко подменяется фальшивкой самонадеянности.

А что же до счастья, то по-настоящему уничтожить молодую чету Наринских пыталось не оно, а государство в зловещем 1937 году.

По окончании учебы, в 1935–1936 году, Марка направили в город Горький, куда он и прибыл вместе с молодой женой. Здесь Наринские получили пятикомнатную квартиру в правительственном доме, в самом центре города. Марк вступил в должность началь-

ника авиационных мастерских при аэродроме. А потом его арестовали по доносу. И не предъявили никакого обвинения, даже самого абсурдного, как это было свойственно органам в периоды репрессий. Обычно в ту эпоху, когда сажали или сразу расстреливали какого-то высокого начальника, то кругами «выкашивали» вокруг него всех, кто с ним работал, ближайших соратников и подчиненных. В Горьком, например, был авиастроительный завод «Сокол». В 1934 году предприятие было названо в честь секретаря Президиума Центрального исполнительного комитета СССР Авеля Сафроновича Енукидзе. Но 7 июня 1935 года Енукидзе был исключен из партии с формулировкой «за политическое и бытовое разложение», а позднее в 1937 году был арестован, обвинён в измене родине и шпионаже, а также в причастности к покушению на А. А. Жданова и расстрелян. Директору завода Мирошникову пришлось спешно озаботиться переименованием вверенного ему предприятия. В 1936 году предприятию было присвоено имя Серго Орджоникидзе. То есть наверняка расстрел Енукидзе повлек за собой кровавые круги на воде...

Итак, Марка посадили в тюрьму. В одиночную камеру смертников. Без суда и следствия. Каждый день он ожидал шагов, после которых дверь откроется и его поведут на расстрел. Это продолжалось год и восемь месяцев. Достаточно и куда меньшего срока, чтобы сойти

110.
Семья
Наринских —
Алик, Берта,
Марк, Вадим.
Крым. 1952 г.

111.
Алик и Вадим
Наринские. Крым.
1952 г.

с ума. В этих нескольких предложениях — вся хрупкая человеческая жизнь, которая ничего не стоила при людоедском сталинском режиме. И тот самый «молоточек» из рассказа А. П. Чехова «Крыжовник»: «Надо, чтобы за дверью каждого довольного счастливого человека стоял кто-нибудь с молоточком и постоянно напоминал бы стуком, что есть несчастные...» А также о том, что среди этих несчастных были и наши ближайшие предки, расстрелянные и заключенные. Дети, оставшиеся без родителей и родители, оставшиеся без детей. И что страшные времена могут вернуться, если мы позволим этому произойти... Времена, когда слово «стук» стало зловеще многозначным.

Тем временем Берту тоже стали вызывать на допросы, пытались из нее вытянуть признания в мифической «шпионской» деятельности мужа. Она все отрицала без единого сомнения в честности супруга, и следователь проникся к ней симпатией. Из сочувствия он позволил ей и посоветовал уехать из Горького, чтобы спастись. Вернуться к родителям в Ленинград, затеряться в большом городе:

— Ну, неужели вы не видите, не понимаете, что творится кругом! Какое сейчас время...

Берта была не из тех, кто бросает в трудную минуту. Она была из тех, кто безрассудно и страстно бросаются на помощь. Она сказала, что никуда не поедет и будет добиваться освобождения и признания полной невиновности мужа. Разговор их подслушали. Возможно, Берта только что вошла с улицы и, услышав телефонный звонок, устремилась к аппарату, забыв захлопнуть входную дверь... А на лестничной площадке стояла соседка, которая тут же настрочила донос. Но вероятнее, что следователя-альтруиста подслушал кто-то из его коллег-чекистов прямо в конторе. Потому что «за сочувствие жене врага народа» его арестовали на следующий же день! Берта его увидела в НКВД-шных коридорах, когда следователя вели под конвоем. Они встретились взглядами... и она все поняла. Арестовали и не исключено, что расстреляли. Очень хочется надеяться, что он выжил. Жаль, что его имя кануло в Лету...

Через несколько месяцев, в том же, 1937-м, Берту тоже арестовали. Обвинение не предоставило никакой конкретики, так, общие фразы: «подрывная деятельность», «шпионаж»... Теперь они с Марком оба сидели ни за что. Но Берта и тут нашла выход: она обаяла-уговорила одного охранника, и он стал передавать записки от нее Марку и от Марка ей. Даже в этих страшных условиях, оказывается, можно нащупать ниточку добра... С такими весточками уже не так жутко сидеть в одиночке, как в полном вакууме. И Марк Наринский пошел на отчаянный шаг — он объявил голодовку в знак протеста. Миллионы невиновных сидели и были расстреляны, но это был великий пример

того, что твой дух не должен быть раздавлен системой. Марк голодал сорок дней. Это тянуло на мировой рекорд. Он сумел обратить на себя внимание. Им заинтересовались тюремные медики. Открыли дело — а там пусто! Вскоре сняли виновника массовых репрессий Ягоду и заменили другим живодером — Ежовым. Но пока не началась ежовщина, для страны наступила передышка. И людей стали выпускать из тюрем. В их благословенное число попала и чета Наринских. В итоге Берта отсидела год и два месяца. И вот они снова на свободе! С тех пор Марка много лет мучили жуткие приступы малярии. Плюс пиелонефрит, который, конечно, обострился в тюремных условиях, да еще из-за голодовки... Но, Боже мой, по сравнению с тюрьмой это были уже сущие пустяки...

А вы говорите — десятиметровая комнатка! Да хоть в конуре, лишь бы не в камере... И так рассуждало полстраны, без вины виноватых, знающих, что были на волосок от расстрела. И сколько было тех, кто не вернулся с этой страшной «тихой» войны против своего народа!

Теперь так остро ощущалось каждое мгновение жизни, отвоеванной у людоедов! И даже в маленькой коммунальной комнате Берте хотелось радовать своих близких и гостей чем-нибудь вкусеньким. Знаменитые Бертины треугольники с маком — гоменташа или Ушки Амана! Тончайшее слоеное тесто — его там как будто и не было, и казалось, что там один мак и распаренный изюм. И это было нечто... изюмительное! И победительное. Это был кулинарный шедевр. Как и все, что готовила Берта.

А почему победительное — потому что это традиционное национальное блюдо готовили к самому веселому еврейскому празднику Пурим, который в сущности — праздник чудесной победы мудрости над зверством. Предыстория такова: две с половиной тысячи лет назад жил и правил персидский царь Артаксеркс. И была у него жена — прекрасная иудейка Эстер, она же Эсфирь. Эстер была родственницей и воспитанницей еврея Мордехая, который однажды спас царю жизнь. Артаксеркс очень любил свою жену, но не знал о ее происхождении. Меж тем у царя был советник

112.
Вадим и Алик
Наринские
в пионерлагере
Сальково. 1953 г.

113.
Берта, Алик,
Вадим и Марк
Наринские.
Метрополь,
Москва. 1955 г.

112

113

Аман, его любимец и фаворит, которого очень злило, что Мордехай ему верноподданнически не кланяется. Он решил отомстить «обидчику» по-крупному и подговорил царя подписать указ об истреблении евреев, живущих на территории Персидской империи. Узнав об этом, Мордехай попросил Эстер заступиться за свой народ. Но сделать это было совсем не просто — согласно придворному этикету жена, даже любимая, не могла обращаться к царю с такими просьбами. Прогневить супруга — значит потерять положение, а может быть, даже жизнь. И все же Эстер явилась к Артаксерксу без приглашения и позвала на приготовленный ею пир, во время которого она и обратилась к мужу с просьбой о защите евреев. Узнав подоплеку интриг Амана, Артаксеркс приказал его повесить на виселице, которую уже приготовил для Мордехая. После чего евреям Персии было позволено защищаться и даже истреблять своих врагов. Библейская история — штука кровавая, но нам важно, что в честь этих событий родился карнавальный праздник Пурим, когда принято печь и угощать друг друга сладостями, особенно сладкими треугольниками с маком, которые и получили шутовское название Уши Амана.

Кстати, кулинарные способности у Берты от ее мамы Анны Бланк (около 1880–1943). Из-за фамилии которой в семье прочно обосновалась полуироничная легенда о ее родстве с «вождем мирового пролетариата» Лениным, имевшего в предках по материнской линии то ли евреев, то ли обрусевших немцев Бланков². Сама Анна,

² См. «Терпкие нити любви. Семейная история в документах и воспоминаниях», М., 2012, стр. 139.

114.
Вадим и Алик
Наринские.
Метрополь,
Москва. 1955 г.

внучка врача, от революционных посылов была безнадежно далека, и хотела себя посвятить семейному делу, пока не встретила своего будущего мужа Исаака (Александра) Гальпера (около 1865/1870–1937), военного портного. Исаак отслужил в армии, где, скорее всего, и произошла замена его имени на русский эквивалент «Александр». Так что дети Анны и Исаака имели отчество Александрович. От Исаака-Александра у Берты еще одни способности — швейные. Она иногда подрабатывала — делала плиссе и плиссированные изделия. И вообще была на все руки мастер! Могла и розетку, и утюг, и пылесос починить, и плинтус приколотить, если надо. Алик вспоминал: «А пять-то меня научила мама!» Это не считая того, что Берта научила сыновей и крестиком вышивать! Анечка недоумевала: «Мама, почему ты все сама чинишь, мужскую работу на себя берешь?» А Берта ей отвечала, что папа придет с работы усталый, а тут еще она со своими утюгами-плинтусами. Нехорошо как-то, неправильно, ближних надо щадить. Дай Бог каждому такие отношения, как у Берты с Марком. Это была любовь, пронесенная нерасплескавшейся драгоценной чашей сквозь самые страшные испытания.

И — да, Берта всю жизнь помнила, откуда она. Из лучшего в мире гостеприимного дома в Ленинграде, с 3-й Рождественской улицы (с 1923 года — 3-я Советская), дом № 26, кв. 9. Где Анна и Александр Гальперы растили ее и еще семерых детей. И где было шумно, весело и вкусно. Анна была великолепной хозяйкой, и умела сотворить сказочный стол. В этом доме всегда отмечали и еврейскую пасху с мацой и кнейдлах, и русскую с куличами, и всегда в эти дни дом наполнялся

115.
Вадим Нарин-
ский. 10 лет. Мо-
сква. 17.03.1956 г.

гостями — родственниками и друзьями детей, которые только и ждали праздника, чтобы отведать угощений тети Ани. Дом намывался до блеска, доставалась предназначенная для особого случая посуда, и начиналась незабываемая праздничная кутерьма большой дружной семьи... В доме на 3-й Советской верилось, что Бог един. Но не миновали жителей его и потрясения — как и всех в жестоком XX веке. Отсюда с первыми эшелонами ушел на фронт Великой Отечественной войны один из братьев Берты Григорий Александрович Гальпер (1912–1942). Так и не вернулся, пропал без вести. Отсюда отец Берты Исаак-Александр в 1937 году поехал вызволять младшую дочь из тюремного ада. Приехал в Москву искать правду, но от переживаний заболел и умер. При этом, как уже упоминалось в книге «Терпкие нити любви...», — холодок по коже от печальной иронии судьбы. Исаак любил пошутить, что жить хочет в Ленинграде, а умереть в Москве. Что ж, как писали Стругацкие, бойтесь своих желаний, они исполняются.

* * *

Судьба, судьбою, о судьбе,
Поговорим мы о себе.
Мы о себе поговорим,
Сомненья все рассеем в дым.

Как славны были те дела,
Когда черемуха цвела.
Как гнусны были те молвы,
Где я не я, и Вы не Вы.

Припомнить каждый будет рад
Весну в осенний листопад.
О том, что скрылося за ним,
Поговорим и помолчим.

Поговорим, поговорим:
Любовь растаяла как дым.
Осталась в памяти молва,
И Вы не Вы, и я не я.

Горячие ладони, или Жизнь замечательных детей

После тюрьмы Наринские остались жить в Горьком. Марк Яковлевич вернулся на работу в авиационные мастерские. Здесь, в Горьком, они пережили Великую Отечественную войну. Марк продолжил заниматься ремонтом самолетов, которые лично доставлял на фронт. В частности, он ремонтировал американские самолеты «Аэрокобра», посылаемые из США по ленд-лизу — государственной программе, согласно которой Соединенные Штаты поставляли союзникам во Второй мировой войне технику, боеприпасы, продовольствие, медикаменты и т. д. «Аэрокобра», полное название которой Bell P-39 Airacobra, была американским истребителем, который отличался необычной для своего времени конструкцией — двигатель в нем располагался позади кабины пилота и был связан с воздушным винтом длинным валом.

Всего в СССР было поставлено почти пять тысяч истребителей P-39 «Аэрокобра», что составляет приблизительно половину от общего количества выпущенных машин. Это был самый «обрусевший» самолет ленд-лиза. Большие поставки были из Великобритании — там «Аэрокобра» была сдержанно встречена английскими пилотами. Она им не подошла, потому что англичане, как правило, вели бои на больших высотах, где этот самолет уступал другим истребителям. Считалось, что «Аэрокобра» из тех проектов, что прекрасно выглядят на бумаге, но на практике разочаровывают. В значительной мере именно потому, что «Аэрокобру» сочли малоценной машиной, ее и стали поставлять в СССР, а для Европы приберегли лучшие модели истребителей. И нашим легендарным летчикам ничего не оставалось, как компенсировать недостатки заморских крылатых машин своим мастерством. Кто ж еще летал на честном слове и на одном крыле! Надо заметить, что на советско-германском фронте в полной мере проявились положительные качества этого самолета, а именно высокая скорость и маневренность на средних и низких высотах, где, в отличие от западных союзников, в основном и действовала советская истребительная авиация. По этой причине советские пилоты высоко оценили летные качества «Аэрокобры», несмотря на ряд имевшихся у неё серьезных недостатков. Трижды Герой Советского Союза знаменитый А. И. Покрышкин, летавший на «Аэрокобре», одержал на этом самолёте 48 из своих 59 воздушных побед! Также из известных советских асов на P-39 воевали Ахмет-Хан Султан, Г. Речкалов, Н. Гулаев, В. Фадеев и П. Кутахов, ставший

впоследствии маршалом авиации и заместителем министра обороны СССР. И Марк Наринский летал на «Аэрокобре»! Ведь даже чтобы долететь на ней до линии фронта, необходима высокая квалификация, и кому попало эту миссию не поручат.

116.
Берта Александровна с Аней.
1957 г.

Перед войной в семье Наринских родился долгожданный первенец — Алик, Александр Маркович Наринский (02.01.1941—15.11.1994). Перед войной и после страшных тюремных застенков. Рожать Берта поехала в родной Ленинград. Алик получился подарком всем на Новый год. И родился он только через пять лет после свадьбы Марка и Берты, мудро переждав темную полосу в жизни семьи. Его, единственного из детей Наринских, увидела бабушка Аня, Анна Бланк, умершая в блокаду. Никто не знал, что... завтра война.

К концу войны Марка перевели на должность начальника авиамастерской в подмосковном поселке Кубинка. Из пятикомнатных хором семья переехала в комнатку с удобствами на улице. В 1946 году на свет появился Вадик, Вадим Маркович Наринский (17.03.1946—23.02.1987). Но, судя по всему, в тот момент семья какое-то время жила в Москве, на 3-й Мещанской, у отца Марка Якова Михайловича, потому что известно, что Вадик родился именно там. У Наринских вообще очень долго не было своего жилья. Что неудивительно в государстве, которое и своих героев после войны от-

правляло в лагерь. Но Марк и Берта были не из тех, кто сетуют и жалуются. Они созидают. Берта не просто умела шить — из невидимых энергий она ткала самую атмосферу дома, которая, как магнит, притягивала гостей. Супруги стали оберегом друг для друга и для своих детей, чем сглаживали бытовые неурядицы. Недаром, даже скитаясь по «углам», они хранили ту самую атмосферу, в которой детям самим хотелось созидать. Попробуй заставить ребенка научиться играть на скрипке — даже самым что ни на есть благополучным родителям это не всегда под силу. Без желания и любви ничего путевого не выйдет! Вадик научился, хотя никто в семье и не знал, что у него абсолютный слух — открытие случилось в школе. В кого он такой музыкальный — загадка. Обучение музыке — дело кропотливое и трудоемкое. К тому же скрипка — труднейший инструмент. Пока ребенок учится извлекать гармоничные звуки, родным надо набраться терпения и слушать не самые благозвучные трели. Не только стихи растут из сора, но и музыкальный росток пробивается из хаоса нестройных гамм и этюдов. Однако в том, что Мише Ганевскому ставили Вадика в пример, было некоторое воспитательное преувеличение. Вадик тоже мог получить нагоняй от музыкального педагога: мол, мало занимаешься, а на носу концерт или экзамен! Но что интересно: всякий раз случалось чудо. Вадик, накануне игравший кое-как, выходя на сцену, исполнял свое произведение великолепно! Как это рождалось? Наверное, это и есть дар.

Да, он мог стать музыкантом, даже какой-то короткий период после школы играл в оркестре, но техника высокого полета все же взяла свое. Они вместе с Аликом все время что-то паяли, конструировали и мастерили! Собирали модели самолетов и разных машин по схемам, которые тогда публиковались в журналах вроде «Юного техника» или «Техники молодежи». Марк все время носил им с работы детали, необходимые для радиосхем, процесс кипел! И вот — все готово, все уже должно взлететь или поехать, или хотя бы затарахтеть, но, как говорили в известном хите, матрица давала сбой. Выяснялось, что не хватает одной вредной маленькой детали. Теперь придется все разобрать и собрать

117.
Вадим с сестрой
Аней. 1957 г.

заново, но жажда скорее увидеть плод своего труда воплощенным была сильнее досады. А вообще и Алик, и Вадик — оба были со взрывным темпераментом. В детстве дрались, конечно, причем внезапно и непредсказуемо. Вдруг — вспышка, спор, буря! Которая быстро затихает, успокаивается... Это был чисто мужской вариант братской дружбы с примесью соперничества. А темперамент — в отца: Марк жил, словно с тугой пружиной внутри, которую он постоянно сдерживал. Берег ближних и не делился с ними своим напряжением.

Братья, хоть и соперничали, но когда узнали, что в семье появится третий ребенок, — нечаянная и совершенно не запланированная радость! — дружно воспротивились пополнению. «Нам никто больше не нужен!» А если родится сестра, так и вовсе выкинем ее в форточку! Но когда родилась Анечка, Анна Марковна Наринская (род. 02.07.1957), нянчились с ней, конечно. Любили. Алик, которому в год ее рождения исполнилось уже шестнадцать лет, и вовсе считал ее своим первым ребенком. А она, как самая младшая, замечала больше остальных. Младшие, смотрящие на семейные коллизии снизу вверх, видят изнанку отношений, эскизы и нюансы чувств, которые не заметны прочим.

Самое раннее Анино детское воспоминание — дом в Подольске, куда семья переехала из Кубинки и где она родилась. Этот дом Наринские тоже снимали. Анечке года два или три. В доме было пианино, под которое она забивалась в обнимку с котом, когда в доме начиналась уборка и включался пылесос. Очень они с котом боялись этого сурового советского агрегата, который был совсем не похож на современные аналоги. Огромный, черный, турбинный! Он ревел не хуже мотора истребителя. А Аня с котом ревели дурными голосами в ответ. Ведь Бог его знает, чего ждать от этого шайтана. Но, кажется, в Подольском доме, кроме пылесоса, чудовищ не было. Напротив, там царило бурное веселье! Старшие дети по утрам обожали устраивать бои подушками — классика жанра... Интересно, почему, взрослея, мы не возвращаемся к этой забаве, которая по сути есть не что иное, как стихийная групповая психотерапия? Главное подушечное действие начиналось, когда на выходные приезжали Миша и Лена, Елена Григорьевна Ганевская (род. 04.04.1949), кузен и кузина.

118.
Алик Наринский
с сестрой Аней.
Москва. 1958 г.

119.
Семья Наринских.
Подмосковье.
1959 г.

118

Миша трепетно запомнил эти поездки на поезде в Подольск — ведь на автобусах и на машинах он в детстве ездить не мог, его укачивало. А поезд, даже электричка — это уже путешествие!

120

И вот все четверо собирались вместе, и у каждого было свое прозвище. Алик — *Армяшка*. Из-за смуглой масти в его облике было что-то жгуче кавказское. Вадик — *Японза-китайза* из-за особого разреза глаз. Миша — сам забыл, как его прозвали: наверное, как-то обыграли его цветущую пухлость. А Лена — *Сумасшедшая рубашка!* Потому что спала в ночной рубашке, а когда просыпалась, начинала немедленную подушечную атаку. Она ведь младшая, еще и девочка, а лучшая защита, как известно, нападение. Вволю набесившись, отправлялись лакомиться кулинарными изысками Берты. В Подольске вместе с Наринскими жила родная сестра Берты Раиса Александровна (Исааковна) Гальпер (1903–1960-е/1975), она тоже великолепно готовила. Берта с Раисой могли закатить уже целое пиршество. Потому что где две сестры из семьи Гальперов, там... так просто из-за стола не встанешь. Это уже настоящий праздник живота!

Но не животом единым... Одно из подольских воспоминаний Миши — Алик с Вадиком прекрасно играли в баскетбол. Никаким спортом системно не занимались, но были всегда готовы отпра-

120.
Слева направо:
Алик, Берта, Ва-

дим Наринские,
Раиса Гальпер.
Крым. 1952 г.

121.
Вадим, Марк,
Берта и Аня На-

ринские. Подмо-
сковье. 1959 г.

121

виться в поход. Закаленные и легкие на подъем. Алику это помогло в армии, он служил три года. А в студенческие годы они с Вадиком летом ездили на заработки. На так называемые в советские времена шабашки. То есть сезонные работы — чаще всего разного рода стройки. Берта сетовала на эти занятия, переживала — для матери дети всегда дети, сколько бы они ни выросли. Она сама всю жизнь рвалась пойти на работу, чтобы помочь Марку обеспечивать семью. Но он ей неизменно отвечал: «Мне твои деньги не нужны. Мне важнее знать, что дети и дом в порядке». И все было в порядке. Берта вырастила замечательных детей.

Они стали людьми, которые... делают этот мир лучше. Словно унаследовали от Марка его горячие ладони. Это ощущение сохранилось у Ани на всю жизнь — даже в мороз папа не носил перчаток. И при этом руки у него оставались горячими, и он отогревал ее ладошки, которые и в варежках озябли! Марк, переживший тюрьму и 40-дневную голодовку, страдавший от малярии и больных почек, для всех окрестных детей был румяным жизнерадостным Дедом

122.
Вадим Нарин-
ский. Подмоско-
вье. 1959 г.

123

123.
Аня Наринская.
Конец 1960-х
годов

124.
Анна Марковна
Наринская. Нача-
ло 1980-х годов

124

Морозом, к которому бежали навстречу, потому что он был сгустком

доброй энергии. Кровь

с молоком, как говорили раньше. Он очень любил детей, и они это чувствовали. «Он приходил с работы, я бежала ему навстречу — и моя подружка, соседская девочка, тоже бросалась к нему! — вспоминала Анечка. — А ведь для нее он был всего лишь чужим папой». Оказывается, не всего лишь. После войны страна с практически уничтоженным генофондом остро нуждалась в отцах с горячими ладонями.

И кому было дело, что румянец у него не от избытка здоровья, а, наоборот, от развивающегося внутри недуга. Есть вероятность, что болезнь передалась Вадику, словно страшный довесок к разумному, доброму, вечному. Хотя никто из докторов вроде бы не подтвердил, что сын пострадал из-за пиелонефрита, которым болел отец. У Вадима была недоразвитая почка. А в то время пересадки и удаления почек редко заканчивались хорошо. Нашей медицине это было еще не доступно. В двадцать пять лет Вадим услышит вопрос доктора: «Вам сорока лет жизни хватит?» Что можно на это ответить...

Теплый ветер с Самотека, или Тайный треугольник

Но пока никто не знал, что впереди. И что за свою короткую жизнь Вадим сумеет спасти другие жизни. Никто пока не знал, что и Алик не будет долгожителем. Они выберут своей профессией ядерную физику. Каждый из них реализуется в ней по-своему, но основой для их деятельности станет эта прогрессивная молодая наука. Стать физиком-ядерщиком в 1960-е годы — примерно то же самое, что стать военным летчиком в 1940-е. Так что здесь есть символическая семейная преемственность. До войны и после нее большинство мальчишек мечтали быть летчиками. А потом акцент сместился в сторону полета мысли. Наступила Оттепель, дивное время.

Но пока они дети, подростки... Отец для них — непререкаемый авторитет. Марк и Берта были очень любящими родителями, но дисциплина и негласный кодекс приличий, который нельзя нарушать, — это было. Своеволий и капризов не допускалось. И подростковые бури приходилось держать при себе. Разговор на повышенных тонах — это был нонсенс! Аня помнила, как уже взрослой начала спорить с мамой, что-то доказывать и, распалившись, вышла из берегов привычных интонаций. «Ты вообще с кем разговариваешь?!» — напомнила ей Берта. Которая, как известно, отнюдь не была жесткой матерью. Но она была дитя своего времени, как и Марк, и у них были четкие границы того, что можно, а что нельзя.

Но темперамент-то, как шило, в мешке не утаишь! Хотя иногда приходится. Алику в меньшей степени. Он вообще более открытый, размашистый и совсем не зациклен на внешних атрибутах, на одежде, на шике и блеске. Его друзей, его студенческую компанию все знают. Они приходят в гости, занимаются, хохочут, — а совсем еще маленькая Анечка им активно мешает, требуя, чтобы они пошли вместе с ней кататься с горки. Три парня — и три девушки. Все потом женятся друг на друге, — и Алик на Зое. Бесхитростная симметрия романтики и науки.

Но еще очень важно: в этом нет трюизма. Просто Алик — лучший старший брат. Он очень надежный. Он пойдет туда, где опасно и трудно. Без таких, как он, каркас любого дела рухнет. Он ушел на три года в армию. Ушел мальчик, вернулся мужчина. «Я открыла дверь, и мы друг друга не узнали, — вспоминала Лена Ганевская. — В армию уходил родной и знакомый Алик, а пришел — взрослый незнакомец. Да и я уже за это время успела в техникум поступить!» И медленно растапливалась всегдашняя неловкость после долгой

разлуки, за время которой оба успели пережить необратимую мета-морфозу обновления.

125.
Вадим Нарин-
ский. 1960-е годы

Вадик был устроен иначе. Он тоже был глубоко порядочным человеком. До щепетильности! Но его эмоциональная структура была сложнее и напряженней. И, кстати, сама идея армии была ему глубоко чужда, и он в нее не пошел. Он был скрытным, его страсти кипели внутри. Он умел сдерживать себя до побелевших костяшек — но умел и шокировать. Как он поступил, когда объявил о своей свадьбе почти одновременно с Аликом. Тому двадцать шесть лет, родители на подъеме — старший сын женится, так тому и быть! Но младший-то в двадцать один год куда торопится?! Тем более что Алик давно всех познакомил с Зоей, Зоей Гавриловной Берцевой (род. 19.05.1944), своей невестой, а вот избранницу Вадима еще никто в глаза не видел! Берта с Марком, мягко говоря, застыли в недоумении...

А ведь ему было куда торопиться, просто пока об этом знал только он! Точнее, не знал, но чувствовал. В каком-то смысле он, такой сдержанный и всегда одетый с иголки, которому очень бы пошел стиль неспешного сноба, ни на грамм им не был. Он, напротив, спешил жить. И любить. Да, он был очень влюбчивый. Его первой любовью... а может, и не первой, была кузина Фира, которая жила на Трубной вместе с мамой Розой. Мише Ганевскому запомнилось, что они жили на Самотечной, но эти старые московские улицы рядом, одна продолжает другую... Роза, урожденная Бланк, была двоюродной сестрой Берты. Но тут память снова замела следы, и возникла путаница: Мише и другим родственникам Роза с Фирой запомнились как Персовы, то есть родные со стороны Марии Давыдовны Персовой (1883–1932), мамы Марка Наринского. Ветвь Персовых в переплетениях родословных Наринских и Ганевских — одна из таинственных и интересных страниц. Прежде всего потому, что из-за повторения родовых имен и недостатка достоверной информации за давностью лет в их родственных связях не сразу разберешься. Пролить свет на этот сюжет может разве что история рода Кокулевских, о которой будет рассказано далее.

126

126.
Вадим Наринский
в Закарпатье.
1960-е годы

127.
Вадим Наринский
в Крыму. 1960-е
годы

128.
Вадим Наринский
за дружеским
застольем. 1960-е
годы

127

128

Словом, Роза и Фира были из рода Бланк, это тоже ниточка в Ленинград-Петербург, но с другой стороны. Главное, что и для Наринских, и для Ганевских гостеприимный и хлебосольный дом на Трубной — любимый гостевой маршрут. И не можешь удержаться от ностальгического вздоха: как же мы раньше душевно близко жили! И фразы «А поехали на Самотек!» или «Надо позвонить на Трубную» врезались в память Алику, Вадику, Ане и Мише как манящий отзвук детства. Трубная — это был семейный «бренд», как сказали бы теперь. Когда-то московские Бланки жили здесь большой и дружной семьей, а потом братья-сестры разлетелись по своим гнездам — но часто заезжали в родной дом на мамины шикарные обеды. Роза готовила великолепно, это у потомков Бланков в крови, Берта ведь тоже из них. Разлетелись все, кроме Фиры — сказочной красавицы. С библейским именем Эсфирь, как царица, победившая злого Амана. Мише очень нравилась Фира. А Вадик лет в пятнадцать-шестнадцать был в нее по-настоящему влюблен. Только не хотел переходить дорогу Мише... Но что было потом — история умалчивает. Кроме одной сцены, которая причудливо сохранилась, не тронутая ураганами памяти: Вадик и Миша стоят на ночном вокзальном перроне и куда-то провожают Фиру, которая едет с родственниками... может, в Ленинград? И Вадик разливается соловьем! Что, кстати, ему было не совсем свойственно. Он был ироничным, мог быть колким,

язвительным и насмешливым, но болтливый не был. На что только ни пойдешь ради любви!

Удивительно и грустно другое: потом случайно выяснилось, что Фира тоже была тихо влюблена — но не в Вадика, а в Алика. Аня Наринская помнит, как тетя Роза в разговоре с Бертой упомянула об этом и обронила фразу «хорошо, что это не было взаимно»... Алик с Фирой виделся редко, но впечатлительной девушке для влюбленности этого вполне достаточно. Даже напротив — в юности недосыгаемость только распаляет чувства. Опять ирония судьбы. И классика жанра — любовный треугольник между братьями. Да еще окрашенный «родственным табу». Только треугольник невидимый, невесомый и никого не ранивший. Тайный.

129.
Вадим Наринский
играет в футбол.
1960-е годы

Ветры жизни унесли прекрасную кузину. Остались лишь обрывки сожалений Анны Яковлевны и Берты в их долгих телефонных разговорах о том, что, дескать, как жалко Фиру, потому что она столько лет героически ухаживала за лежачими больными родственниками — мамой и тетей, и из-за этого не смогла выйти замуж... Вот такая библейская по духу, печальная московская история...

* * *

Не пожелайте мне любви,
А пожелайте мне покоя.
Скорей спросите, что со мною,
Но не желайте мне любви.

Не пожелайте мне любви,
А пожелайте мне удачи,
Поскольку всё совсем иначе,
Чем ожидаем в жизни мы.

Не пожелайте мне любви.
Душе сопутствует усталость.
О, Боже мой, какая малость
Не знать, не чувствовать, не быть.

Не пожелайте мне любви,
Когда вернусь я к аналою.
Скорей спросите, что со мною,
Но не желайте мне любви.

Когда рухнет плотина...

Но если Фиру можно представить, словно на пожелтевшей и стершейся от времени старой фотографии, то другая любовь Вадика — это яркая вспышка, шок, парадокс. Потому что по молодости мы легко можем рассекретить любовь к кому-то недосыгаемо далекому, но вот чувство к привычно близкому человеку, который об этом не подозревает, мы мучительно держим в себе. Боясь отказа, отторжения и того, что прежняя дружба никогда не вернется. Но и в этом Вадим был не такой, как все.

...Она была, по собственному признанию, девочкой для битья. Пока не появилась самая младшая из них, Анечка. Трое мальчишек, и все ее старше! А ей не хотелось никаких поблажек, ей хотелось быть на равных. Характер! Миша, родной брат Лены Ганевской, говорил ей с усмешкой: «В семнадцать лет ты выйдешь замуж, и на этом твоя жизнь закончится». Конечно, это был просто стиль общения — ну кого еще поддеть и позлить, как не младшую сестру! «Сумасшедшая рубашка»... А она всерьез взяла и написала торжественное обещание на бумаге о том, что никогда не выйдет замуж! Назло! И не вышла...

Нам не дано предугадать, как отзовется... если бы только наше! — но и чужое слово, сказанное вскользь, из озорства, в невинной детской перепалке, понарошку... Почему вдруг эта случайная монетка падает на дно душевного колодца и бликует оттуда всю жизнь?

Конечно, есть к тому предпосылки, но они лежат очень глубоко. Рождение характера — по сути то же таинство. Одним самолюбием и духом соперничества не объяснишь, почему есть девочки, которые ни в чем не хотят отстать от своих старших братьев. И даже в футбольной теме, до которой ей, по правде говоря, и дела не было! Но приезжая к Наринским в Подольск, Лена топала вместе с Аликом, Вадиком и Мишей на местный маленький стадион с убогими трибунами, где встречались какие-то местные полулюбительские команды — и честно пыталась... быть в общем потоке. А мальчишки становились бешеными! Лена же, быстро усвоив правила игры, тоже орала, как оглашенная, смутно представляя, за кого она болеет. Но, собственно, какая разница. Главное — кураж! А вот почему бы ей не бросить всю эту дикую затею и не пойти поиграть в девчоночьи игры? Станный вопрос. Это значило капитулировать, перестать быть своей...

К тому же поездка к дяде Маре и тете Берте — это награда, подарок, это волшебство. Пока они не переехали в Вешняки, а потом в Перерву, у них был дом, а в доме — целых две комнаты! С ума сойти, какая роскошь! У Ганевских была только одна, а здесь хоромы! А то, что

130.
Вадим Наринский
с двоюродной
сестрой Еленой
Ганевской. 1960-е
годы

удобства на улице, и то, что они этот дом всего лишь снимают — разве ребенок будет думать о таких насущных пустяках!

Конечно, она понимала, что все эти братские подколки и придирки — это игра и это любя. Позже она начала догадываться, — хотя и не могла, конечно, отнестись к этому серьезно! — что один из братьев относится к ней по-особенному. Причем именно тот, с кем они бесконечно пикировались и были в контрах. Но ведь не зря существует в психоанализе понятие «плотина». Когда психика выстраивает препятствие тому чувству, которое сознание тщательно цензурирует, не желая выпустить наружу. По разным причинам, чаще всего по морально-этическим. Так наше супер-эго борется с «неприличными влечениями», которые не одобряет общество. Но слишком фантазировать о плохом здесь необязательно, потому что такие «плотины» бывают у каждого из нас — мы чаще всего даже не осознаем их. Чтобы выйти из классического любовного треугольника, тоже нужна такая плотина — в том случае, если не повезло влюбиться в мужа подруги или, соответственно, в жену друга. А в отрочестве и юности чувственный мир выходит из берегов и сметает на своем пути правила и нормы. Детское дерганье за косички — это из той же серии. И чтобы не разрушить мир окружающий, привычный, мы начинаем упорно делать вид, что терпеть не можем наш объект любви. Так безопасней и всем спокойней. И ведь какая великолепная почва для насмешек, издевок и шпилек!

Чаще всего «запретное» чувство так и остается нераскрытым. Но Вадим пошел против течения. Хотя много лет они с Леной, которая тоже была остра на язык и спуску не давала, пикировались так, что все вокруг испуганно затихало. Впрочем, зачем испуг, тут скорее любопытство — Вадик был очень изыскан в своей иронии, пускай местами ядовитой, а Лена не хотела ему уступать. Это был красивый поединок.

И важно понять вот что: двоюродные брат и сестра бывают очень далеки друг от друга. Почти как неродные, даже толком не зная друг друга в лицо. В подобном случае Вадику было бы намного легче переживать неизбежное чувство вины, которое и объяснять не надо, особенно если вспомнить кондовую советскую риторику в сторону отношений полов. Но штука в том, что дети в семьях Наринских и Ганевских были не двоюродными, а самыми что ни на есть родными по истинной сути своих отношений. Просто потому что между Марком и его сестрой Анной была очень сильная эмоциональная связь. Анна его обожала! Так сложилось с самого детства, в котором они пережили трудные и страшные моменты — всю эту бесконечную революцию и гражданскую войну, когда прятались в погребе от красных, белых, зеленых и каких угодно, а власть в городке менялась каждый день. Марк был старшим братом, защитником и опорой. И эталоном мужчины для младшей сестры, что не редкость. Порой это даже мешает замужеству, но у Анны с этим все было в порядке, у нее был любимый муж Григорий Маркович Ганевский (23.11.1912–

29.05.2000). Но сильнейшая привязанность к Марку осталась на всю жизнь. И она, конечно, дружила с Бертой — а как иначе, ведь ее любил обожаемый брат! Разумеется, здесь не обошлось без подводных соревновательных течений. Пускай Марк — глава семьи, царь и бог, но и Берта с характером, который означал, что в семье Наринских всегда все самое лучшее! То есть она искренне в это верила — так же, как и в то, что ленинградская вода — самая мягкая. Вот купили они с Марочкой торшер — и он тоже вне конкуренции. А уж когда был куплен холодильник — тут Наринские вовсе были впереди планеты всей! Давайте начистоту: это, конечно, может слегка раздражать, надоедать и смешить. Но поделаться с этим ничего нельзя. Впрочем,

вещь в себе — и вдруг такой странный церемонный ход... Что это было? Лене словно рассказывали сюрреалистический вариант сценария ее жизни. Или постмодернистский. Какой угодно, только очень печальный! Как же можно было быть настолько застегнутым на все пуговицы: влюбиться так, чтобы объект твоей любви ни за что не смог бы заподозрить, что ты всерьез...

Хотя по прошествии стольких лет, непоправимо поздно, она начала разгадывать скудные знаки, по которым она могла бы что-то понять, разглядеть за толстыми кулисами лицедейства. В советские времена тотального дефицита некоторые льготы в приобретении насущного давались новобрачным. То есть подавшие заявление жених и невеста получали талон, по которому могли пойти в салон и купить там костюм, платье, туфли — в общем, экипироваться для свадьбы. Уж извините, тем, что было — выбор предлагался не сказать чтобы большой. Но все равно куда богаче, чем в обычных магазинах! А Лене очень хотелось туфли, что естественно для юной советской девушки, не избалованной туалетами. И она легкомысленно предложила Вадиму: а давай поженимся? Просто позарез туфли нужны! А что такого? Точнее, она, конечно, не предлагала жениться — просто подать заявление. Жениться было совсем не нужно, Боже упаси!

133

Надо было видеть, как его резануло это «предложение»... Вот тут бы ей задуматься. Но по молодости не хочется мучительных раздумий и сомнений, хочется жадно вкушать очевидность любви, лишь на ее фоне смакуя нюансы.

Еще однажды Вадим совершенно застал ее врасплох, предложив вместе поехать в отпуск! Это был и вовсе казус, нонсенс и абсурд. С какой стати, почему?! «Ты последний человек, с которым я поеду в отпуск!» — подумала Лена. И не только подумала, даже и сказала. А что такого? Разве ездят в отпуск с двоюродными братьями?!

История, достойная пера Джейн Остин с ее «Гордостью и предубеждением»...

А что было дальше? Ничего. Жизнь пошла своим чередом. После своего загадочного «сватовства без невесты» Вадим очень быстро женился, сильно удивив уже собственных родителей. Один из семейных анекдотов-былей повествует о том, как Берта, узнав в телефонном разговоре от Анны, что ее сын Миша женится на Тане Кудрявцевой, после многозначительной паузы воскликнула: «Как ты могла?!» Имелось в виду «как ты могла позволить сыну жениться не на еврейке».

— А как ты могла?! — не без победной иронии парировала Анна, когда и Алик, и Вадик почти одновременно женились на «некошерных» барышнях.

Но к тому моменту Берта уже и сама понимала, что есть проблемы поважнее, чем соблюдение ветхозаветных догм, от которых она была безнадежно далека. Ну... пусть не безнадежно, но ломать своим детям судьбу из-за них она не стала. Берта так хотела продлить жизнь Марку, которого начали фатально подтачивать «старые раны» — его почки, болезнь которых обострилась после... лечения в санатории! Ей хотелось, чтобы он увидел внуков... которых он так и не увидел. И Анечку надо было еще растить! И только-только переехали — наконец-то! — в собственную трехкомнатную квартиру в Зеленограде, как сыновья переженились и разлетелись, а Марк и вовсе не успел пожить в человеческих условиях. Нет, Берте было совсем не до шуток.

135–136.
Свадьба Натальи
Морачевской
и Вадима Нарин-
ского.

135. Слева
направо: Елена
Ганевская, Марк
Яковлевич
Наринский, Анна
Яковлевна На-

ринская, Берта
Александровна
Наринская,
Наташа, Вадим,
Ганевский Г. М.,
Ольга Сергеевна

Морачевская,
Рыжий — друг
Вадима, Алик
Наринский с же-
ной Зоей. 1967 г.

135

Вадим женился на Наташе, Наталье Леонидовне Морачевской (07.02.1944–29.02.2000). И, наверное, именно Лена по извечной иронии судьбы первая поняла его выбор. Потому что Наташа была яркой индивидуальностью. Умная, красивая, парадоксальная. Как и Вадик, с метким и язвительным чувством юмора, только в отличие от него открытая жизнерадостная натура. Свежий ветер перемен. Мимо такой не пройдешь, но и не каждому посчастливится быть рядом с такой женщиной. Они с Вадимом были равновеликими друг другу, и одновременно каждый для другого был недостижимой вершиной. Началась новая эпоха.

Гриф секретности

А казалось, что Наташа появилась ниоткуда. Вадик поставил родных перед фактом «мы женимся», минуя обычную стадию постепенного сближения и нарастающего семейного предчувствия марша Мендельсона. Он не приводил ее знакомиться с родителями сначала как просто знакомую, потом подругу и любимую, а потом невесту. Домой к родителям он вообще никого не приводил, хотя имел успех у барышень. Которым не бравировал никогда, — а мог бы еще со времен пионерлагеря, куда их троих вместе с Мишей и Леной отправили в нежном возрасте. Вадик было лет тринадцать, а он уже был в центре настойчивого девичьего внимания! Но, как запомнила Лена, он этого прохладно сторонился. Или хотел, чтобы так думали? Очередная загадка. Хотя того, что он был симпатичным, и это давало ему свободу выбора, нельзя отрицать.

Но его женитьба, всем показавшаяся такой поспешной... Что, если ему была мучительна мысль о том, что родственники видят причину этой поспешности в неудаче с Леной? И он замкнулся еще больше, и ушел жить в коммуналку на ул. Мархлевского к Наташе, где яблоку было негде упасть — и не только из-за соседей, но и потому что Наташины родственники временами весьма густо населяли две комнаты Морачевских. И Наташина мама Ольга Сергеевна приняла зятя не с распростертыми объятиями. Но ведь и Берта не слишком обрадовалась Наташе, особенно поначалу. Однако здесь дело было не столько в самой избраннице, сколько просто в факте ее появления — внезапном и не своевременном. А бывает ли своевременной чужая любовь? Или... все-таки подливал масла в тлеющий огонь национальный вопрос, как бы ни хотелось его сбросить с корабля? Сгусток несправедливых ревнивых причин. Особенно если вспомнить, что происходило тогда в семье вокруг Вадима — совсем близко, у Миши, брата и друга детства...

Миша женился, учась на втором курсе консерватории. Отношения его жены Тани Кудрявцевой со свекровью не заладились сразу, но теперь так сложно отделить зерна от плевел, и понять, что было первично — конфликт человеческий или кровный. И это даже не столь важно, потому что человеческое всегда в итоге сильнее, если только речь не идет о дремучей ортодоксии. Мудрый Мишин тесть, отец Тани, был готов оплачивать молодым съемную комнату, но они легкомысленно решили: зачем тратить такие деньги за жилье, если можно поселиться у родителей Миши, а на эту сумму жить и не зависеть от них материально. Но расчет оказался трагически невер-

137.
Наталья
Морачевская
с подругой Лялей
Зиновьевой.
1960-е годы

ным. Отношения Тани со свекровью, и так изначально не гладкие, от совместного быта только накалились. Правых и виноватых уже не найти. Две хозяйки на кухне всегда найдут, за что не любить друг друга. Но одно дело — конфликты взрослых, а если уже зародилась новая хрупкая жизнь, которой необходим душевный покой и защищенность матери? Вот ее как раз у Тани не было! Иначе разве могла быть возможна ситуация, когда у нее начались роды, а вся семья в театре... а роженица почему-то даже не знает, что во время схваток нельзя сидеть, потому что это может вызвать родовую травму у ребенка. Или, что еще более дико, она боится даже вскрикнуть от схваток, чтобы не разбудить Мишиных родителей! Потому что все случилось поздним вечером, продолжалось ночью... А «скорая» в Советском Союзе могла ехать очень долго, и приехать аккуратно к летальному исходу. Нет пациента — нет проблемы. Тогда — и сейчас, и всегда! — так много зависело от поддержки близких. Но Миша растерялся, а никого из более опытных и сочувствующих рядом не оказалось. И случилось непоправимое — ребенок, девочка, которая родилась дома, до приезда врачей, и которую Миша первый взял на руки, прожила всего сутки и умерла на следующий день. Он на всю жизнь запомнил крошечное окровавленное тельце в своих ладонях, и разрывной снаряд вины, и горечь имени «Варвара», которым называли новорожденную... Потом у Тани и Миши родятся трое здоровых детей, а Миша впоследствии и вовсе станет многодетным отцом шестерых, но тот первый страшный опыт — он, слов-

138

139

но неразворимый реками жизни черный жемчуг, остался в самом укромном тайнике души.

Потому что страшнее случившегося могли быть только слова свекрови, когда Таня оплакивала свою умершую дочь: «Подумаешь, горе у нее... Вот я в войну троих потеряла»... Может ли услышать худшее мать, только что потерявшая младенца? Дикость, даже если не знать, что Анна Яковлевна потеряла не троих, а двоих: у нее случился выкидыш, а потом умер новорожденный ребенок. Тоже девочка. Но к чему эта чудовищная арифметика? Разве она прояснит, почему вместо сострадания и боли — ведь умерла ее внучка! — у нее вырвались эти чудовищные слова...

Такие истории предпочитают не вспоминать, негласно вычеркивать из семейной летописи, сторониться. Но это роковая ошибка! О них надо знать, потому что это — тот страшный, но бесценный опыт, за который наши предки заплатили своей кровью и своими слезами, невидимыми миру. Этот опыт не соврет, он глубоко личный и не искажен идеологией и цензурой. А лишившись его, мы неминуемо по-

138-139.
Вадим Нарин-
ский. Начало
1970-х

140-142.
Наталья На-
ринская. Начало
1970-х

140

141

142

чувствуем брешь в нашем мироздании, словно от выпавшего из стены кирпича. И оно постепенно начинает рушиться... Поэтому мы стремимся по крупицам восстанавливать семейную историю.

Нельзя жить в доме, где ты нелюбим. Где не ждут твоего ребенка. Разорвать замкнутый круг нужды и обстоятельств порой адски трудно, и тут требуется идти наперекор обыденной напирательной на тебя логике, доводам чужого разума, и даже незыблемым родовым канонам. Но есть главное, самое важное, только твое... которое понимаешь лишь через экзистенциальный опыт. Путь предков, как ничто другое, дает почувствовать уникальное в общечеловеческом.

Вадим не мог не знать об этом трагическом эпизоде. И возможно, он послужил — конечно, не единственным! — но потаенным мотивом того, что после женитьбы Вадик уехал в Наташину коммуналку на ул. Мархлевского. Хотя молодожены могли бы жить в долгожданной трехкомнатной квартире, которую получили Наринские после скитания по каморкам. Пускай Наташа с Вадимом жили бы там не одни, с Бертой и Анечкой, но все же это не кипящие восьмикомнатные джунгли, куда со своим уставом не въедешь... Тем не менее — Вадик ощущал некую настроенную строгость, с которой Берта относилась к Наташе. Поначалу это можно было бы списать на материнскую ревность и неприятие слишком раннего необдуманного брака. И вроде бы к Наташе быстро прониклись симпатией все остальные родственники, особенно Мишин отец, дядя Гриша Ганевский. Который всегда находил момент для пристального разговора с тем, кто вот-вот станет ему близким родственником. Ведь семьи Наринских и Ганевских, повторимся, были одной семьей. Дядя Гриша как негласный семейный психолог вынес «положительный вердикт». Проще говоря — он очень полюбил ее, принял как равную себе. Еще бы — умную, яркую, одаренную! Таких жен он еще не встречал. Но вот нужны ли другим женам такие невестки — большой вопрос. С ними надо и самим соответствовать, а не только почивать на лаврах авторитета по праву старшинства...

Словом, Наташу приняли, но дружбы не получилось. Семейный клан не спешил впускать в себя сильную независимую личность, которая, в свою очередь, не стремилась жить по его законам. Что не поме-

143.
Наталья Наринская на работе.
Начало 1970-х

шало сильной личности легко влиться в ироничный междусобойчик Вадика и Миши, и они уже втроем отпускали дежурные «шпильки» в адрес младшей сестры — «девочки для битья». Опять-таки не всерьез, и грех обижаться. Но Лена все же относилась к Наташе с опаской. «Она была очень остра на язык. По меткой язвительности она не уступала Вадиду. И мне не хотелось бы стать ее мишенью». Быть может, Лена неосознанно боялась Наташиной ревности? Того, что та может... не узнать о чувствах Вадика, конечно, нет! — но перехватить непослушный, непрошенный флюид?

Но это все лирика, а речь идет о физиках, хотя и запоздал каламбур. Однако и в физиках, как и в других ученых, наука, филигранная работа разума прекрасно уживаются с мистицизмом и с персональной магией, которую несведущие обычно принимают за причуды и чудачества. Тут замкнутость природы очень кстати. Вот и Вадим с ее помощью научился обходить острые углы. Внешне сдержанный ироник, притягательная, но закрытая дверца... — кто заподозрит в нем глубинное иррацио или, напротив, банальную житейскую рассудительность. А в нем было и то, и другое. Чувствуя, что проживет недолго,

144.
Вадим и Наталья Наринские.
Возвращение из похода. Начало 1970-х

он знал, что обязан все сделать лучшим образом. Для своих самых близких. Вспоминая о нем, никто не сказал об... альтруизме. Ведь это совсем не в стиле щеголеватого насмешника. Да он и сам стыдливо поморщился бы, обнаружив кто-то подобные сантименты! Лена так и не решилась догадаться о его влюбленности. А Наташа... может, она тоже не догадывалась, от чего ее защищает Вадик, согласившись

жить в многоголосье коммунального хозяйства? Зато сие хозяйство Наташе привычно, и никакой нож в спину здесь не прилетит. С Наташиными родственниками тоже не все гладко. Далекое не все. Но такого, как у Миши... боже упаси, тут не приключится.

Наташа это не могла не оценить. Ведь она знала, в какой гнетущей и оскорбительной атмосфере жила ее родная сестра Нина у свекрови со свекром... И какими бы напряженными ни были ее отношения с собственной мамой Ольгой Сергеевной, из двух, как говорится, зол... И в довершение чисто практический довод — коммуналка-таки в самом центре Москвы, это ж вам не Зеленоград. Вот это понятно всем! И за практичным мотивом можно спрятать смутные, не укладывающиеся в прокрустово ложе чистого разума опасения. Очень удачно, что здесь это получилось. Потому что Вадиму наверняка были глубоко чужды страхи, которые он не мог победить логикой и рассудком. Но они, если можно так выразиться, побочный продукт работы даже самого совершенного мозга. Ведь мы живые люди, а не роботы! Львиная доля нас, живых людей, этими страхами все же с кем-то делится, чтобы выпустить пар и не сходить с ума. А Вадик — никогда. Или же канули в Лету те таинственные доверенные лица. И мало кто задумывался тогда, что загадочная герметичность его характера — не только изюминка, но и крест...

В свете всех этих предположений кажется, что рождение долгожданного сына Димы, родившегося только через семь лет после свадьбы, — тоже некий тонкий математический расчет. Словно он появился на свет именно в самый благоприятный момент. Не как

у всех — своим чередом, потому что раз поженились — должны сразу родиться дети... У Вадима и Наташи многое было не как у всех. Потому что людьми они были незаурядными. И в чем-то друг другу противоположными. Наташа — открытая, лучезарная натура, она как теплая южная река отогревала Вадима с его застегнутостью на все пуговицы. Как в восточной притче о ветре и солнце: чтобы человек раскрылся, его надо отогреть.

Дима родился, когда коммуналка на Мархлевке, точнее, две комнаты, принадлежавшие Морачевским, освободились от наплыва Наташиных родственников. Собственно это был не наплыв, а обострение жилищного вопроса, который благополучно разрешился. Обе старшие сестры, давно замужние, с детьми, обрели каждая свой дом. А отец Леонид Михайлович, уже будучи разведенным с мамой, тоже переехал в отдельное жилье. Таким образом, в одной комнате осталась Наташина мама Ольга Сергеевна, а в другой — молодая семья Наринских. И все же нельзя забывать о божьем промысле, который всегда сопутствует рождению детей. Сколько их ни планируй — они любят устроить сюрприз. И судьбоносные события нашей жизни — они редко таковы, как мы их себе представляем.

145–147.
Вадим Наринский
в походах. Конец
1960-х — середина
1970-х годов

146

147

148.
Наталья Нарин-
ская на работе.
Начало 1970-х
годов

149.
Вадим Наринский
(слева) с колле-
гами на работе.
1970-е годы

148

149

Но что еще интересней — профессия Вадима по ответственности была близка к божественной миссии, как бы высокопарно это ни звучало для непосвященных. Он окончил Московский авиационный институт (МАИ), а потом всю жизнь проработал в Институте теоретической и экспериментальной физики (ИТЭФ), который впоследствии вошел в национальный исследовательский центр «Курчатовский институт». Предметом исследований ученых ИТЭФ являются фундаментальные свойства материи и их использование для разви-

тия новых технологий. В частности в сфере создания экологически чистых источников энергии, энергосберегающего оборудования, телекоммуникаций и медицины. Именно в области медицинской физики работал Вадим — в отделе, который назывался «Медпучок». Он был сотрудником группы, обслуживающей ускоритель заряженных частиц, с помощью которого лечили онкологических больных. Пациент садился в кресло, и в область его опухоли направлялся пучок электронов — он особым образом воздействовал на ткань, локализуя злокачественное образование. Чтобы пучок абсолютно точно попал в цель, не задевая здоровые клетки, его направляли под различным углом. А для этого необходимо было постоянно поворачивать кресло, безошибочно задавая ему нужное положение. Программированием работы кресла и занимался Вадим Наринский. И здесь нельзя было допустить ни малейшей ошибки. В одну из редких откровенных минут он рассказывал брату Мише:

— Нам приносят пациента, мы спрашиваем: «Сколько?» В смысле — сколько осталось жить этому человеку: два месяца? Или три недели? Сколько ему дают врачи... Больного приносят на носилках, а от нас он уходит своими ногами. Патологический процесс в тканях останавливается, и человек живет дольше. Не недели и месяцы, а годы!

Вадим очень высоко ценил свое дело. И не разбрасывался словами, не обесценивал его болтовней. И был, конечно, прав. Только окружающих очень интригует молчание. И поэтому они начинают домысливать сюжеты. Так родилась версия Миши о том, что Вадик работал личным ассистентом С.П. Королева. Миша вспоминал: «Мы ехали с Вадимом по ул. Алабяна на его машине, и я его спросил, слышал ли он о том, что умер Генеральный Конструктор такой... Королев. До смерти Королева никто из обычных людей не знал его имени, оно было засекречено. Разве что «вражеские голоса» — зарубежные радиостанции просвещали на сей счет особо продвинутых граждан... Вадик на это ответил: Да, знаю... С.П. Мы его звали С.П. ...»

Означало ли это, что Вадим Наринский был как-то связан по работе с Главным Конструктором? Если и да, то весьма косвенно. Во-первых, потому что Королев умер в начале 1966 года. Вадиму на тот момент еще не исполнилось и двадцати лет. Во-вторых, если бы он хоть как-то был связан с этим выдающимся человеком, то об этом

150.
Вадим Наринский
(в центре) с кол-
легами на работе.
1970-е годы

знала бы сестра Наташи Ирина Леонидовна Морачевская, чья совместная работа с Королевым подробно описана в разделе о семье Морачевских. И в-третьих... первый автомобиль у Вадима появился не в двадцать лет, когда он еще был студентом, а намного позже. И поэтому он никак не мог везти Мишу по ул. Алабяна на собственной машине. Какой-то здесь вкрался кульбит памяти, перевертыш, что знаком многим впечатлительным натурам, особенно в момент соприкосновения к сферам повышенной секретности. А именно к ним принадлежала ядерная физика...

Пролить свет на этот эпизод мог бы только Алик. Ведь Вадик, можно сказать, пошел по стопам старшего брата. Александр окончил МАИ по специальности «радиолокация» и работал на оборонном предприятии ЦНПО «Вымпел». Создавал системы ПВО, что имело отношение к государственной тайне. Ни слова о засекреченной работе из него было не вытянуть. Да еще и оба брата были «как назло» почти совсем непьющими — алкоголь был не властен над их тайнами. Не принято было в семье много выпивать, хотя хороший коньяк у Марка всегда был припасен, и застолья у Наринских были отменные, с хорошим красным вином. Но никто никогда не видел Вадима пьяным. «А вот подвыпившим — пожалуй, — вспоминал Миша. — Помню, что у него в этот момент глаза становились маслянистыми. И границы его общительности, конечно, раздвигались. С женщинами он никогда не комплексовал и всегда был готов на красивый жест... Но ничего из ряда вон в этом состоянии он не совершал. Я всегда ждал тех моментов, когда он раскрывался, но они не были связаны с выпивкой». Остроумный симпатичный Вадик мог быть центром и душой компании, мог хохотать, язвить, подтрунивать, но ему для этого не слишком нужно было «повышать градус». И тем более он никогда не бравировал своей особой компетентностью, секретными знаниями и высокими знакомствами.

151.
Наталья Наринская и Зоя, супруга Александра Наринского, на пляже. 1970-е годы

152.
Рита — дочь Али-
ка и Зои Нарин-
ских. 1972 г.

152

153.
Рита Наринская.
1975 г.

153

А профессионализм... тихо, без ажиотажа просачивался в быт. Например, когда Алик специально для Мишиной тещи сделал наушники с длинным проводом. Была забавная история: теща в преклонном возрасте вдруг серьезно увлеклась хоккеем. А слух у нее стал падать. Она не могла понять, что происходит на экране, плохо различая слова комментатора, и, видя острую ситуацию у ворот нашего легендарного вратаря, панически восклицала: «Отойдите от Третьяка! Отойдите от Третьяка!» Чтобы успокоить впечатлительную болельщицу, Миша призвал на помощь брата-физика. А другой его брат-физик, Вадик, сделал для своего сына лучшую в мире елочную гирлянду.

Он смастерил релейную электрическую цепь с разноцветными маленькими лампочками, покрашенными лаком для ногтей, — красными, синими и зелеными. Это было чудом, учитывая, что лаки в те годы продавались только двух цветов — красного и прозрачно-белого, перламутрового. Чтобы получить цветной, требовалось в белый перламутровый лак выдавить пасту из чернильного стержня шариковой ручки, срезав с него грифель.

Но главным изобретением были огоньки. Они могли зажигаться и гореть в трех разных режимах: плавно включались и медленно угасали, мигали или включались и гасли волнообразно, в определен-

154.
Дима Наринский.
9 месяцев. 1975 г.

154

155.
Дима Наринский.
1 год и 2 месяца.
1975 г.

155

156.
Дима Наринский.
2 года. 1976 г.

156

ной последовательности. «Ни у кого такой гирлянды нет!» — гордился маленький Дима. И действительно, в 1970-х в Советском Союзе таких диковин ни у кого в округе не было.

Детали не врут. Это относится и к тому странному эпизоду, запавшему в память Мише. Видимо, что-то другое хотел сказать Вадим, когда они ехали по улице Алабяна, что-то не менее важное. И пока это важное остается величиной неизвестной, не будем множить фантазии, а лучше обратимся к драгоценным достоверным деталям.

* * *

Вот какой я был когда-то:
Уши врозь и нос лопатой.
А теперь сюжетик прост:
Как сказал мне Дед Мороз,
Уши все ушли в мой рост.

Лучшее воплощение

Мои первые воспоминания об отце относятся примерно к трехлетнему возрасту, — вспоминал сын Вадима Дмитрий Вадимович Наринский (род 08.10.1974):

Я любил по утрам в выходные забираться в родительскую постель и пристраиваться к кому-нибудь из них, как мы тогда говорили, «под бочок». Поскольку мама с папой спали, и беседовать со мной никто не собирался, очень быстро мне становилось скучно, и я начинал крутиться. Когда родители пускали меня в кровать, они всегда говорили: «Лежи смирно!», чтобы, залезая к ним, когда они спят, я их не будил. И я терпел, как мог. И вот мне начинало казаться, что прошла целая вечность. Я потихоньку начинал ворочаться. Папа говорил: «Проснулся? Выспался? Дай и нам выспаться! Тихо. Лежи тихо». Но это не помогало, и он молча и красиво поднимал руку — почему-то папа спал, не снимая часов, — смотрел на них и тихим голосом констатировал: «Тридцать секунд».

Смешно было. Я никогда не давал им поспать.

И Дима, и его родственники помнят, что Вадим был с ним строгим. Но это была не сухая, эмоционально обедненная строгость или пуританское воспитание, отнюдь. Просто когда у Вадика родился сын, он уже знал о сроке своей жизни. И как ученый не питал иллюзий, но, конечно, в глубине души надеялся на чудо. При этом он знал, что, скорее всего, взросления сына не увидит, но должен дать ему по максимуму. Только как все успеть? Он торопился его воспитать, и это ощущение трагической нехватки времени захлестывало его, заставляло выглядеть обманчиво жестким... Знание отпущенных ему лет делало Вадима еще более замкнутым. Чтобы избежать горьких мыслей о несправедливости судьбы и чтобы никто не услышал от него ни единой ноты жалобы, он был вынужден жить с болью молчания.

И он не хотел, чтобы сын видел его слабым. Ведь личный пример — самый эффективный метод воспитания.

Наташа, напротив, была открытым потоком любви.

Она была светлым источником моего «Я». Мой характер, мое мироощущение, психофизика моих отношений с миром — от нее! — вспоминал Дима.

Сколько себя помню, с мамой у меня никогда не было скандалов.

Наказывала — было, за дело, но конфликта сына с матерью у нас никогда не было. Возможно, потому, что мама всегда находила время, чтобы объяс-

157.
Вадим Наринский
с Димой. 1974 г.

157

158.
Наталья Нарин-
ская с Димой.
1974 г.

158

нить мне, где черное, а где белое. И я понимал. Она разделяла со мной мои желания и стремления. У нее не было слова «нет» для меня. И я не помню, чтобы мама предлагала мне нечто принципиально чуждое, в корне противное мне, угрожая наказанием. О моем опыте непослушания могу сказать, что все мои «не хочу» и «не буду», как правило, укладывались минут в десять, не более. Возможно, потому что меня никто не пытался переломить.

Единственный, кто мог это делать, вернее пытался, был папа. Но не в вопросах выполнения домашних заданий или каких-то бытовых моментах, а в плане фундаментального воспитания. С папиной точки зрения все должно было делаться по порядку: ровно в восемь утра надо чистить зубы, ровно в девять вечера — ложиться спать, а я этого страх как не любил, и мама не ограничивала меня подобными рамками: не хочешь — не делай. И никто, кроме папы, ни на чем особо не настаивал. Поэтому, конечно, с мамой я в большей степени чувствовал свою свободу волеизъявления, не принижавшую, однако, при этом влияние мамы...

Возможно, поэтому я получился таким... трезвзорным.

Чтобы расти, взрослеть, ребенку необходимо иногда не слушаться взрослых. Я даже думаю, может, и правы японцы в своей воспитательной

159

160

159.
Дима Наринский.
3 года. 1977 г.

160.
Дима Наринский.
4 года. 1978 г.

системе, и нам следует поступать, как они — позволять детям до двух-трех-летнего возраста делать все, что захотят, наблюдая только за тем, чтобы не покалечились и не навредили себе? Может, тогда ребенок вырастет без ограничений, делающих человека неуверенным в себе и своих силах?

О свободолюбии и своеволии, свойственных маленькому Диме, — и откуда ветер, так сказать, дул! — старшие родственники помнят до сих пор. «Таких детей у меня еще не было!» — обескураженно признавалась бабушка Берта, имея в виду, что привыкла к послушанию и к тому, что в семье беспрекословным авторитетом обладают взрослые. Дима же, когда его привозили к Берте в гости, как истинный аристократ с причудами требовал только свои тапочки, только супчик с вермишелькой, и чтобы не с курочкой, с уточкой. Анечка, его тетья, со смехом вспоминала ритуалы, которыми задабривали маленького барина. «Барин» был очень хорошеньким, как говорится, рекламным ребенком, но требовал к себе внимания и по струнке не ходил. Настолько, что стал причиной настоящего семейного переполоха, когда обварил себя кипятком из чайника. Этот жуткий случай вся родня запомнила на всю жизнь! И как все замечались в панике и кошмаре, которая всегда в первый миг делает нас обморочно беспомощными... К счастью, все обошлось тогда! Но шума было... И наверняка тогда кто-то подумал: дескать, избаловали ребенка вседозволенностью — вот и результат. При этом каждый, кто растил детей, знает, что в непривычной обстановке ребенок чаще всего ведет себя иначе,

чем дома. И частенько кажется непривыкшим к нему людям избалованным, невоспитанным и капризным. Классика жанра! Да, в семье Наринских было... не то, чтобы другое воспитание — иная фактура семьи, что абсолютно естественно. Атмосфера любой семьи уникальна! Но если сравнить вольный дух Томилинского дома Морачевских, в котором росла Наташа, и тесные комнаты Наринских, в которых было не выжить без дисциплины и порядка, — многое прояснится.

Вот с этой вольницей и пытался бороться Вадим, когда воспитывал сына. Но ведь это бесполезно — воевать с законом сохранения энергии! Дитя — это воплощение и матери, и отца, и ничего ты с этим не сделаешь. Дима и получился таким — сплав логики и стихии. И ведь хороший вышел сплав... Высшие силы лучше нас, погруженных в суету, предвидят, кого с кем свести, чтобы из миллиардов генетических комбинаций божья искра нашла свое лучшее воплощение.

161.
Вадим Наринский (слева) в походе с друзьями. 1970-е годы

³ Здесь и далее воспоминания Д. В. Наринского

Я благодарен папе за гораздо большее, чем просто организованность, — хотя и это немало! Он научил меня видеть главное. Лес за деревьями. Замечать важные мелочи, но уметь воспарить над схваткой. Быть внимательным и даже дотошным, но и великодушным.

Конечно, у него случались выпады против мамы. Как правило, он говорил нечто вроде «А мама опять тебе это разрешила?» и при этом закатывал глаза и вздыхал...³

Равновеликие по большому счету, они не очень ладили в быту. Любви, как мы знаем, недостаточно для ровной семейной жизни — или слишком много? Для такой жизни нужно, чтобы кто-то был лидером, кто-то ведомым. Пускай эти роли не явны, не очевидны, спорны, пускай они меняются в зависимости от сферы жизни — но какая-то

162

163

иерархия есть. Трудно представить, что она была у Вадика с Наташей. Слишком молодой брак. И, что тоже немаловажно, у «молодого государства» не было союзников. То есть доброго совета ждать неоткуда. Разве что Наташина мама Ольга Сергеевна сетовала, что она мешает им жить своим учительским нажимом. И спасибо ей за то, что она это понимала. Наверное, неслучайно вышло, что именно она стала для Димы, если можно так выразиться, «бабушкой первой очереди». То есть той, что первая встает перед глазами при слове «бабушка». Ведь с ней он жил, а у Берты бывал наездами. Не очень часто. Хотя, разумеется, ее супчики и чайный гриб запомнил навсегда.

Сосед по Мархлевке дядя Слава, большой шутник и любитель женщин, в редкую для себя минуту доверительной откровенности сказал Диме: «Удивительно, как твои родители смогли прожить вместе тринадцать лет. Оба — личности. Сильные натуры — и такие разные»... Дядя Слава очень редко говорил серьезно, и это заставляло прислушаться к сказанному. Тем более он, что называется, жил с Вадимом и Наташей дверь в дверь и был невольным свидетелем их жизни.

Но надо помнить и о другой стороне медали — о том, как ненадежны бывают свидетели там, где правду знают только двое...

Есть такое расхожее — и нелепое, если вдуматься! — выражение «пожить для себя». Но оно всем понятно как некая универсальная формула: например, жили-были супруги, растили детей, потом помогали с внуками, а теперь им можно пожить для себя. А есть те, которые всегда живут для себя. Их подспудно осуждают, потому что «живем не для радости, а для совести»... И вот с этой убогой колокольни мы порой судим людей. Что может вызвать лишь горькую усмешку. Второй брак Вадима поначалу примерно так и расценили — не афишируя, в кулуарах. Наташа — как все понимали, — сколь самодостаточна, столь и критична. А Лариса, Лариса Ивановна Брокина, открыто обожала Вадима. Именно этого ему не хватало. Может быть, так, а может, и нет. Ведь по мнению родственников Наташа тоже была в роли того, кто любит, а Вадик — того, кто позволяет себя любить. Но вот такая штука: обыденное человеческое сознание склонно подтасовывать

162.

Вадим Наринский в походе с друзьями. 1970-е годы

163.

Наталья Наринская и Александр Наринский в походе на байдарках. 1970-е годы

164.

Наталья Наринская на демонстрации. 1970-е годы

164

факты задним числом. Если ушел к другой — значит, предыдущая его любила, а он ее — нет. Но разве всегда это именно так? Создатель умер бы со скуки, если бы его мир вращался по столь примитивному лекалу...

Но, возвращаясь к Ларисе, надо заметить, что она действительно ни прямо, ни косвенно не претендовала на равноправие. В их союзе Вадим был царь и бог. А он... пришел очень тихим, когда привез ее впервые познакомиться с родными. Что закономерно: ребенку шесть лет, а он вдруг уходит из семьи и женится во второй раз. Все уже прониклись к Наташе, и вдруг снова болезненные перемены. И Лариса-разлучница вроде как во всем ей уступает. И поэтому она... странная!

Оправившись от нового шока, Берта позвонила Наташе и сказала: «Я не знаю, что между вами произошло, но ты в любой момент можешь приезжать ко мне — с Димой, без Димы, как хочешь...» Утратив статус жены, Наташа словно получила карт-бланш по принципу «король умер — да здравствует король». Все это очень понятно и — запутано, и от того любое краткое изложение неминуемо грешит против истины. Но повторимся: Вадим и Наташа во всем были чужды стереотипам. И даже Лариса: время показало, что ни в какие каноны «разлучниц» она не вписывается. Она стала другом и помощником Диме, поддерживав его в самые трудные времена.

А первым ее понял, как всегда, дядя Гриша Ганевский. Он по своему обыкновению ее разговаривал и «дал отмашку», мол, отставить тревогу, хорошая женщина...

Но самое бескомпромиссное — детское восприятие. Димина память запечатлела этот период очень четко:

Однажды летом, перед первым классом, папа взял меня с собой на Ахтубу. Мама осталась в Москве. В отпуск ехали человек пятнадцать — папины товарищи, коллеги и дядя Алик с дядей Мишей. Остановились на берегу реки, в лесу. Разбили палаточный городок. И, понят-

165

165.
Дима Наринский.
4 года. 1978 г.

166.
Вадим Наринский
с другом в походе
на байдарках.
Фото с «призра-
ком». 1970-е годы

166

ное дело, никто не хотел портить себе отпуск всякими неожиданностями. Тут Алик увидел маленькую сухопутную черепаху, поймал ее и дал мне. Я был счастлив! И хотел взять ее домой. Мы посадили черепаху в коробку, а ночью она убежала.

Я проснулся на рассвете, когда все спали, а папа с братом ловил рыбу. Вылез из палатки — проверить свое сокровище. Черепахи на месте не обнаружил и устроил истерику! Орал как резаный! Всех разбудил — народ выскакивал из палаток, не понимая, что произошло такого ужасного. Испортил одним сон, другим рыбалку.

167

Папе было очень стыдно за меня. На совете решили отправить меня домой досрочно. Мне тоже стало очень стыдно, потому что повел я тогда себя, действительно, очень некрасиво. Я перед всеми извинился, и меня оставили. Но ту поездку на Ахтубу я запомнил очень хорошо. И вот почему...

Это была первая осознаваемая обида. Обида на ситуацию: черепаха сбежала, папа отругал, на совете застыдили. Потом тетя Лариса, помню, печально так говорила: «Димочка, ты представь только, как же папе за тебя стыдно было перед друзьями, перед коллегами...», а сам папа сидел, обхватив голову руками.

Тетя Лариса... Это было последнее лето, когда мама с папой еще жили вместе, но уже знали, что расстанутся. Потому мама и не ездила с нами на Ахтубу — там была папина будущая жена.

Лариса Ивановна так навсегда и осталась для меня тетей Ларисой. Я познакомился с ней, когда мне было пять лет. Мы с папой приехали на каток на Чистых Прудах и пошли кататься. К нам подошла какая-то женщина — я не придал этому особого значения. Они начали о чем-то разговаривать, стояли — общались. Я вокруг них катался. Так состоялась первая встреча, и я бы о ней не вспомнил, если бы, спустя много лет, тетя Лариса не напомнила. Потом, после той встречи, когда мне было шесть лет и мы с папой поехали на Ахтубу, произошло уже полноценное знакомство с тетей Ларисой. Там папа уже был с ней. И, наверное, сейчас, вспоминая это, подсознательно, я все же думаю, как это могло на мне отразиться? Даже в голове не укладывается!

168

Конечно, травму мне, шестилетнему, нанесла совсем не черепаха...

Наверное, взрослые мало думают о детях, когда дело касается их личных отношений. Или считают, что те не поймут?

Вернулись в Москву — и через пару дней папа уходит. Я помню тот момент, когда мама плачет, а папа собирает вещи. Я стою — смотрю на все на это и спрашиваю маму, куда папа уходит. Мама сквозь слезы говорит, что папа будет жить в другом месте, потому что ему оттуда удобнее ездить на работу. Вот так папа и уехал.

Какое-то время он еще продолжал к нам ездить, потом мы вместе с ним ездили к нему домой, где он жил с Ларисой Ивановной, через полгода наступил момент, когда мама стала отпускать меня к нему одного. На Николаямскую — Ульяновскую улицу, тогда она так называлась.

Я даже к нему ездил и жил там, оставаясь с ними, когда мама уезжала в командировки. Как-то раз папа спросил: «Хочешь жить с нами?» Здесь надо сказать, что я очень хотел собаку, и папа знал об этом, а потому добавил: «Заведем собаку».

Очень отчетливо помню, что я подумал тогда: «Как же папа так может? Как может он пытаться меня подкупить такими вещами?» Мне было девять

лет, и я впервые допустил такую мысль о папе, что он поступает непорядочно, предлагая мне такие вещи. Я жестко ответил: «Нет, я маму никогда не брошу!» — и папа больше не возвращался к этой теме.

169.
Дима Наринский.
5 лет. 1979 г.

170.
Дима Наринский.
1983 г.

Родительская манипуляция? Нет, на самом деле отчаянный шаг, просто отчаяние тщательно упаковано и укрыто от чьих бы то ни было глаз. Вадим не прекращал думать о сыне, не мог не думать, особенно после того эпизода, когда однажды Дима был у него в гостях и сидел расстроенный на краю ванной. А Вадим не мог понять, в чем дело. И тогда Дима, — а было ему лет девять-десять, — задал отцу тот вечный вопрос, на который никто на свете ответить не может: «Папа, почему ты нас бросил?»

— Разве я тебя бросил? Я не бросил.

В этом тихом разговоре из двух реплик и бездне паузы между ними — все нераскрытые тайны бытия. Самое удивительное и печальное — Вадим действительно был очень честным с сыном. Он знал, что у него будет только один ребенок. А ведь Лариса забеременела. И любила Вадима бесконечно. Но он уговорил ее не рожать. Потому что знал — продолжения не будет. Он боялся, что не сможет воспитать еще одного ребенка, потому что просто не успеет. Для Ларисы эта потеря была очень болезненной. Дима узнал об этом печальном эпизоде от нее — незадолго до ее смерти. А тогда, в детстве, о том, что у Вадима серьезная проблема с почками, Дима не знал.

169

Я никогда не предполагал, что папе угрожало. Мне ничего не рассказывали — я был маленьким. Не знал, что ему приходилось постоянно делать гемодиализ — трудоемкую процедуру очищения крови с помощью препарата «искусственная почка». Я и про операцию по пересадке почки ничего не знал, вероятность выздоровления после которой была в то время очень мала. Но папа на нее решился.

Последние месяцы своей жизни он не выходил из больницы, и мы с ним не виделись. Поэтому он не поздравил меня с днем рождения, когда мне исполнилось двенадцать лет. Он умер 23 февраля 1987 года, а виделись мы с ним в последний раз в декабре 1986-го, когда он неожиданно, без звонка приехал вечером к нам на Мархлевку. Я открыл дверь — он даже не стал проходить

в квартиру. Встал в дверях — и протянул мне подарок — аудиокассету с походными песнями типа «Солнышко лесное».

Он понимал, что в последний раз видит сына.

А я, помню, очень расстроился, что папа не приехал на сам день рождения восьмого октября, что и теперь не проходит и не снимает пальто. Я стоял напротив него расстроенный, держа в руках кассету, и едва не плакал.

Тогда, в последний раз, папа пробыл со мной несколько минут, может, пять, не больше. Мы разговаривали очень недолго, и папа сказал одну фразу, которая запомнилась мне на всю жизнь: «Будь честным, порядочным, справедливым». Эти слова, которые папа мне сказал в момент нашей последней встречи, я считаю самыми значимыми.

Потом я узнал — мне рассказали, — что уже тогда он не мог ходить и очень плохо себя чувствовал, что ко мне приехал из больницы, накануне операции, после которой, как он знал, он или выживет, или умрет.

О том, что папы не стало, я узнал от мамы. Правда, позже мама говорила: «Я не была тогда уверена, что тебе это надо было сообщать, и до сих пор сомневаюсь, что поступила правильно». Как оказалось, мнения родственников разделились: некоторые думали, что лучше будет сказать мне об этом позже. Мама решила сказать сразу, потому что посчитала, что я имею право знать. И правильно сделала.

На похороны я поехал с ней, но почему-то не запомнил мамино присутствие. Она словно оставила меня один на один с горем. Я помню свое

171.
Дима и Вадим
Наринские.

Путешествие
по Прибалтике.
1986 г.

172.
Дима Наринский
с Ларисой Ива-
новой Броки-

ной. Путешествие
по Прибалтике.
1986 г.

171

состояние и что был в шоке, когда увидел папу в гробу. До сих пор страшно прикасаться к этим ощущениям. Это было жутким испытанием. И в тот момент у меня возникло мистическое ощущение, будто я где-то уже видел эту картину раньше. У папы был под носом кровоподтек от кислородной трубочки, которую ему вставляли в реанимации, — и эта деталь словно была мне знакома. Но где я мог это видеть?! Я впервые был на похоронах.

И от этого дежа вю становилось еще страшнее, словно я проник в тайну параллельной или прошлой жизни, словно когда знал, что со мной произойдет. Это был очень серьезный момент моей жизни. И один из самых тяжелых.

Любимые люди — опора нашей вселенной. Поэтому даже их ранний уход порой хочется наделить особым метафизическим смыслом. Может быть, они хотели отвести от тебя беду? Может, ушли, чтобы хранить тебя на пути твоём... — там им виднее? Но мы можем сказать определенно о том, что дали они нам на Земле и что, несомненно, основа личности. Базовая безопасность.

А вот источником этой внутренней силы доверия вселенной в большей степени была Наташа. Ей был интересен этот мир, и в ее отношении к жизни неизменной оставалась свежесть восприятия. Она

аккумулировала вокруг себя дружеское пространство. И, как уже не раз упоминалось, по природе она была гуманитарием — писала стихи, которые украсили эту книгу, любила музыку и театр. Она окончила МВТУ им. Баумана и большую часть жизни проработала в оборонной промышленности — в НИИ автоматической аппаратуры им. академика В. С. Семенихина на ул. Профсоюзной. Но она умудрилась писать стихи даже про «оборонку»! Выбрав техническую профессию чисто по практическим соображениям, она сохранила в себе творческое начало. В этом было какое-то редкое равновесие, потому что романтика со здравомыслием обычно не сочетаются. Но в Наташе они уживались. Собственно благодаря ее дружелюбию и конструктивному подходу к жизни Дима подружился даже... с Ларисой, к которой Наташа изначально не могла питать теплые чувства. Но она поняла, что эти отношения могут сыграть важную роль для Димы — и мудро позволила им развиваться....

Самостоятельные отношения с тетей Ларисой начались у меня, когда папа умер, потому что он очень просил ее не оставлять меня. Папа считал, что он может быть за меня спокоен, если она будет со мной рядом. Прав он был или нет — не знаю. Одно точно: Лариса Ивановна свято выполняла папину просьбу и никогда меня не оставляла. Особенно это проявилось в 1990-е — папа умер в 1987 году, — когда началась так называемая перестройка. Лариса Ивановна сумела очень быстро перестроиться — выучилась на бухгалтера, устроилась в какую-то фирму. Там она получала хорошие по тем временам деньги — около трехсот долларов. Это было много, особенно в сравнении с зарплатой инженера, которую получала моя мама, — меньше ста долларов...

Я ездил к тете Ларисе в гости, и она всегда давала мне с собой гостинцы — банки, консервы. И с этими сумками-авоськами я возвращался домой.

С мамой они общались в основном через меня на предмет «доехал — не доехал». Когда я учился в старших классах, мы с мамой переехали

172

173

174

из нашей эпохальной коммуналки на Мархлевке в отдельную квартиру в Чертаново. Чем больше времени проходило, тем меньше у мамы оставалось к ней антипатии. Мама понимала, что Лариса одна и что она держится за меня, искренне заботится, и в какой-то степени я ей заменяю ребенка, который у нее так и не родился.

Но это был не просто вынужденный шаг навстречу от одиночества и не просто хорошие корректные отношения, а именно дружба. Лариса стала Диме истинно родным человеком. И как она заботилась о нем, так же и он, повзрослев, окружил ее теплом и вниманием. Лариса помогла ему устроиться в ИТЭФ, где работал Вадим, и упростила его бывшего начальника взять Диму инженером-программистом, что позволяло иметь бронь от службы в армии. А Наташа сделала так, что Дима числился единственным кормильцем в семье. Так мать и мачеха сообща уберегли сына. И вечное им спасибо...

175

176

177.
Наталья Наринская с коллегами за праздничным столом. Конец 1980-х годов

178.
Дима Наринский с мамой и ее друзьями на пикнике. Середина 1980-х годов

178

В их судьбах — неожиданные параллели. Например, у второго мужа Наташи, и у второго мужа Ларисы было одно и то же имя — Евгений. Через двенадцать лет после смерти Вадима Лариса еще раз вышла замуж. При этом, по свидетельству Димы, «у нее в серванте

179.
Наталья Нарин-
ская с курсом
выпускников

техникума,
сын Дмитрий
с собакой Раль-
фом, справа от

Натальи — Ольга
Мельникова.
Москва. 1990-е
годы

всегда стояла фотография папы». Ее муж с пониманием относился к этому — он никоим образом не ворошил прошлое.

А вскоре ушла из жизни Наташа. Почти сразу после своего 56-го дня рождения... Да и Лариса была далеко не долгожитель. И нельзя отмахнуться от той печальной закономерности, которую замечаешь, прикасаясь к истории этой семьи. Светлые созидательные люди — а отпущено им было так немного. Алик, брат Вадима, тоже умер во цвете лет — в 53 года. Это было следствием его поездок по работе на военные испытания в Белоруссию, где незадолго за этого произошла авария на Чернобыльской АЭС. Нина, сестра Наташи, так же, как и Алик, работавшая на оборонном предприятии ЦНПО «Вымпел», тоже ушла рано — не дожив до шестидесяти лет. Все они олицетворяли эпоху 1960-х, легендарную Оттепель, мощную творческую стихию, вышедшую из давящих рамок советской идеологии и поставившую во главу угла не бездушную карательную систему, а Человека.

После маминей смерти наши с Ларисой отношения стали более теплыми. Я ее всячески поддерживал, помогал, финансировал поездки — для нее очень важ-

180.
Наталья На-
ринская в новой
квартире на Бала-

клавском про-
спекте. Москва.
1990-е годы

ным было иметь возможность путешествовать и узнавать мир. Например, она прочитает что-то интересное о Перу, о пирамидах египетских — и загорится поехать туда. Узнавая что-то новое о какой-то культуре или цивилизации, тетя Лариса хотела воочию прикоснуться к ней и узнать еще больше. И я помогал ей там побывать. А пляжный отдых ее не интересовал. По возвращении она всегда рассказывала много всего интересного.

Когда у Ларисы начались проблемы со здоровьем, я стал активно ею заниматься — возил по врачам. Ей сделали операцию, и это продлило ей жизнь на год.

После операции она попросила меня отвезти ее к маме на кладбище, что я и сделал. А потом... мы с ее мужем Евгением пытались ее поддержать. Я знал о ее диагнозе, а она — нет. Ее мужу я тоже ничего не сообщал, наоборот, говорил: «Все нормально. Лечим». При этом задачу мне осложняла сама Лариса: она всегда была любознательной и пыталась во все вникнуть «до самой сути». С ее логическим мышлением и математическим складом ума мне было очень тяжело держать ее в неведении относительно диагноза, поскольку часто попадались врачи, которые в открытую говорили, что думают, и смотрели на нее квадратными глазами. И я готов был их поубивать...

181.
Дмитрий Нарин-
ский с друзья-
ми на перроне

Московского
вокзала в Ленин-
граде. 1991 г.

Память отводит меня от этих тяжелых воспоминаний... Теперь вдруг ясно вижу, как она потащила меня в физико-математическую школу. Мне было тогда пятнадцать лет. Через полгода я сбежал оттуда, благо школа была вечерняя. Так она не успокоилась — пыталась меня в технический ВУЗ определить. Билась-билась и так и не поняла, что это не моя история — с физикой, хотя папа и физик был. Если с математикой я еще ладил, то физика была для меня сущим кошмаром.

А еще запомнился наш разговор, когда я был у нее в последний раз. Она мне сказала: «Планида у тебя, Димочка, такая — людям помогать». И вот тогда мне дано было ясно ощутить, что каждый разговор с ней может оказаться последним...

После ухода мамы Дмитрий остался в жутком звенящем одиночестве. Ведь Наташа была мамой-другом, и после такой потери ты вдвойне остро ощущаешь свое сиротство — независимо от возраста. Диме в тот момент было двадцать пять лет. Ему предстояло преодолеть тяжелый личный кризис, прежде чем он встретил родного по духу человека и любимую женщину — Татьяну Федори-

ну (род. 15.06.1984). Они давно женаты, у них замечательные дети — Екатерина Наринская (род. 10.11.2010), Арсений Наринский (род. 22.02.2012) и Мария Наринская (род. 28.03.2018). А тетя Лариса, которая, увы, ушла из жизни в 2015 году, но помогла ему преодолеть трудный период, очень верно подметила важную Димину черту, которую он унаследовал одновременно и от мамы Натальи Леонидовны, урожденной Морачевской, и от папы Вадима Марковича Наринского. Созидательность и стремление сделать этот мир лучше. Он один из немногих на отечественном рынке, кто создает собственный продукт — здания. А дом — это начало начал. И, конечно, неслучайно, что именно сын Наташи и Вадима явился инициатором создания целого семейного эпоса, в котором, как в капле соленой воды — океан, можно увидеть жизнь сотен тысяч российских семей, тогда называемых советскими, в самом противоречивом и до конца еще не понятом двадцатом столетии.

* * *

Всю ночь горел в прихожей свет,
А мать в истерике металась:
Паршивца нет! Паршивца нет?
Уныло эхо отзывалось.

Паршивец шляется в ночи,
По бабам шляется, засранец.
А тут хоть лопни, хоть кричи,
Хоть закрутись в протуберанец.

ОДА ЧЕХОВУ, ИЛИ ЧЕХОВ — ВТОРАЯ СТОЛИЦА

Уехать в Чехов мы стремимся,
У проходной стоим толпой.
Автобус что-то припозднился
То ли генштабовский, то ль свой.

Ну вот и он, в него неспешно,
Прождавши час, и два, и три,
Садимся, едем. Всё успешно,
Уж проезжаем Мамыри.

Но тут автобус притомился,
Чихнул два раза и иссяк.
И до Ваулова плетемся
Ну, прямо скажем, кое-как.

К Ваулову мы подъезжаем
Не к ночи, но уж к вечеру.
И мы работать начинаем
Назавтра рано поутру.

Но поутру у них ученья:
Солдаты с касками бегут,
В объект все входы перекрыты,
Не нужен им наш скорбный труд.

Уже обед — ну это что-то!
Кастрюли, плитки и т. д.
Опять отбросив все заботы,
Находим радости в еде.

Идём работать с ленью тайной
И шевелясь едва-едва.
Но выясняется случайно,
Что лента снова не пошла.

Но есть же Ира Иванова:
Летит в Москву на всех парах.
К утру она вернётся снова
И с лентой новой в руках.

Но в этот день ложится комплекс.
Работать тоже не моги.
И в лес бежим мы за грибами,
Взяв у Шурима сапоги.

И, провалившись в три канавы
И морду разодрав о столб,
Три сыроежки мы собрали,
Чтоб ужин был у нас готов.

На койках типа катапульти
Лежим, свернувшись в клубок,
Поскольку каждое движение
Грозит подбросом в потолок.

Наутро в бой, спустились дружно,
Торопин с ЦКП идёт.
На нём защитна гимнастерка,
Она с ума меня сведет.

Расскажет, как солить нам рыбу,
Что значит у горбуши горб,
Про пятна на хвосте у семги
И чем сморчки хуже строчков.

Вот, наконец, тропею ратной
Спустился Женечка Ксензов.
И про автобус в путь обратный
К нему мы обращаем зов.

Неделя к финишу стремится,
Работать боле нету сил.
Из Чехова спешим мы смыться,
Объект нас очень утомил.

183–184.
Дмитрий Нарин-
ский с одно-
курсниками на
картошке. 1991 г.

183

184

185.
Дмитрий Наринский с друзьями

празднует свой день рождения. В квартире на

Балаклавском проспекте. Москва. 1995 г.

186.
Дмитрий Наринский с однокурс-

никами. Москва. 1993 г.

185

186

187-188.
Дмитрий Наринский с коллегами
в первом офисе
своей компании.
Москва. 1995 г.

189.
Дмитрий Наринский с друзьями
в Египте. 1997 г.

187

188

189

190

191

192

193

190.
Дмитрий Наринский и Михаил Абрамов в Каннах на противолодочном эсминце «Керчь», 1998 г.

192–193.
Дмитрий Наринский в Ницце, 1998 г.
192 — Дмитрий в президиуме мэрии Ниццы

191.
Дмитрий Наринский в Каннах в деловой поездке. 1998 г.

194.
Дмитрий Наринский с коллегами в офисе его компании на ул. Щепкина. Москва, 2002 г.

194

195–196.
Дмитрий Наринский на свадьбе
своего друга

Андрея Чечина.
Москва. 6 августа
2005 г.

197.
Дмитрий и Та-
тьяна Наринские
в Астрахани.
2008 г.

195

196

197

198–199.
Дмитрий и Та-
тьяна Наринские
с детьми Катей

и Арсением в Из-
раиле. Декабрь
2013 г.

200.
Татьяна и Дмит-
рий Наринские
с детьми Катей
и Арсением,
а также с роди-

телями Татья-
ны — Ольгой
и Владимиром
Федориными.
Болгария, 2013 г.

198

199

200

201.
Дмитрий и Татьяна Наринские в Сочи во время Зимней Олимпиады 2014 г.

201

202.
Катя и Арсений Наринские. Дома в Аносино, 2014 г.

202

203.

В первом ряду:
Л. Ганевская,
Елена Полулюфта
с сыном Влади-
славом, Дмитрий
Наринский, Та-
тьяна Наринская,
Екатерина и Ар-
сений Наринские,
Владимир Михай-
лович Федорин.
Во втором ряду:
Матвей Полулюф-
та, Ольга Бори-
совна Федорина.
Болгария, 2014 г.

203

204.

Семьи Нарин-
ских и Полулюфта
в Ницце, 2014 г.

204

205

205.
Дмитрий и Татьяна Наринские ве-
зут щенка Алонсо
из Питера. 30 мая
2015 г.

206.
Татьяна, Катя
и Арсений Нарин-
ские. Лимоне-Пье-
монте. Январь
2015 г.

206

256   Часть вторая.
Сотворение чуда

207–208.
Семья Наринских
с детьми и Алон-
со у себя дома
в Аносино. Август
2015 г.

207

208

* * *

Здесь бродит радость с грустью пополам,
Здесь дуют новогодние метели,
И свет луны плетётся еле-еле
По бледным запорошенным кустам.

Здесь поросенок хрюкнет на снегу,
И мы ему наденем бант на уши.
Ах, Новый год, зачем тревожишь душу,
Тем, что, наверное, сберечь я не смогу.

Застынет память на краю витка,
На том конце замедленного жеста,
Где темноты холодная рука
Несовместима с принципом блаженства.

И мы рукой помашем декабрю,
И мир останется по-прежнему чудесен.
А я Вам на прощанье подарю
Последнюю из самых лучших песен.

Проснётся лес от снежной сказки-были
И суета грозит земному люду.
Всё, что ещё сегодня не забыли,
Назавтра обязательно забудем.

Но стоит оглянуться на бегу,
Как память стукнет нам в окно: а помнишь?
И ветер песнь знакомую исполнит,
И поросенок хрюкнет на снегу.

И мы рукой помашем декабрю,
И мир останется по-прежнему чудесен.
А я Вам на прощанье подарю
Последнюю из самых лучших песен.

Проснётся лес от снежной сказки-были,
И суета грозит земному люду.
Всё, что ещё сегодня не забыли,
Назавтра обязательно забудем.

Но стоит оглянуться на бегу,
Как память стукнет нам в окно: а помнишь?
И ветер песнь знакомую исполнит,
И поросенок хрюкнет на снегу.

* * *

Расцвела азалия нынче к Рождеству:
Где-то в светлом зале в танце я плыву,
Ах, какие звездочки, ах, какой паркет,
И меня красивее в этом зале нет.

Здесь гусары в ментиках,
Престарелый граф,
Мне их комплиментики
Ну, совсем не «ах».

Дамы с кринолинами,
Шляпки, веера.
Всё со мною было
Будто бы вчера.

Где ж то было — не было,
В этой жизни? В той?
А с портрета бабушка
Спросит — что с тобой?

И на шляпке сеточка.
Взглянет — и светло.
Всё бывает, деточка,
В ночь под Рождество.

И пургу за стеклами,
И цветы в зиме
Я тебе оставила
В память о себе.

Там, на сельском кладбище,
Тихо и темно.
На моей могиле ты
Не была давно.

Бабушка-кудесница,
Свет-ворожея,
В том прекрасном зале
Ты была, не я.

Ты наследство памяти
Подарила мне.
И цветок азалии
На моём окне.

Мои родители *

Моего папы не стало, когда мне было двенадцать лет. Мама колебалась, говорить мне об этом, или подождать, когда я стану постарше. Но материнское сердце подсказало, что ребёнок должен узнать всё сразу и быть на похоронах своего отца. Далось мне это нелегко. Но я абсолютно не жалею об этом. В последнюю нашу встречу папа произнёс слова, которые остались со мной на всю жизнь: «Будь честным, порядочным, справедливым». И ушёл навсегда.

Моя дорогая мама. Воспоминания о ней погружают меня в огромный мир, окутывавший меня теплом, лаской и уютом на протяжении двадцати пяти лет общения с ней. Когда её не стало, я чувствовал себя не просто потерянным, я вообще не знал, куда мне идти дальше. Я стремился тогда вообще не анализировать то состояние, в котором я был, понимая, что это может привести к потере самоконтроля. И девиза тогда жизненного у меня никакого не было. Я просто старался жить. Жить без неё.

* Автор этой и следующей глав — Дмитрий Наринский

209.
Вадим Наринский. Конец 1960-х годов

210.
Наталья Наринская. Конец 1960-х годов

209

210

Я родился в роддоме на Бауманской улице. Номер его я не знаю, и роддома такого уже нет. Мои родители были счастливы моим появлением на свет. Я был единственным ребёнком у них, и родился,

когда они прожили вместе после брака уже шесть лет. Мама пыталась называть меня Митей, но папа был против, и моё имя осталось без изменений. Я рос в любви и заботе, хотя мнения по поводу моего воспитания между родителями сильно разнились. Папа считал, что мама слишком мягко меня воспитывает и многое мне разрешает. Пытался привить мне порядок во всем и везде. Я же считал это притеснением моей свободы.

Теперь, с высоты своих лет анализируя это, я понимаю, что свобода, которую давала мне мама, дала мне возможность гармонично оценивать и влиять на внешние жизненные факторы, которые нас повседневно окружают. Я привык мыслить вне рамок и устоявшихся понятий, и мне это нравится. Папа же дал мне понимание, что без знания четких правил нельзя сделать свою жизнь организованной и эффективной. В общем, благодаря этому симбиозу я и повзрослел.

Теперь, став родителем, я четко знаю, насколько важно родительское участие в жизни детей. Насколько мелочи и небольшие советы, иногда сказанные на лету, остаются в голове ребёнка и влияют на его формирование как личности. Будьте бдительны, родители!

211.
Вадим и Наталья Наринские
(в последнем ряду,
в центре). Геленджик, 1968 г.

Моя мама была человеком очень демократичным со мной. Именно такое ощущение у меня осталось. Она разрешала мне очень многое. Ругала, конечно, часто, но без санкций. Кроме того она бы-

ла душой компании — её всегда окружало много друзей. Я помню, как у нас часто собирались гости: с работы, просто друзья. Мама готовила свою фирменную красную маринованную капусту, делала разные салаты: оливье с курицей, свеклу с грецкими орехами, сациви по рецепту подруги Веры Макаровой, которая говорила, что это не сациви, а салат с курицей. Все это она делала очень вкусно и со своими фирменными добавками. Например, добавляла в некоторые блюда корочки лимона, которые придавали пикантность и изящество. Хозяйкой она была очень хорошей. И, по мнению её подруг, могла за секунду накрыть стол из ничего. Особенно это проявлялось в тяжелые девяностые годы, когда есть было совсем нечего. Мама умудрялась накрывать роскошный стол и часто собирать у нас кучу народа дома.

А когда все садились за стол, мне очень хотелось попробовать взрослые напитки. И мама не отказывала. Кто-то за столом говорил: разве можно маленькому спиртное? Но мама всегда отвечала, что алкоголиком делает не спиртное, а ограничения. Главное — во всём знать меру, говорила она. Поэтому, пробуя в детстве разные наливки, или пиво, я напрочь терял интерес к этому. И уже став подростком, я не чувствовал желания пойти выпить что-нибудь неразрешенное с друзьями в подъезде. Зачем? Если мне и так это было позволено.

По складу своего характера мама была кем-то средним между физиком и лириком. У неё всегда были очень ярко выражены творческие наклонности в области литературы. С детства писала стихи. В семнадцать лет её уже опубликовали в газете. Она и её подруга Ве-

ра Макарова были первыми в техникуме в этих вопросах, но, несмотря на это, техникум у неё был радиотехнический. Она понимала, что надо кормить семью, и профессией своей выбрала техническую специальность, закончив впоследствии Бауманский институт. Литературой же прокормиться в те годы было невозможно. А Вера выбрала после техникума профессию театрального критика. Мама говорила: «Посмотри на Веру: если бы я стала такой же, на что мы жили бы...» С моим папой тогда они уже разошлись. Мне было тогда шесть. Вера же всегда была замужем за дядей Костей (Котэ Церетели), который тянул всю семью на своих плечах.

213–214.
Наталья Наринская в поездке по Средней Азии. Начало 1990-х годов

Помню, что когда я в первом классе занялся музыкой по собственному желанию, родители не могли нарадоваться. Правда, папа, когда я играл «Гей ты, Висла золотая, лес вокруг», закрывал уши от моей игры, а учительница говорила моей маме: «Когда ваш сын играет танец маленьких лебедей, ощущение такое, что он играет танец маленьких лошадей. И когда он играет, Чайковский в гробу переворачивается». Мы арендовали пианино, которое простояло у нас шесть

лет. Мне было так жалко маминых денег, сил и надежд, что я из прин-
ципа не бросал музыкальную школу.

Папа не просто так закрывал уши во время моей игры на фор-
тепьяно. У него был абсолютный слух, хотя был он физиком-ядер-
щиком. В моменты начала своей технической карьеры он ещё играл
периодически в оркестре на скрипке, подрабатывая. Его скрипка хра-
нится у нас дома, и иногда я даю её в руки моему сыну Арсению, ко-
торый просит меня достать её с полки.

Как я говорил, папа был достаточно сдержанным и очень пун-
ктуальным и строгим со мной, даже по мнению моих родственников.
Я никогда не слышал, чтобы он хохотал. Он обладал очень тонким
чувством юмора: когда он рассказывал какой-нибудь анекдот — всег-
да тихо, с легкой улыбкой на лице, — публика смеялась навзрыд. Его
очень любили друзья и уважали коллеги. Он любил выпить рюмоч-
ку-другую, но я никогда не видел его пьяным.

Несмотря на всю его строгость ко мне, я знаю, как он меня люб-
бил, как трепетал надо мной, когда со мной что-то случалось. Пом-
ню, как он носился со мной взад-вперёд в тихой панике, когда на
Ахтубе я прищемил себе ногу дверью, как переживал, что я не за-
помню последнюю нашу с ним совместную поездку в Прибалтику
на машине, как на нем лица не было, когда я сломал ногу в шесть лет,
прыгнув с лестницы на спор со своей соседкой по Мархлевке Юлей

215.

На дне рождения
Натальи Нарин-
ской. Крайняя
справа — Анна
Наринская, сестра
Вадима. Середина
1990-х годов

216–217.
Наталья Нарин-
ская в Феодосии.

217 — со вто-
рым мужем Евге-
нием. 1990-е годы

216

217

* * *

Бухта Лисья — Лисья или Лысая?
Островок среди отвесных скал.
Карадагу, Вашему Величеству,
Бард когда-то оды посвящал.

Скалы там — как черное пророчество,
С морем он на «ты», а не на «вы».
Карадагу, Вашему Высочеству,
Привезла поклон я от Москвы.

Чёртов Палец в облаках колышется,
Постигая смысл высоких сфер.
Приглашает нас на звано пиршество
То ли Воланд, то ли Люцифер.

Грот Ревущий затаен в утробе
И молчит. Но от штормов ревёт.
А сознайтесь, Ваше Преподобие,
Сколько ж Вы придумали красот!

Белый катер за волну цепляется
И народ стоит, разинув рот.
Катер может, если постарается,
Проскользнуть сквозь Золото ворот.

Что ни холм — то акварель Волошина,
Что ни волна — то сонм морских путан.
Всё, что мной загадано, запрошено,
Подарил знакомый капитан.

* * *

В шестнадцать тридцать поезд отойдет
Из Феодосии в поселок Коктебель.
Belkanto, Bell ami и Коктебель
Везде, вокруг сплошное ах, la bell.

У моря я тихонько постою,
Пока за мыс мой катер не свернет.
И в море я уйду, уйду, уйду,
А в море всё пройдёт, пройдёт, пройдёт.

В шестнадцать тридцать поезд на Москву.
Как быстро время к финишу летит.
И там, на Коктебельском берегу,
Мне катер на прощанье погудит.

В шестнадцать тридцать поезд на Москву.
В шестнадцать тридцать поезд отойдет.
От моря я уйду, уйду, уйду,
А море всё зовёт, зовёт, зовёт...

* * *

Спит гора и мрачно, и тревожно,
Не следя за плясками путан.
Ах, русалки, будьте осторожны,
Не будите дремлющий вулкан.

Я скажу вам, скалы, по секрету,
Чтобы ветер нас не услышал,
Что сегодня с самого рассвета
Коктебель мне камешки бросал.

Карадаг здесь заслужил главенство.
На прощанье скалам улыбнусь.
До свидания, Ваше Совершенство,
Я еще когда-нибудь вернусь.

Фалькович. Помню, как он хотел, чтобы я переехал жить к нему уже после развода с мамой. Он был сдержан в эмоциях и строг со мной, но любил он меня настолько, насколько может любить своего единственного ребёнка и сына человек, который знает, что ему осталось жить совсем немного, и кем вырастет его сын, была его большая боль и забота.

Когда врачи ему поставили диагноз и дали срок жизни до 40 лет, они с мамой были ещё молодые. Ему было тогда лет двадцать пять. И через все эти годы человек пронёс этот груз на плечах и чувство ответственности не только за себя, но и за своего ребёнка.

Вернёмся к моей маме.

Каждое лето, лет с семи, я с ней ездил на Чёрное море в Феодосию. Отдыхали мы в частном секторе, то есть снимали комнату на месяц недалеко от моря. Она очень любила море, могла часами сидеть у воды и смотреть вдаль. В эти мгновенья на её лице читалось настоящее счастье. У нас был знакомый капитан прогулочного корабля, который брал нас каждый день в разные места — я стоял на капитанском мостике у штурвала, и тоже чувствовал себя счастливым, потому что в моих руках был большой корабль и сотня пассажиров. Мы ходили на Карадаг и в Лисью бухту, в Планерское (Коктебель) и на Золотой пляж. Там мама написала часть своих стихов.

Я был единственным и горячо любимым ребёнком. Поэтому, наверное, как и большинство детей в семьях, где растёт один ребёнок, стал эгоистом из-за постоянного внимания к своей персоне. Может быть поэтому, когда меня отправляли в пионерский лагерь — а это было четыре раза в жизни, — я чувствовал себя там как в тюрьме, и постоянно плакал. Писал домой письма с просьбой забрать меня поскорее.

Мама была очень легким человеком, и с ней практически невозможно было поссориться — она была очень бесконфликтной, никогда не настаивала на своём мнении, с окружающими была очень мягкой и всегда дружелюбной. Когда я поздно приходил домой, гуляя где-то с друзьями и не имея возможности позвонить, мне попадало по возвращении, потому что в эти моменты она переживала страшно.

218.
Наталья Наринская в Феодосии.
1990-е годы

Могла начать разыскивать меня. Я получал подзатыльник, на этом наказание заканчивалось, а мама держалась за сердце.

Конечно, она меня очень любила. И я, уже став подростком, стал отдаляться от неё, но никогда не оставлял её одну. И все праздники, в том числе Новый год, я всегда встречал дома вместе с мамой. А после двух ночи, когда она уже собиралась спать, шёл гулять с друзьями. Так продолжалось даже когда мама вышла замуж — в тот момент я уже учился в институте.

Я почувствовал себя взрослым, когда начал работать на первом курсе, и мне казалось тогда, что я сам разбираюсь в жизни очень хорошо. Я был рад, что моя мама была с Женей, своим мужем, с которым она познакомилась на работе, он был её коллегой. И поэтому шёл по жизни с самоуверенностью молодого человека, думая, что я не нуждаюсь уже ни в чьих советах и во всем сам отлично разбираюсь. Но в жизни любого человека бывают моменты, когда очень нужен мудрый совет. И в эти моменты я понимал, что я ещё ребёнок, потому что несколько маминых слов расставляли быстро все по местам. И в эти моменты я чувствовал, что она для меня самый близкий человек в жизни. И роднее её никого у меня нет. У нас с ней был очень хороший контакт — мы понимали друг друга всегда. Конечно, не обходилось без юношеского максимализма, но это все было временным и напускным, а отношения с мамой у меня остались навсег-

219–220.
Наталья Наринская на своей даче в Мокеевке. Конец 1990-х годов

да. Сейчас я пытаюсь найти её черты в моих детях, иногда мне это удаётся, и тогда мне хочется заплакать.

Память о своих родителях я пытаюсь передать своим детям. К сожалению, я не смог увидеть маму с папой в качестве бабушки с дедушкой. И мы с ними даже никогда об этом не говорили, но я знаю абсолютно точно, что для моих детей они бы были огромным счастьем и поддержкой в жизни. Теперь я только могу передать моим детям память о них и ту их частичку, которая хранится во мне. И я стараюсь: придумываю разные темы, связанные с моими родителями: скрипка дедушки Вадима, дом в Мокеевке бабушки Наташи.

Они с папой были очень разные, и каждый из них был лидер, каждый был личностью. Поэтому им не удалось сохранить свой брак. Но в то же время они были очень похожи друг на друга своими основными жизненными проявлениями. И могу сказать точно: оба были глубоко порядочными людьми.

Мне кажется, что лучше родителей у меня и не могло быть. И я очень их люблю.

222.

Наталья Нарин-
ская у себя дома
в Чертаново.
Москва. Середина
1990-х годов

* * *

Ещё не вышел срок последнего трамвая,
Ещё немало слов я жизни подарю.
Но если знаю я, чего никто не знает,
Не верьте мне, когда я это говорю.

Но если жизнь прошла и песня отзвучала,
И если замолчу в угоду февралю,
И не смогу опять начать её сначала.
Не верьте мне, когда я это говорю.

И первый юбилей нисколечко не значит,
И горький фимиам я вовсе не курю.
Пойдём, дружок, в метель, я не могу иначе,
Поверьте мне, когда я это говорю.

223–226. Деревня Мокеевка Селивановского района Владимирской области. Фермерское хозяйство семьи Наринских.

223. Строительство пруда, спроектированного Дмитрием Наринским. Зима 2016 г.

224. Зима 2017 г.
225–226. Осень 2018 г.

223

224

225

226

227-233.
Деревня Мокеевка
Селивановского
района Влади-
мирской области.
Фермерское
хозяйство семьи
Наринских. Лето
2017 г.

227

228

229

230

231

232

233

234–235. Фермерское хозяйство семьи Наринских. Деревня Моковеевка Селивановского района Владимирской области. Осень 2018 г.

234

235

Моя бабушка

Я очень рад, что у моих детей есть бабушка и дедушка — родители моей жены Тани, ведь я всё детство прожил со своей бабушкой Ольгой Сергеевной Морачевской, которая жила с нами в квартире на Мархлевке. И я понимаю, насколько важную роль в жизни ребёнка играют дедушки с бабушками. На тот момент была жива бабушка Берта и дедушка Лёня, но к ним я изредка ездил в гости, поэтому основные воспоминания у меня связаны с бабушкой Олей. Каждый день я, возвращаясь из школы, делал с ней уроки. Поскольку она была учительницей, она без труда проверяла мои домашние задания в первых классах и занималась со мной. Я проводил с ней половину дня, дожидаясь, когда мама вернётся с работы. И поскольку она мне готовила обеды, одно из самых ярких моих воспоминаний — это ее блинчики, которые ждали меня под подушкой, когда я возвращался из школы. Туда их бабушка клала, заворачивая сначала в полотенце, чтобы они не остыли. Я обожал есть их с клубничным или малиновым вареньем. Ну и, конечно, её борщи и щи с квашеной капустой, которые я ел большой деревянной ложкой, остались у меня не только сладким воспоминанием, но и одними из любимых блюд.

Её характер, наверное, был непростой, но, будучи ребенком, я не видел этого — я видел свою любимую бабушку, которая играла со мной в шашки, карты и рассказывала мне «Вечера на хуторе близ Диканьки», и читала стихи Тараса Шевченко на украинском языке. Бабушка, с которой я первый раз произнёс букву «Р-р-р»...

В те годы, когда я родился и жил с ней, она уже была пожилая — ей было за семьдесят, она редко выходила из своей комнаты — только приготовить мне обед. Она постоянно сидела за столом и раскладывала пасьянс. Я до сих пор не знаю правила этого пасьянса, но она раскладывала его постоянно, не только когда оставалась одна, а и в те моменты, когда в комнате было много людей. Разговаривала, не отрываясь и держа во рту папиросу «Беломорканал», с которой не расставалась так же, как и с пасьянсом. Привычку курить она приобрела во время войны.

236.

Ольга Сергеевна
Морачевская.
Начало 1940-х
годов

237

237.
Ольга Сергеевна
Морачевская
в Томилино.
Конец 1940-х
годов

238.
Ольга Сергеевна
Морачевская
со знакомой после
работы. Конец
1960-х годов

238

283   Моя
          бабушка

Сейчас анализируя свои воспоминания, я понимаю, что она была достаточно властной женщиной. Расставшись со своим мужем, дедушкой Леней, она больше никогда с ним не общалась. Маленьким я всегда был уверен, что они даже не знакомы. Пару раз в жизни я слышал от неё сухие вопросы, адресованные дочерям: ну как там он? На этом их взаимодействие друг с другом для меня остановилось.

Когда я учился в старших классах, бабушка переехала в отдельную квартиру в Сокольниках, и мы стали с ней видеться редко. Однако на всю жизнь у меня остались воспоминания о моей бабушке как о доброй, НАСТОЯЩЕЙ бабушке, такой, какой она и должна быть у каждого ребёнка. Бабушкой из детских грёз.

* * *

Е. Храмову

По утрам, надев часы,
Замеряй себе усы,
Чтобы выросли усы
Удивительной красоты.

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!

Мы желаем вам безмерно
Счастья, радости, любви,
Чтоб рулеткой не замерить,
На санях не увезти.

Чтобы жили вы спокойно,
Чтобы в семье и гладь, и лад,
Чтоб не жизнь была, а просто
Дефицитный мармелад.

* * *

Гудимову В. Н.

Жил когда-то гражданин
По количеству — один.
Где-то женщина жила
По количеству одна.
В результате получилась
Полноценная семья.

Ты женатый элемент,
И об том есть документ,
Что имеется жена
По количеству — одна.
И что этот гражданин
С той минуты не один.

Мы желаем сей семье
И об этом пишем:
Двух считаем, два в уме —
Количество детишек,
И чтоб счастья полный воз
На хвосте Дракон привёз.

ГУДИМОВУ В. Н.

Пятьдесят — это много и мало,
Пятьдесят — это возраст творца.
Пятьдесят это только начало
И успехам не видно конца.

Сделал ты и юбилею немало:
Диссертация, должность, успех,
Если всё это только начало, —
То такого хватило б на всех.

Много тем над тобой пролетало:
«Грот», «Основа», «Вершина», «Заря».
Если всё это только начало, —
То начало ты начал не зря.

Нашим сектором руководил ты
И от нас защищался порой.
Все основы системной защиты
Мы освоили вместе с тобой.

Вместе, шеф, мы с тобой не стареем,
Пятьдесят — это возраст творца.
На столетнем твоём юбилее
Мы продолжим стихи до конца!

* * *

Умирает оборонка,
Бывший двигатель прогресса.
Умирает оборонка
От инфарктов и от стресса.

Ах, автобусик, автобусик,
Люд везёшь на полигоны.
А потом трясешь на кладбище
Катафалком похоронным.

Всё на кладбище спокойненько,
Тишина ночами — днями,
Только молоды покойники
Под могильными камнями.

С разоренной оборонки
Кандидат наук в кепчоночке
Подметает подворотни
Аккуратненькой метёлочкой.

Что сошло с лесов, со стапелей —
Превратилось в пепелище.
И везут творцов-создателей
На смиренное кладбище.

Умирает оборонка,
Умирает, не старея.
Умирает оборонка,
А инфаркты молодеют.

Часть третья

Песня над Волгой

Семья

Ольги Борисовны

Федориной, урожденной

Гришиной

*Где ж то было — не было,
В этой жизни? В той?
А с портрета бабушка
Спросит — что с тобой?*

*И на шляпке сеточка,
Взглянет — и светло.
Все бывает, деточка,
В ночь под Рождество.*

Наталья Наринская

Победа любви

Сын Натальи Леонидовны Морачевской и Вадима Марковича Наринского Дмитрий Наринский женился на Татьяне Владимировне Федориной (род 15.06.1984). Их дети Катюша, Арсений и Машенька — будущее описанных в этой книге поколений. И, проникая в семейный круг их бабушки с материнской стороны — Ольги Борисовны Федориной, урожденной Гришиной (род. 02.08. 1956), — мы оказываемся на юго-востоке Москвы, а именно в Капотне — квартал №1, дом № 5, кв. 24. Кирпичный красный дом, куда семья Гришиных въехала в 1961 году. Предки Ольги Борисовны по материнской линии жили в деревне Чагино, которая вместе с деревней Рязанцево и древним селом Капотня издавна располагалась на территории одноименного современного района столицы.

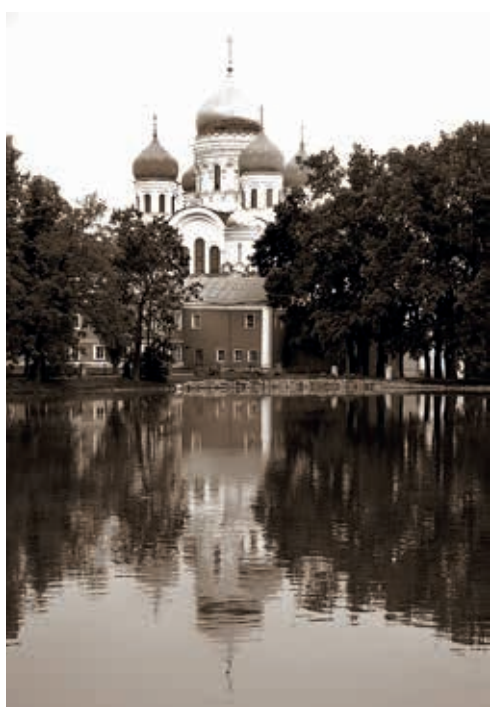
Район унаследовал название древнейшего из сел. Впервые село Капотня упоминается в духовной грамоте, по которой в 1336 году князь Иван Калита завещал одному из своих сыновей «село Копотеньское». Предположительно название села происходит от слова «коптить» — судя по всему, местные жители занимались рыбной ловлей и коптили рыбу.

А в двадцатом столетии на этой древней земле был построен Московский нефтеперерабатывающий завод (МНПЗ), который начал свою работу в 1938 году. На нем и трудились родители Ольги Борисовны и ее сестры Людмилы Борисовны Борис Васильевич Гришин (30.05.1920– 31.01.1963) и Зинаида Васильевна Новикова, в замужестве Гришина (03.10.1926–02.08.2002).

В 1926 году, когда родилась Зинаида Васильевна Новикова, ее маме, Василисе Ивановне Кривушкиной (1908–1938) было всего семнадцать лет. Отец Василий Егорович Новиков (1903–1942) женился на девушке из Чагино. Василий и Василиса, былинное начало... Вскоре после рождения Зины в семье Новиковых появились дочь Рая, Раиса Васильевна Новикова, и сын Борис Васильевич Новиков. По воспоминаниям Зинаиды Васильевны, семья была зажиточной. Держали скотину. Василиса справно вела до-

240.

Николо-Угрешский монастырь.
Фотография
2000-х годов

241.

Василий Егорович
и Василиса Ива-
новна Новиковы.
Середина 1920-х
годов, д. Чагино,
Московская обл.

242.

Новиков Васи-
лий Егорович
с отцом — Егором
Новиковым. Сере-
дина 1920-х годов

241

242

машнее хозяйство, и поэтому все продукты были свои — молоко, масло, сметана, мясо.

Но в 1938 году, во время рождения четвертого ребенка, девочки, Василиса Ивановна умерла. Младенца спасти не удалось. Отцу семейства пришлось нелегко. Переживая горе, он должен был вырастить и обеспечить троих детей. Хозяйство ему помогала вести теща — Мария Егоровна Кривушкина (1880–1954). Зина была старшей из детей, и на нее легла основная нагрузка помощи отцу и бабушке. А еще она должна была учиться в школе. Перед войной Зина успела окончить семилетку — а потом у нее началась взрослая трудовая жизнь. Василий как единственный кормилец в семье имел бронь. Но он ею не воспользовался. Ушел добровольцем. И погиб под Старой Руссой в 1942 году.

Как мало остается порой от человека, которому мы... в конечном итоге обязаны жизнью. А его жизнь умещается в несколько

предложений. В наших силах — сохранить эти драгоценные крупички для потомков.

Остались Зина, Рая и Боря с бабушкой. Благодаря ей они и выжили в это страшное время. Сыграло роль и то, что называется интуицией, — мощное природное чутье бабушки Марии, которое спасло ее внуков от верной смерти. Они всей семьей должны были эвакуироваться, но Мария Егоровна в последний момент решила не ехать. Без веских причин — будь что будет! А потом узнали, что баржу с эвакуированными разбомбили... Интуицию в народе обычно счи-

243.
Зинаида Новикова, начало 1940-х годов

244.
Мария Егоровна Кривушкина

243

244

тали колдовством. Слова даже такого не знали. Впрочем, любая женщина, спасающая детей от войны, — добрый маг. В невыносимых условиях у человека включаются сверхспособности.

Много было пережито тогда. Бомбежки, голод, страх. Сиротство... В те годы вся страна осиротела, в каждой семье был повод для скорби. Зине не было и пятнадцати лет, когда она начала работать на пороховом заводе в Коммуне — сейчас это город Дзержинский. Ходила в соседний город пешком. Каждый день. За опоздание в военное время можно было получить тюремный срок. Стоит ли объяснять, что за груз взвалила на себя девочка-подросток. Уже в ту пору Зина, благодаря своей ответственности и моральной силе, смогла заменить младшим сестре и брату умерших родителей. А после, спустя годы, она сумела одна вырастить своих детей, когда трагически рано умер ее муж Борис.

Они познакомились символично — в день Парада Победы на Красной площади в июне 1945 года. Борис Гришин был участни-

245.
Зинаида Новикова,
1945 г.

245

246.
Сестры Новиковы — Зинаида
и Раиса. 1943 г.

246

ком парада. Когда, как не в такой день, двум молодым сердцам надеяться на счастье... Любовь стала наградой за все испытания. Но испытания, увы, еще не закончились. Вскоре, 4 ноября в победном 1945 году, Борис и Зина поженились.

Шаги за спиной...

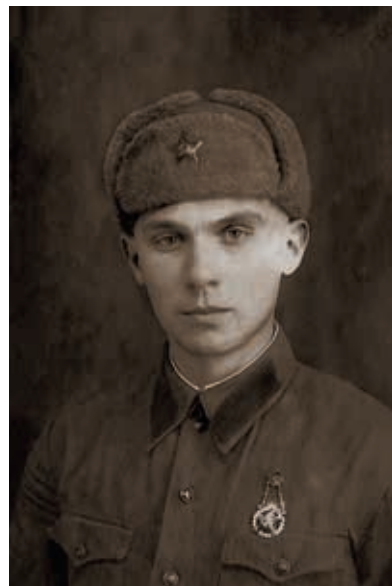
Борис Васильевич Гришин был мастером шестого разряда по контрольно-измерительным приборам и работал в заводском отделе КИП. Со временем стал начальником отдела. Он окончил техникум и стал незаменимым специалистом на заводе. Его очень ценили коллеги и начальство. К несчастью, Борис Васильевич очень рано ушел из жизни — в сорок два года... Люде было восемь лет, а младшей Оле — всего шесть. Борис Васильевич умер от инфаркта в 1963 году. Тогда советская медицина еще не вполне сознавала опасность сердечно-сосудистых заболеваний. Например, рекомендовала много двигаться при инфаркте, что, конечно, противопоказано. И немало людей было загублено неправильным лечением. Через короткий промежуток времени и тоже от инфаркта умерла родная сестра Бориса Дина Васильевна Кузнецова. Примерно в том же возрасте. Заболевание было наследственным...

Бориса Васильевича увезли в больницу прямо из поликлиники. Из-за халатности участкового доктора серьезность симптомов была установлена не сразу. Драгоценное время было упущено. Вечером Зинаида Васильевна пришла в больницу его навестить и передать еду, но ее не пустили, сославшись на неприемные часы. А ночью он умер.

31 января Зинаида в полном неведении шла на работу, а там уже знали о страшной новости. Из больницы позвонили не близким, а прежде всего известили производственный коллектив... Так случилось, что в тот день друг и коллега Бориса Гришина Борис Алексеев шел на работу вслед за Зиной — и боялся, что она обернется. Не хотел быть вестником такого несчастья.

Оле на всю жизнь запомнился печальный день папиных похорон. И острее всего в память врезался хвойный запах. В подъезде стоял траурный венок с еловыми ветками, — а девочка была слишком мала, чтобы осознать до конца, что происходит. Почему-то мамы подруги утешают маму и уговаривают, что она молодая и еще выйдет замуж... Даже ребенку чужд этот жестокий диссонанс потери близкого и какой-то прагматичной суеты. Хотя еще долго не будет вериться в то, что папы не стало. Он был мастером на все руки, и было так заведено, что он чинил игрушки из детского сада. Все уже к этому привыкли. И вот Оля приносит очередных сломанных

247.
Борис Гришин.
1942 г.

кукол, или это были машинки, или еще что-то очень важное для шестилетнего человека, — и тут понимает, что папы-то уже нет. Как это может быть?! Вот так.

И всю жизнь хвойный запах будет отзываться во всех нервных клеточках печалью, а не новогодними праздниками, как для остальных людей. Потрясение, сильная психологическая травма — особенно детская! — всегда оставляют шрамы на органах чувств... Борису было так мало отпущено времени для семейного счастья, он не увидел, как росли его дочки, но он им запомнился. Как играл с ними, дурачился, учил что-то мастерить... Он любил заниматься с детьми, а именно любовь очень важно чувствовать в раннем детстве. Тот, кто близок ребенку в эти трепетные годы, — тот Пигмалион для его эго и психофизики. Даже если потом он уходит, исчезает из жизни...

248.
Борис Гришин.
1945 г.

249.
Зинаида и Борис
Гришины. 1947 г.

248

249

Бориса Васильевича очень любили друзья и коллеги. Это Оля ощутила по тому, как их семья, маме, оставшейся одной с двумя детьми, старались помочь окружающие люди, и насколько свято соблюдался день памяти — 31 января. Дядя Боря Алексеев помогал семье все жизнь, и даже похлопотал за Олю, когда она поступала в институт. Речь, конечно, шла не о взятке, но то, что он слово замолвил, — в то время уже было много.

Память о муже Зинаида Васильевна берегла до самой смерти, не только ежегодно собирая дочерей, зятьев и внуков в день его памяти, но и тщательно сохранив все его документы и все, что связано с ним и с его предками.

Искра таланта

Борис Васильевич Гришин родился 30 мая 1920 года в Ярославской области, в Тутаевском районе, на Константиновском заводе, позже завод им. Менделеева. О его матери Клавдии Федоровне Гришиной, урожденной Щепаловой, будет рассказано отдельно — она особенный человек, проживший долгую жизнь, которому необходимо посвятить отдельное повествование. А вот о ее муже Василии Николаевиче Гришине (1892–1934), к сожалению, почти ничего неизвестно. Вероятно, он был участником Первой мировой войны. Умер очень рано, от сердечного приступа в кабинете зубного доктора.

А его сын Борис Гришин, согласно красноармейской книжке, выданной в 1942 году, окончил девять классов поселковой школы. В семнадцать лет пытался поступить в летное училище, но шел 1937 год, а его дядя Илья Федорович Щепалов в это время был арестован, и Бориса не приняли. Хотя он с детства интересовался техникой, прекрасно разбирался в любых приборах, сам мог собрать радио и починить все что угодно. В его трудовой книжке первая запись от 13 октября 1938 года — мастер КИП на нефтезаводе им. Менделеева.

Героическая страница его жизни — участие в Великой Отечественной войне. В 1940 году Борис был призван в ряды РККА. Служил в Москве, в ОХР особого назначения. В 1941 году был назначен на должность водителя, потом слесаря. Судя по сохранившимся удостоверениям, у Бориса была квалификация водителя мотоцикла и шофера III класса. В 1941 году Борис Васильевич участвовал в обороне Москвы, за что получил в 1944 году медаль «За оборону Москвы». К сожалению, сама медаль не сохранилась, но удостоверение есть. Также сохранилось еще одно удостоверение к медали за участие в Великой Отечественной войне: «Ефрейтор Гришин Борис Васильевич указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1945 года награжден медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

250.
Борис и Зинаида
Гришины. 1950-е
годы

Звание ефрейтора Борису было присвоено в 1943 году, а в 1945 году он был переведен в автороту. Так что демобилизовался Борис Васильевич только в 1946 году. В том же году Борис по спецзаданию выезжал в Грозный. Борис участвовал в каких-то операциях. Но об этом он ничего не рассказывал. Он прошел войну, затем новые страшные переживания и очередной удар в его сердце...

К несчастью, впереди у семьи Гришиных были еще более страшные испытания. Зинаиде и Борису было суждено пережить потерю двоих сыновей — первенца Александра Борисовича Гришина (1946–1948) и второго сына, которого тоже назвали Шуриком, Александра Борисовича Гришина (12.04.1950–31.03.1954).

Оправиться после таких потерь Зинаиде и Борису помогло то, что в октябре трагического для них 1954 года родилась их старшая дочь Люда. И тогда же Борис и Зина получили первую в своей жизни комнату в доме №1 квартала №2 Капотни на первом этаже. Но прожили там недолго и переехали в дом №11 у стадиона.

Вскоре, в 1956 году, родилась младшая сестра Людмилы Ольга. Обеих сестер крестили, хотя в то время это запрещалось на государственном уровне. За то, что человек ходит в церковь, его могли уволить с работы или исключить из института. Но люди искали тайные тропы к Богу...

В конце пятидесятых семья получила отдельную квартиру в доме №4 квартала №1 на первом этаже, а через год переехали в соседний дом №5 на второй этаж. В этой квартире и сейчас живут потомки семьи Гришиных. А жили тогда скромно. Борис Васильевич многое из обстановки делал сам — руки у него были золотые. Сделанное им выполняло свою миссию не хуже современной дорогой мебели. Борис Васильевич не был только лишь узким мастеровитым специалистом — он был человеком всесторонне развитым и способствовал развитию талантов своих детей. Он покупал много книг, подписывался на собрания сочинений и постоянно пополнял домашнюю библиотеку.

251.
Борис Гришин
с дочерьми —
Людмилой
и Ольгой. Начало
1960-х годов

252.
Борис и Зинаида
Гришины с до-
черьми — Люд-
милой и Ольгой.
Анапа, 1961 г.

Даже несмотря на то, что Люда и Оля были еще очень маленькими, когда ушел из жизни их отец, он... остался лучшим отцом на свете. Иначе и быть не могло — детская душа знает и помнит больше точной хроники событий. Запечатлелись волшебные поездки на море — в Анапу, в Геленджик, и в Абхазию, в уютный городок Леселидзе. А одно из самых значимых событий — покупка рояля, что имело судьбоносное значение для девочек. Обе они окончили музыкальную школу, а для Людмилы Борисовны музыка стала делом жизни. И первым увидел в ней дарование именно ее папа. Первооснова для будущей личности — вера родителей в своего ребенка и чуткость в отношении пробивающихся ростков таланта.

Горькая тайна

Навещала Люду и Олю и бабушка с папиной стороны, Клавдия Федоровна Гришина, урожденная Щепалова (07.01.1896–19.01.1993). Из всего старшего поколения она единственная была долгожителем. Ее муж, Василий Николаевич Гришин, как уже было упомянуто, умер очень рано. Родом он был из Ярославля, а Клавдия Федоровна родилась в старинном русском городе Тутаеве Ярославской области, а жила на Константиновском заводе. Ее отец Федор Щепалов один из первых приплыл на нефтяной барже в Константиново из Балахны с опытного предприятия. Было это в 1879 году. Здесь, на Константиновском заводе (в 1934 г. заводу было присвоено имя Д.И. Менделеева), Федор поднимал производство нефтяных минеральных масел, которые по качеству превзошли американские и другие зарубежные аналоги. Так что история рода Гришиных не случайно связана с нефтью...

Историческое название Тутаева — Романов-Борисоглебск, так он назывался до революции, а еще раньше, до 1822 года, это были два самостоятельных города Романов и Борисоглебск, располагавшиеся на противоположных берегах Волги. Оба города были живописны и богаты на архитектурные памятники. Соединившись, они стали одной из жемчужин Золотого кольца России.

Романов был основан во второй половине XIII века углицким князем Романом Владимировичем. Примерно в то же время, но раньше, возник Борисоглебск. Сюда переселялись от татарского нашествия ярославцы. А потом к поселенцам приехал князь и увидел на другом берегу идеальное место для укрепленного города. Так и возник Романов. Поселение разрослось до Борисоглебской рыбацкой слободы, которую называли в честь первых русских святых князей Бориса и Глеба. В XVI веке Иван Грозный массово переселял татар на ярославскую землю. Один из следов их пребывания здесь — развитое в Романове и Борисоглебске овцеводство, давшее знаменитую породу романовских овец.

В Смутное время в начале XVII столетия Романов был разграблен и сожжен, но возродился. Здесь начало развиваться корабельное дело, строились суда-«романовки», отличавшиеся быстроходностью и маневренностью. А во второй половине XVII века здесь был возведен Крестовоздвиженский собор. В это же время в Борисоглебске был построен Воскресенский собор. И тот, и другой храм — впечатляющие образцы русской архитектуры, созданные ярославскими и костромскими мастерами — камнерезами и художниками. В период

XVII–XVIII веков здесь были построены и другие живописные храмы, придающие городу незабываемый облик.

После революции город Романов-Борисоглебск переименовали в Тутаев в честь погибшего красноармейца, а с 2015 года ведется обсуждение о возвращении городу исторического названия.

Клавдию Федоровну многое связывало с родиной, с Ярославлем — здесь осталась вся ее родня, братья с семьями. А сама Клавдия Федоровна уехала с семьей своей дочери Дины в Башкирию, в город Октябрьский. Туда направили работать мужа Дины Бориса Александровича Кузнецова. Однако родная Ярославская земля всю жизнь манила ее обратно, а прожила Клавдия Федоровна 97 лет.

Так вышло, что она надолго пережила двоих детей — и сына, и дочь, но была в ее жизни и еще одна трагедия. В конце войны Клавдия Федоровна, будучи вдовой, родила мальчика, Владимира Гришина (первая половина 1940-х–1992?), который был болен синдромом Дауна и рождение которого ее старший сын Борис воспринял очень болезненно. Приезжая в Москву, Клавдия оставляла Володю у дочери Дины на это время. Дина вместе с мужем помогали матери управляться с больным ребенком, хотя можно только предполагать, насколько это было для всех непросто. И как горька эту ситуация была для Клавдии. Она несла тяжкий крест, и при этом испытывала глубинное чувство вины... Невыносимая двойная тяжесть! Бесчеловечное время, когда тоталитарная мораль и идеология вытесняли милосердие и сострадание. Но добрые и порядочные люди были и есть в любую эпоху. Клавдия Федоровна не отдала Володю в интернат для детей-инвалидов и до самой старости заботилась о нем. Только перед самой ее смертью, когда Клавдии Федоровне уже самой нужна была помощь, Володя попал в лечебное заведение. Там он и умер.

Для Бориса эта страница семейной истории было особенно трагичной: столько страданий его семья перенесла, потеряв двоих детей,

253.

Клавдия и Василий Гришины с детьми Борей и Диной, г. Ярославль. Конец 1920-х годов

254.
Василий Гришин
в госпитале (пер-
вый слева). 1920-е
годы

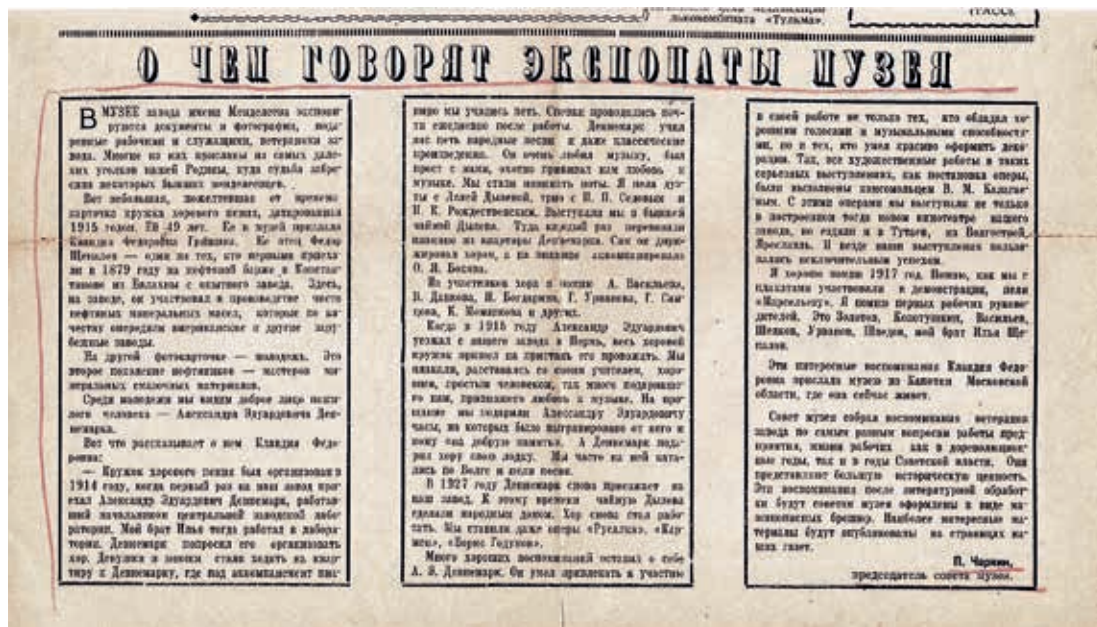
что напоминание о том, что еще с одним ребенком, близким по крови, случилось несчастье, было невыносимым. Все эти трагедии незаметно для окружения подтачивали его сердце: внешне это был красавец, фронтовик, душа компании. А внутри — кровоточащая рана... Можно сказать, что Борис Васильевич Гришин олицетворял один из лучших типов русского мужчины, который в силу глубинно жертвенного, самоотверженного характера по определению не мог прожить благополучную жизнь в жестоком XX веке.

Когда Дины не стало, Клавдия Федоровна осталась жить в Башкирии. К слову сказать, зять ее не бросил, заботился о ней, и она, в свою очередь, помогала ему с дочкой, когда он, спустя два года, снова женился. Клавдия Федоровна была заботливой и любящей бабушкой и участвовала в воспитании всех своих внуков...

У этой много пережившей женщины было необычное детство и романтическая история любви. В семье Щепаловых было три брата — Илья, Иван, Алеша и единственная дочь Клавдия. Их мама была женщиной незаурядной — она помнила все дни рождения, имена всех соседских детей — а детей тогда у всех было много! К ней часто обращались с просьбой написать прошение, так как она, одна из немногих, была грамотной. Все ее дети получили образование в церковно-приходской школе, а мальчики дополнительно окончили ремесленные учебные заведения.

У Клавдии был очень хороший слух, и она пела в церкви на клиросе. Но один из самых счастливых периодов в ее жизни связан с участием в молодежном хоре, и сохранилась статья, где она рассказывает

в местной газете про этот хор, который очень много значил в жизни заводчан и прославился в округе. А организовал его энтузиаст Александр Эдуардович Деннемарк, работавший начальником центральной заводской лаборатории. В организации хорового кружка участвовал и брат Клавдии Илья Щепалов, который тоже трудился в лаборатории, участвовал в рабочем движении и впоследствии был репрессирован. И каждый день после работы на квартире у Деннемарка стала собираться молодежь на спевки. Ярославская земля богата на музыкальные таланты, дело пошло. Александр Эдуардович был прирожденным педагогом, умел общаться с молодыми, у него получалось прививать им любовь к музыке. И вот уже заводские парни и девушки стали понимать ноты... А выступал хор в бывшей чайной Дылева, куда каждый раз перевозили пианино из квартиры Деннемарка! Настоящим под-

вижником был Александр Эдуардович... Клавдия потом вспоминала, что пела дуэтом с Лелей Дылевой, трио с П. П. Седовым и И. К. Рождественским — для нее это были светлые дни. А потом, в 1915 году, Деннемарк на двенадцать лет покинул Константиновский завод, уехал в Пермь. Он подарил своим воспитанникам лодку, на которой они плавали по Волге и пели... Как они тосковали по нему! Но, к счастью, ему было суждено вернуться в 1927 году, и хор возобновил свою работу.

4ое февраля 1916. Кашинск. Подольск.
Здравствуй дорогой друг Клавд!
Мило привить и пожелание всего
наммураго. Клавд! Вчера вечером
прибыли в Каш. Подольск. Мило нам
ночь верять 35. Дорога зима по какому
на урду. Руки не замерзают. Въ
Киеве насъ не останавливаем, а только
обходим. Клавд! Киев дорогой город,
черезъ Днепръ переехали ~~и~~ еще
миллионы, а здѣсь не дождя 15 верст
до Каш. Подольска переезжаем
черезъ рѣку Днепръ на паромахъ
потому что она не замерзла.
Здѣсь въ Кашин. Подольск. говорятъ, что
кто-нибудь еще простоять, мо-
жетъ быть и недолго и болѣе не
знаю. Клавд! Отсюда уже довольно
сильными вѣтрными орудіи, какъ грозы
даже земля вѣтриваетъ.
Даже иудалека и то биваетъ дуэтка.

Теперь уже все ясно! Ну конечно привидеть
ко вестнику. Пошади десятка неоплату да.
Клавдия! Я совсем не знаю как
своего адреса, а потом когда
мне определится в какой ни-
будь точке мне обязательно
а тогда напиши тебе.
Теперь Клавдия, не то что в
Ельце или Орле, здесь много
людей, и я не знаю где же
ты находишься. Клавдия! Перед тем
Муром и матерью отъезду
какой-то ~~в~~ в рожице.
Когда мы шли пешком, то поехали
две ночи и шамоповать в деревню.
Мне интересно посмотреть, на
все. Здесь говорят что еще будут
взятая, значит в бедном вь про-
травить. Ну Клавдия совсем не
знаю! Не сердись! Когда я напишу тебе
то ты мне напиши адрес в Ельце.
Вот так твой друг Г. Солнцев
8. утра

И даже в другом масштабе — теперь Деннемарк со своими подопечными ставил целые оперы: «Кармен», «Русалка», «Борис Годунов»... С этим репертуаром коллектив уже начал гастролировать, и выступал не только в новом заводском кинотеатре, но и в Тутаеве, Ярославле, Волгострое, и везде пользовался неизменным успехом.

Вся молодость Клавдии Федоровны прошла на Константиновском заводе. Здесь она встретила свою первую любовь — Григория Солнцева. Вскоре Григория забрали на войну 1914 года, и у Клавдии от этой любви остались лишь письма. Они сохранились — двадцать одно письмо.

А после гибели Григория Солнцева Клавдия вышла замуж за Василия Николаевича Гришина, и в 1920 году у них родился Борис, отец Людмилы и Ольги. Кто-то из родственников рассказывал, что до него у Клавдии был еще один сын Борис, но он умер в младенчестве. И второго сына тоже называли Борисом.

После его ухода Клавдия Федоровна, как и прежде, приезжала к его семье, Зинаиде и внукам, и вела домашнее хозяйство: готовила, что-то шила и очень много читала. Любила «Роман-газету» и другие журналы. Любила слушать постановки по радио, одновременно штопая носки или пришивая воротнички девочкам на школьную форму. В этой женщине, столько испытавшей, бил неиссякаемый источник любви.

Непреходящее

Так и шла жизнь — волна за волной, ступень за ступенью. В 1962 году Людмила пошла в первый класс. А в 1963 году безмятежная жизнь в одночасье закончилась. Умер отец. В тридцать шесть лет Зинаида Васильевна осталась вдовой с двумя маленькими детьми. Но сумела удержать семейный корабль в равновесии. После смерти мужа она окончила экономический вечерний техникум и поступила на должность экономиста. Кроме того, вечером подрабатывала на второй работе на заводе или в техникуме. При этом успевала и за учебой дочек следить, и всегда обеспечить их вкусной горячей едой, и фруктами, и поездками на юг. Не было в этой семье ни лишнего сюсюкания и потакания слабостям, ни скандалов и раздоров. Зинаида Васильевна сумела научить дочерей очень важным вещам — трудолюбию, целеустремленности и самостоятельности. Потому что знала, что это непреходящие ценности — и на ровной дороге, и в бурной реке. Как бы жизнь ни повернулась, ты обретишь свое место под солнцем и путь к своим вершинам, если, словно мышка из притчи, упав в бидон с молоком, сумеешь взбить масло и не утонуть. Так что на первом месте у девочек всегда была учеба, трудолюбие, дисциплина.

Но при всех тяготах быта мама сумела обеспечить их так, что они никогда не чувствовали себя обделенными. Зинаида Васильевна даже умудрялась дочкам модные обновки покупать, понимая, что одной дисциплиной сыт не будешь, и простые радости — это отдушина, цветные маячки в повседневности.

С третьего класса Людмила обучалась по специальности фортепиано в музыкальной школе № 33 на Воронцовской улице, что на Таганке. В этой же школе училась и Ольга. Зинаида Васильевна с детства приучала дочек к домашней работе, поэтому они рано научились и готовить, и содержать дом в чистоте. Зарплата Зинаиды Васильевны была 150-180 рублей, по тем временам не самая маленькая. Но на троих хватало с трудом. Так что жили от зарплаты до зарплаты, как и большая часть жителей необъятной советской империи. В один прекрасный момент в жизни Зинаиды появился человек, который

259.

Зинаида Васильевна Гришина.
1970-е годы

позвал ее замуж. Он был из Тольятти, у него были перспективы на только что построенном там заводе АвтоВАЗ... Об этом Оля с Людой узнали много позже, когда уж были взрослыми. А в детстве их мама никогда никого домой не приводила, и ни словом, ни намеком не дала понять, что может потревожить их покой вторым замужеством. Она бережно хранила память о Борисе.

Такой и запомнилась Зина своим дочерям — сильной, мудрой, красивой и строгой. Труженицей, которой под силу любая задача. Чье неброское величие — соль земли русской.

Счастливые перемены

Окончив школу, сестры выбрали разные дороги. Людмила продолжила музыкальное образование, а Оля поступила в институт (ныне РГУ) нефти и газа им. И. М. Губкина. Но изначально после школы она два раза пыталась поступить на литфак Педагогического института (ныне МГОУ) им. Н. К. Крупской. Не поступив, устроилась на завод. И так вышло, что, проработав два года в плановом отделе Московского НПЗ, Ольга решила связать свою профессию с экономикой. И эти два года оказались не только вынужденным шагом, а важной вехой в ее будущей карьере, потому что впоследствии, сразу после окончания института, бывший заводской начальник взял Олю на работу в Министерство нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности СССР. Без преодоления препятствий невозможно обретение своего «Я»...

Учась на третьем курсе, Ольга в начале сентября 1977 года поехала по путевке в пансионат. Там, отправившись вместе с подругами на теплоходную прогулку, она увидела человека, о котором совершенно непроизвольно подумала: «Надо же, ведь достался кому-то такой муж. Как жаль, если он женат...» Подумала без всяких притязаний — это был чистый экспромт подсознания, но именно так, подспудно и неожиданно для нас самих происходит самый точный выбор. Это то, что называют «химией», «искрой», и, в сущности, неважно, кого первого обожжет эта невидимая вспышка — мужчину или женщину. Этот «чей-то муж» предназначался не кому-то, а именно ей. Так произошла встреча Оли и Володи, Владимира Михайловича Федорина (род. 06.05.1952).

Этому эпизоду было суждено повториться в семейной истории Федориных, только с другими действующими лицами, в другом месте и в другом веке. Когда дочку Ольги и Владимира Татьяну впервые увидел ее будущий муж Дмитрий Наринский, он тоже подумал: «Кому-то очень повезет...Тому, чьей женой она станет». И родилась магическая формула счастливой приметы: подумай, что повезет кому-то, чтобы на самом деле повезло тебе. Впрочем, это древний как мир принцип переноса.

Но вернемся в век минувший. В самом пансионате Ольга и ее новый знакомый не виделись — отдыхающих там было много, люди приезжали по путевкам от разных предприятий. Владимир был на четыре года старше Оли, и он уже работал в ЦКБ машиностроения В. Н. Челомея, одной из ведущих организаций в СССР, а затем и России по разработке ракетной и космической техники. Так что круг общения

на отдыхе у этих двоих был разный. Но вот волею случая на теплоходной прогулке Оля, сама того не желая, встала на место Володи, которое он облюбовал вместе с друзьями, и пока выясняли суть да дело, завязалась ниточка отношений. С этого мимолетного разговора... они стали сближаться. И когда Олю, возвращавшуюся из той поездки чуть раньше остальных, пошел провожать Володя, его друзья шутили: «Все, пропал парень!» А свадьбу сыграли уже через семь месяцев! «Надоело мне тебя в Капотню провожать!» — как будто в шутку сказал будущий муж. Что ж, ему было куда привести невесту — Владимир своим трудом заработал собственную однокомнатную квартиру. Он ездил на сезонные работы, как тогда говорили, «шабашки», и строил дома-пятистенки. За одно трудовое лето он сумел купить квартиру в том же кооперативном доме, в котором жили его родители — на 16-й Парковой улице, в окрестностях станции метро «Щелковская». Так что в двадцать четыре года Володя обрел собственное жилье...

261.
Свадьба Ольги
Борисовны Гри-
шиной и Влади-
мира Михайло-
вича Федорина.
21.04.1978 г.

Его родители Нина Алексеевна Федорина, урожденная Швабе (02.12.1922–02.12.2005), и Михаил Васильевич Федорин (16.11.1923– 04.03.1994), как и мама Оли, с радостью отнеслись к известию о свадьбе. Зинаида Васильевна уже знала Володю, он часто бывал у Оли дома и полюбил пироги будущей тещи, которые она ему щедро давала с собой. Володя произвел на нее хорошее впечатление, и она была рада, что дочка выходит замуж за достойного человека. Что же касается недолгих раздумий в принятии столь важного решения — в то время к этому относились иначе.

Гораздо больше Зинаиду насторожило бы, если бы молодые решили пожить «не расписанными» и лучше узнать друг друга, как это принято теперь. Так или иначе, этот союз получил одобрение у родителей, что гораздо важнее, чем кажется порой юным и горячим... Свадьбу играли дома, в трехкомнатной квартире у Нины Алексеевны и Михаила Васильевича в апреле 1978 года. Кстати, незадолго до этого, 25 ноября 1977 года, вышла замуж Людмила. За Михаила Викторовича Кокорева (17.11.1950–24.02.2014), который работал на НПЗ в транспортном цехе. Это была очень красивая свадьба, которую праздновали в ресторане гостиницы «Украина», где у Миши с Людой работал друг. Оля с Володей решили не затевать дорогих торжеств, тем более, что на них тогда не было средств, а заниматься не хотелось. Володя тогда продал свое дорогое горнолыжное снаряжение, выручил рублей двести, которые и покрыли расходы на торжество. И домашняя свадьба получилась не хуже ресторанной, по-

262.

Лена Федорина
с сестрой Таней.
Июль 1984 г.

тому что бабушки и мамы с обеих сторон закатили шикарный стол: была и белуга, и всевозможные заливные, и холодцы, и знаменитые пироги Зинаиды Васильевны... — но главное ведь атмосфера! А она и была по-настоящему свадебной — веселой и бесшабашной. Были самые близкие друзья-студенты, человек тридцать. По русской традиции надо было гулять два-три дня, и на второй день поехали в Капотню, и там уже собрались многочисленные Олины родственники.

Оля была в восторге от их отдельной квартиры — пускай однокомнатной и на первом этаже. Разве в молодости думаешь об этих

мелочах?! Однажды она привела сюда всю свою институтскую группу, в которой учились почти только иногородние ребята, ютившиеся в общежитии. Для них своя квартира тогда была мечтой. Жарили картошку, варили сосиски, кто-то мыл голову в ванной, улучив момент. И ведь именно такие кадры оживают в памяти, согревая нас ощущением полноты жизни...

Седьмого сентября 1979 года у Ольги и Владимира родилась дочь Лена, Елена Владимировна Федорина, в замужестве Полуюффа. А через полгода у Людмилы и Михаила родилась ее двоюродная сестра Оля, Ольга Михайловна Кокорева, в замужестве Крылова (род. 16.04.1980). А 15 июня 1984 года родилась младшая сестра Лены Таня, Татьяна Владимировна Федорина, в замужестве Наринская.

В Капотне в тот период и жилье строилось активно — преимущественно двенадцати- или шестнадцатизэтажные корпуса с улучшенной планировкой. Летом 1978 года Ольга и Володя вместе с Людой и Мишей отдыхали в Геленджике — можно считать, это было их свадебное путешествие, подарок от заботливой мамы Зинаиды Васильевны. А вскоре, той же осенью, Зинаида получила от завода однокомнатную квартиру в новом доме с двумя лоджиями на седьмом этаже, с видом на Москву-реку. Но осталась у нее заветная мечта о даче.

263.
Тане Федориной
1 год. Быково.
Июнь 1985 г.

Место силы

Дача — тема особенная! Есть натуры, которым необходим живой контакт с землей. Именно выращенное собственными руками дает им ощущение дома и сопричастности к созидательному смыслу вселенной. Свой участок у Зинаиды Васильевны появился только в 1989 году. А в начале 1980-х Владимир Федорин работал в ЦК ВЛКСМ, в отделе научно-технического творчества молодежи (НТТМ) и организовывал выставки изобретений молодых дарований. И это давало ему право на государственную дачу в Быково. Это было живописное место, сосновый подмосковный рай, в котором семья Федориных провела не одно лето. Светлые воспоминания: Лена там научилась ездить на велосипеде, Таня совсем маленькая, недавно родилась...

А в 1989 году Зинаиде Васильевне дали на заводе участок между Электрогорском и Киржачом, в ста километрах от Москвы. Рабочий стаж у нее был большой, она долго не выходила на пенсию, а в конце 1980-х устроилась работать на заводской склад. Там она смогла доставать стройматериалы, а потом уже Володя и Оля взяли все расходы на себя и начали строительство дома. И в 1990-м здесь уже можно было жить. Зинаида Васильевна эту дачу обожала! Она была очень активным человеком, умела приспосабливаться к любым условиям и уютно обустраивать быт. На первых парах, когда дача еще строилась, она вместе с маленькой Таней жила в теплице и готовила на костре. Лена и Оля, конечно, тоже помнят эти моменты. Зинаида Васильевна достала на работе металлические уголки 5x5, с их помощью Володя сделал основу теплицы. Внутри поставили печку — вот и сарайчик готов! Бабушка умудрилась еще и кур там развести. А для внучек «тепличный» период был целым приключением... Отсутствие удобств бабушку Зину не пугало, ведь она выросла в деревне, а вот возделывать землю и кормить плодами своего труда — в этом была ее непреходящая радость и глубинный голос предков. В ее огороде всегда созревали и картошка, и морковка, и огурцы, — словом, полный набор дачника. Из всех ее внучек больше всех любила дачу Таня, с удовольствием туда ездила и помогала бабушке выращивать урожай. Хотя ездили, конечно, все, и отдыхали каждое лето — и Лена, и Оля, и Таня пололи и поливали, а вечерами бабушка отпускала их гулять. Таня вспоминала:

Лето с бабушкой — один из лучших моментов детства. Тем более, что в лагерь я ездить не любила, мне там было одиноко. А с бабушкой я всегда чувствовала

264.
Зинаида Васи-
льевна с дочерью
Ольгой и внучка-
ми Леной и Таней
в Быково. Июнь
1985 г.

тепло и заботу. Только сейчас понимаю, сколько у нее было на даче работы, особенно поначалу. Воду приносила, манную кашку варила на костре, пока я сплю, — а воды в нашей глухомани не было, даже не знаю, куда она за ней ходила, пока у нас не появился свой колодец. Когда я была совсем маленькая, то какой-то период жила у бабушки Зины постоянно — у родителей был напряженный период на работе. Помню ее часы с кукушкой. Даже первые мои слова были «баба ку-ку».

...Дачу постепенно благоустроивали. Провели скважину, позже — горячую воду. Но зимой там жить было нельзя — дороги заметало, их по большому счету и не было, проехать к дому было невозможно. Так что в октябре дачу закрывали на зиму. Но как только начинался сезон, в конце апреля, — Зинаида Васильевна стремилась к своему любимому «месту силы». Там она чувствовала себя счастливой... и до самого момента, когда уже слегла, попала в больницу, она ездила на дачу и ухаживала за своим огородом.

Внучки обожали бабушку Зину, заботливую, душевную, по-житейски строгую и одновременно внимательную к заветным детским мечтам. Любили к ней ездить и в Капотню, только это получалось нечасто, потому что Зинаида Васильевна работала, и так просто в будни ее было не застать. Но она всегда делала пребывание у нее интересным и содержательным. Простой поход в магазин она превращала в познавательную прогулку. Она и песни с внучками разучивала, и книжки им читала, и интересные истории рассказывала. На даче обязательно внучек за грибами с собой брала, даже когда уже чув-

ствовала себя неважно. Но такой уж у Зины был характер — натура деятельная и созидательная. Пережив столько горя, она сохранила душу стремящейся к свету, оградив ее от тлена отчаяния.

Лена любила навещать бабушку, даже став взрослой и выйдя замуж. Зинаиду Васильевну тогда уже подтачивал диабет, но ее до последнего возили на любимую дачу. И она оставалась источником душевного тепла и радости для близких.

Волшебный фонарь

А в течение года Лена и Таня бывали и у другой своей бабушки — Нины, Нины Алексеевны Федориной. Она забирала Лену из детского сада — жила в том же доме на 16-й Парковой. Лена помнит, как бабушка кормила ее мороженым, а дедушка Михаил Васильевич разгадывал кроссворды, и она любила пристроиться к нему и разгадать что-нибудь вместе. Нет ничего интересней для ребенка, чем участие во взрослом деле! Лена начала говорить очень рано, была очень способной, особенно к языкам, так что со словами она дружила. А еще дедушка много курил, за ужином всегда выпивал стопочку, и у него была своя фотолаборатория в маленькой комнатке. Он увлекался фото и видеосъемкой...

Запомнился Лене и двор дома на 16-й Парковой, где она очень рано начала гулять сама — лет с пяти. И вволю качалась на качелях — любимый атрибут дворового детства. Любимый, вечный, неизменный, одно из древнейших развлечений человечества... Доносящийся с улицы скрип качелей рождает сонм аллюзий. В советские времена детей не боялись выпускать во дворы, где все друг друга знали и за ребенком могли приглядеть. Собственно, необязательно было знать всех: простодушным советским людям зачастую в голову не приходило, что с их чадом может случиться непоправимое. Многие искренне «жили в самой счастливой стране». Качели скрипели, в песочнице лепили куличики и кексы, на скамейках высаживался десант всезнающих бабушек. Везунчики мельтешили вокруг на велосипедах марки «Школьник», «Салют», «Кама», а кто-то шиковал на звезде отечественного автопрома — мопеде «Рига» или заграничной «Верховине»...

Но стоит заметить: это лишь антураж. Порой кажется, что в Советском Союзе все жили одинаково, — но это иллюзия. И весьма опасная. Именно это и дают понять книги, посвященные истории семьи и рода.

Ни в одну эпоху люди не живут одинаково. Всем нам дается уникальный путь. Человеческая душа на то и божья частица, что не повторяется и дает возможность каждой личности быть творцом, создающим нечто особенное, рождающим мысль, до него никем не изреченную. Таким образом, глубинно никто не живет «как все», каждый из нас по-разному переживает эпоху и ее экстремумы. Однако нельзя отрицать, что в описываемые годы люди жили примерно в похожем один на другой вещественных мирах. Потому как материальная жизнь у львиной доли граждан была очень скудна. Одни и те же

типовые квартиры, шкафы-«стенки», одинаковые ковры на стенах, у детей — одна школьная форма и похожие ранцы, одна и та же убогая одежда, шапки-ушанки, майки-«соколки», треники с оттянутыми коленками, войлочные тапки... Кто-то остро хотел вырваться из этого убожества, кто-то уходил во внутреннюю эмиграцию, а кто-то был счастлив и тому, что не сидит в тюрьме.

А кто-то был счастлив, просто потому что был молод. Или потому что любая эпоха преображается в волшебном фонаре нашего детства.

...К бабушке Нине Лена и Таня ездили в зимние каникулы, она оставалась с внучками, когда их по возрасту еще нельзя было брать на море, — и тогда Володя и Оля могли съездить в отпуск в Сочи, Нарву или Гурзуф. А потом, конечно, они уже ездили с детьми — и в Сочи, и в Михайловское под Туапсе — в дом отдыха «Орленок». Черное море для советских граждан было главной здравницей, — кроме него, еще Прибалтика, Рижское взморье. Заграничные красоты были им недоступны, что современным детям, наверное, уже и представить сложно...

В середине 1980-х семья Федориных переехала в новую трехкомнатную квартиру на ул. Изумрудной. Одно из первых — и пронзительных! — воспоминаний Лены о новой квартире — канарейка. Подарок бабушки Зины на день рождения. Лене семь или восемь лет. Она, как и многие дети, мечтала о домашнем любимце, и даже принесла с улицы котенка, который оказался очень большой и слабенький. Лена заразилась от него лишаем, и ее долго от него лечили. Несчастный котенок умер на руках бабушки Зины, а она во избежание впредь подобных трагедий подарила Лене птичку. Вопреки родительским запретам на живность. Это было непередаваемое счастье! Канарейка, конечно, стала любимицей, и Лена сама за ней ухаживала. Переживала за нее, когда та сломала лапку и заново училась летать... и какое же было безутешное горе, когда птичку нечаянно прижали дверью! С той первой любимицы началось увлечение пернатыми, и у Лены в воспитанниках уже появились попугайчики.

В том же возрасте она по своему желанию, без всякого наказания со стороны родителей начала заниматься музыкой. Даже сама поступила в музыкальную школу! И окончила ее — музыкальную школу им. Г. В. Свиридова. Поступив, через несколько лет Лена немного охладела к этой «каторге», но мама уговорила ее не бросать музыкальную школу. Можно сказать, настояла. Интересно, что родители тех детей, что перестали заниматься, Ольгу Борисовну тогда не поняли. Дескать, зачем заставлять? И вроде в этом вопросе действительно есть смысл. Но эта дилемма на поверку оказывается очень поверхностной. В жизни ребенка, который сейчас бросит начатое, будет

еще много ситуаций, когда ему, уже взрослому, тоже захочется все бросить. Обмануть себя рациональным аргументом, что его цель более не актуальна. А на самом деле это просто уход от трудностей. Которые, кстати, будут бесконечно повторяться в судьбе, если ты не научишься доводить дело до конца. Музыка — один из лучших способов развития гармоничной разносторонней личности и творческого начала. Но осознаешь это, уже повзрослев... И Лена никогда потом не жалела, что не бросила фортепьяно.

267.
Таня Федорина
в танцевальной
группе ритм-балет
«Экшн». Конец
1990-х годов

А Таня, участь еще в младшей школе, выбрала свой путь — танцы. Занималась и с удовольствием, и с успехом. Но вначале ей пришлось преодолеть серьезные препятствия. Которые могут деморализовать и взрослого человека, не говоря уже о десятилетнем ребенке. В начальных классах она хотела пойти в музыкальную школу учиться играть на флейте. Видимо, тут возобладали музыкальные гены и пример старшей сестры. Но музыке она учиться не стала, потому что на самом деле ей хотелось... танцевать! При ее школе был танцевальный кружок. Руководила им энергичная Татьяна Викторовна. Ее маленький кружок давно вырос в модельное агентство, — впрочем, и в ту пору там был строгий специальный отбор. И Тане сказали, что у нее нет чувства ритма и необходимой музыкальности! Она была в отчаянии. Однако желание заниматься танцами было столь велико, что ей хватило моральных сил подойти к руководителю и умолять:

«Пожалуйста, возьмите меня!» Сила этого желания и честная детская непосредственность подкупили Татьяну Викторовну. Она взяла настойчивую девчущку — и никогда не пожалела об этом! Почти сразу Таня и ее подруга Женя стали солистками, и так было все время, пока существовал их ритм-балет «Экшн». Выходит, были у Тани и чувство ритма, и музыкальность... Танцевальный кружок — один из самых счастливых периодов детства. Три-четыре тренировки в неделю, в выходные обязательно выступления. Жесткий график! Немаловажно и то, что их коллектив все время развивался. Сначала участники шили костюмы сами, потом к этому подключили профессионалов. Постепенно их труппу стали приглашать для подтанцовок у поп-звезд. А однажды они съездили на гастроли в Арабские Эмираты. Летом, в самое пекло! Это был экстремальный, но очень интересный опыт. Таня танцевала в этом коллективе вплоть до последнего курса института. Была одним из самых преданных его участников. Кроме того, в десятом классе она стала преподавать сама — в кружке степ-аэробики при школе! Ее подопечные, взрослые «тетеньки», были очень довольны своей наставницей — она их гоняла «не по-детски». «А ведь мы сначала не хотели брать Федорину!» — нет-нет да и удивлялась самой себе Татьяна Викторовна... Потом у нее сместились акценты в сторону модельного бизнеса, и концертная деятельность ритм-балета постепенно пошла на спад. Но Таня с благодарностью и трепетом вспоминает свои танцевальные годы.

Так что можно сказать, что гены прабабушки Клавдии продолжились в обеих сестрах Федориных. Сближало ли это? Да ведь львиная доля из нас знает, как живут старшие с младшими, особенно если разница чувствительная — пять лет. Когда Таня была маленькая, Лене как старшей поручали ее пестовать. Забирать из садика, потом из школы, следить за ней дома. Воспитательной миссии пришлось хлебнуть по полной. Конечно, порой от этого хотелось улизнуть... или чтобы младшенькая куда-нибудь на время исчезла, и находчивая Лена стала подкупать сестру жвачкой — чтобы она вышла из дома и не мешала ей во «взрослых» делах. А младшим, конечно, обидно, что все над ними начальники, и зреют в них

268.

Таня Федорина
в танцевальной
группе ритм-балет
«Экшн». Конец
1990-х годов

269.
Таня Федорина
в танцевальной
группе ритм-балет
«Экшн». Конец
1990-х годов

потихоньку бунтовщики. Но тут обходилось веселой борьбой на кровати, которая, конечно, могла закончиться и поцарапанным ухом. Хотя в целом все было мирно.

Таня хоть и младшая, но была очень самостоятельная. И в ее характере была черта, которая очень удобна окружающим, — она старалась не доставлять никому ни проблем, ни неудобств. И при этом ей всегда был присущ активный альтруизм. Натура, гармонизирующая мир вокруг себя. Ольга Борисовна с улыбкой вспоминала:

Не помню, чтобы у моих детей был переходный возраст, разве что однажды я случайно услышала, как они ссорятся в своей комнате, лежа на двухъярусной кровати. Таня с по-детски мстительной интонацией парирует: «Если так... тогда я расскажу маме, что ты курила!» Я, конечно, заинтересовалась. Но они, видимо, в меня, и просто попробовали один раз — им не понравилось... Помню только, что родительские собрания для меня были пыткой. Хотя я искренне не понимала, что в их поведении учителям не нравилось! Учились они хорошо, дома не хулиганили, а в школе я выслушивала постоянные претензии к ним. Может быть, они просто слишком независимо себя вели? Но интересно то, что на встречах выпускников их, наоборот, больше всех хвалили...

Сильная личность в момент формирования начинает выходить из берегов. Пробует освободиться от спуда системы или учится ужиться с ней наименее травматично для себя. Отсюда и все эти школьные трения с учителями. Лена была самодостаточная, волевая. И деятельная: кроме музыки, занималась рисованием и вязала крючком и спицами. Обвязывала всю семью! А потом сама научилась играть

на гитаре — в период, когда школьная музыкальная классика уступила место дворовой романтике. В старших классах и на первых курсах института Лена уже стала зарабатывать — давать уроки английского детям. Она прекрасно владеет английским, хотя ни в спецшколе, ни в языковом ВУЗе не училась. Но два раза ездила в Англию на кратковременную учебу, и это ей очень помогло.

Таня была более мягкая, ласковая, домашняя. Лена обожала пионерские лагеря, а для Тани они были пыткой. Хотя дело было не в характерах, а опять же в возрасте: Лене уже лет двенадцать, она любительница разных конкурсов, на которых непременно побеждает, а Таня еще первоклашка и скучает по дому... Однако, уже будучи в институте, Таня, что называется «догонит и перегонит» старшую сестру и победит на институтском конкурсе красоты! Без чьей-либо помощи и протекции.

270.

Татьяна Федорина — победительница конкурса красоты финансово-экономического института. Москва. Ноябрь 2004 г.

Так что меры и сравнительные степени в определении характеров всегда условны. Главное, что обе сестры в детстве чувствовали свободу, которую родители не сдерживали запретами. Может, поэтому подростковая и юношеская любовь обошлась без опасных трагедий, и при этом жажда первого чувственного опыта не была подавлена. А когда Таня перешагнула порог совершеннолетия, и сестры уже смогли общаться на равных — тогда и подружились по-настоящему. Вопреки математическим законам, разница в возрасте с годами исчезает совсем. И уже ничто не мешает родству душевному, без которого кровное родство — чистая физиология.

Река жизни

В 1987 году Владимир Михайлович первый раз съездил во Францию, а в 1989-м Федорины купили машину. О собственном автомобиле они и не задумывались, но вдруг возник шальной вариант — без очереди купить «семерку». Она стоила тогда семь тысяч рублей, а в наличии было только три с половиной. Четыре тысячи одолжили родители Владимира Нина Алексеевна и Михаил Васильевич. И как раз в этот момент министерства стали распадаться и начали образовываться ассоциации. Ольгу Борисовну взяли в такую ассоциацию на должность главного специалиста на зарплату 450 рублей. И у Владимира Михайловича оклад повысился до пятисот. Это были высокие заработки для того времени, и поэтому получилось довольно быстро отдать долг родителям. В тот же период появляется дача — и красавица вишневая «семерка» оказалась весьма кстати. Между тем в стране началась эпоха перемен. 1990-е годы, памятные всем, кому довелось их пережить. Для кого-то это было долгожданное дуновение творческой свободы, для кого-то внезапная потеря почвы под ногами, для кого-то, напротив, возможность выбиться в дамки. Предприятия закрывались, люди теряли рабочие места и средства к существованию. Многим приходилось выбирать между призванием и необходимостью кормить семью. А кому-то просто повезло... Трагедия, фарт, адреналин и та самая «невыносимая легкость бытия» смешались в один гремучий коктейль. У каждого были свои испытания.

Семья Федориных в эти годы строила и благоустраивала дачу, которую так любила Зинаида Васильевна и которая более двадцати лет была местом отдыха и теплого родственного общения. Здесь построили дома и семья сестры Зинаиды — Раиса Васильевна с мужем Константином Ивановичем и дочерью Мариной, и Людмила с Михаилом и дочерью Олей. Но это и время потерь. Начали уходить родные. Сначала — в 1994 году отец Владимира Михаил Васильевич, затем, в 1999 году — Раиса Васильевна, а уже в 2002 году — сама бабушка Зина.

Но и не только испытания — в семье Федориных в этот период началась эпоха горных лыж. Конечно, благодаря отцу семейства Владимиру Михайловичу, который с юных лет прекрасно владел этим видом спорта и приобрел всю семью. И всех научил — и жену, и дочек. Любимым их местом горнолыжного отдыха стала Франция. Правда, в полном составе они не выезжали. Во-первых, в тот момент появился домашний любимец — пес Алекс. А, во-вторых, у Лены уже началась своя студенческая жизнь, ей было интересней

остаться одной дома. Но один раз, участь в институте, она с папой и со своей подругой Настей все же съездила на горнолыжный курорт. Владимир Михайлович поставил на лыжи и Лену, и Настю. Причем Настя обнаружила явные способности, а вот у Лены не пошло. Зато Таня каталась с удовольствием! Папа вообще много уделял внимания занятиям — помогал дочкам с уроками, когда это было нужно, и готовил к поступлению в институт. Что же касается бремени метаморфоз, то в любые времена река жизни находит где проложить свое русло. Перемены не освобождают нас от величин постоянных. Уже хотя бы потому, что надо растить детей и дать им надежную основу для будущего, сколько бы неожиданностей оно нам ни сулило. И надо поддерживать старшее поколение, которое далеко не всегда может преодолеть и принять новые условия.

271.
Татьяна Федорина на лыжах во Французских Альпах. 1997 г.

Все три внучки Зинаиды Васильевны состоялись и в профессиональной, и в семейной жизни. Она бы ими гордилась — хотя частица «бы» здесь неуместна, она видела их потенциал, когда они еще были непокорными подростками, которых она «веником гоняла». Оля, Ольга Михайловна Кокорева, в замужестве Крылова, окончила Государственный университет прикладной биотехнологии, а затем заочно Московскую академию предпринимательства при Правительстве г. Москвы. Работает в Департаменте соцзащиты

г. Москвы. У Ольги и Андрея Крыловых дочери Татьяна Андреевна Крылова (род. 23.12.2006) и Евгения Андреевна Крылова (род. 09.06.2012).

Лена, Елена Владимировна Федорина, в замужестве Полулюфта, в 2000 году окончила с отличием факультет «финансы и кредит» Московского финансово-экономического института при Финансовой академии при Правительстве РФ, ныне Финансовый университет при Правительстве РФ. Ее специальностью стала экономика. Девять лет после окончания ВУЗа она работала в «Сибуре», крупнейшем нефтехимическом холдинге России. А в 2009 году Елена повысила свою квалификацию — окончила магистратуру в Московском университете дружбы народов по специальности «управление бизнесом». В 2010 году она создала свое собственное дело, и сейчас у нее два детских клуба «Малина». В 2000 году она вышла замуж за Артема Владиславовича Полулюфту (род. 09.11.1976). У Артема и Лены три сына — Матвей Артемович Полулюфта (род. 03.12.2003), Владислав Артемович Полулюфта (род. 15.08.2012), Максим Артемович Полулюфта (род. 21.03.2015).

Таня, Татьяна Владимировна Федорина, в замужестве Наринская, в 2006 году тоже окончила финансово-экономический институт, факультет «финансы и кредит». Уже в процессе учебы она проходила практику в «Абсолют-банке», в который ее взяли на работу после окончания института как ценного молодого специалиста. Здесь она позна-

272.

Ольга Борисовна и Владимир Михайлович Федорины с внуками Арсением и Екатериной Наринскими. Ницца, 2013 г.

273.

Татьяна Наринская с сестрой Еленой Полулюфтой в Ницце. 2014 г.

272

273

комилась со своим будущим мужем Дмитрием Вадимовичем Наринским (род. 08.10.1974), чья компания имела партнерские отношения с «Абсолют-банком». Его фирма, одна из немногих на рынке, не только продает, но и сама создает продукт — офисные здания. В 2010 году Дмитрий и Татьяна поженились. 10 ноября 2010 года в семье Наринских родилась дочь Екатерина Дмитриевна Наринская. 22 февраля 2012 года родился сын Арсений Дмитриевич Наринский. А 28 марта 2018 года родилась дочь Мария Дмитриевна Наринская.

274.
Катя, Татьяна,
Арсений, Дмит-
рий Наринские,

Ольга Борисов-
на Федорина.
Франция, Изола,
2014 г.

274

275

276

275–276.
Татьяна и Дмитрий Наринские во время домашнего спектакля «Волк и семеро козлят» у себя дома в Аносино. Май 2015 г.

277.
Екатерина и Арсений Наринские (крайние справа). Домашний спектакль «Волк и семеро козлят». Аносино. Май 2015 г.

277

278

279

278–281. с детьми у себя
Татьяна и Дми- дома в Аносино.
трий Наринские 2016 г.

280

281

282.

Дмитрий Наринский с друзьями – Василий Красюк (рядом справа), Андрей Золотов (крайний правый) – и коллегами по яхтенной команде. Португалия, самая западная точка Европы. Во время прохождения Бискайского залива. Апрель 2017 г.

282

283.

Слева направо: Дмитрий, Катя, Татьяна, Арсений Наринские с семьёй Давидовых: Аня, Алексей и дочь Полина на своей яхте. Гибралтар, 2017 г.

283

284.
В открытом море.
Гибралтар. Июль
2017 г.

285–286.
Дмитрий и Та-
тьяна Наринские
с детьми на своей
яхте. Испания.
Июль 2017 г.

284

285

286

287

287–288.
Домашний спектакль «Бременские музыканты». Аносино. Май 2017 г.

289.
Татьяна и Дмитрий Наринские с детьми — Арсением и Катей на фоне своего дома. Ницца. Лето 2017 г.

290.
Татьяна и Дмитрий Наринские с детьми — Арсением и Катей в парке Симье. Ницца. Лето 2017 г.

288

289

290

291

292

291–294.
Татьяна и Дмитрий Наринские
с детьми — Арсением и Катей
у себя дома в Ницце. Лето 2017 г.

293

294

295

295.
Татьяна и Дмитрий Наринские на фоне своего дома. Ницца. Лето 2017 г.

296.
Татьяна и Дмитрий Наринские с детьми — Арсением и Катей в парке Симье. Ницца. Лето 2017 г.

297–298.
Семья Наринских в холле своего дома в Ницце. Лето 2017 г.

296

297

298

299.
Татьяна и Дмитрий Наринские.
на балконе своего
дома. Ницца. Лето
2017 г.

300.
Татьяна Нарин-
ская с Катей
в парке дома.
Ницца. Лето
2017 г.

301.
Арсений Нарин-
ский. Клуб «Луж-
ки». Аносино.
Октябрь 2018 г.

302.
Катя Наринская
на занятиях
по фигурному
катанию. Клуб
«Лужки». Март
2018 г.

303.
Дмитрий
Наринский.
Матч с «Нориль-
ским никелем».
Клуб «Лужки».
Аносино. Октябрь
2018 г.

299

300

301

302

303

304

304.
Арсений Наринский. Клуб «Лужки». Вблизи деревни Аносино. Октябрь 2018 г.

305.
Ольга Борисовна и Владимир Михайлович Федорин с внуками у себя дома. Август 2018 г.

305

340 Часть третья.
Песня над Волгой

Часть четвёртая

Обретение полета

Семья

Владимира Михайловича

Федорина

*Красные ворота. Чистые пруды.
Прислонились листья к зеркалу воды.
В Красные ворота лебедь проплывет,
То ли ищет что-то, то ль меня зовет.*

Наталья Наринская

Московский замок

Володя Федорин был особенным ребенком. Он родился в одном из самых роскошных домов Москвы, и с двух лет снимался в кино. Звездный мальчик! Пускай кино было любительским, и снимал его отец, талантливый фотограф и кинооператор-самородок. Но ведь 1950-е годы на дворе! У кого еще была возможность смотреть о себе, двухлетнем, фильм? Так и запомнил себя — не в жизни, а в фильме, ведь память самой сильной своей зрительной стороной послушно выплеснула ранние детские ощущения и переживания на картинку с киноплетки. Вот маленький Володя, то есть «я», в шубке иду по Сретенскому бульвару, а вот его братик — Сергей Михайлович Федорин (род. в 1954 г.) — в коляске, а вот опять я еду по огромному коридору нашей квартиры на трехколесном велосипеде. Год, наверное, 1955-й. На самом деле это не я, а сама история Советского Союза во плоти. Сам дом, в котором я родился, его вершина — дерзкая копия Спасской башни, имперский модерн, и вневременной символ московского исполинского шарма. Это не подавляющий сталинский ампир, это волшебный город в городе, хранящий сонм историй и судеб. И посему начнем с этого уголка старой Москвы, где с самого появления на свет жил с родителями и бабушкой Владимир Михайлович Федорин (род. 06.05.1952), отец Татьяны Владимировны Наринской.

Это здание известно как дом страхового общества «Россия», точнее это целый квартал, который является истинным украшением окрестностей Чистых прудов и находится по адресу: Сретенский бульвар, д.6/1, стр. 1 и 2. Место, где находится этот архитектурный ансамбль, практически не имеет истории обычной жилой застройки. В первой половине XVIII века здесь находилось подворье новгородского архиерея, где жил архиепископ Ф. Прокопович. В 1742 году зодчий Иван Мичурин перестроил подворье для московского почтамта.

306.
Дом Страхового общества «Россия». Открытка начала XX века

Он просуществовал здесь до 1785 года, когда переехал на Мясницкую улицу. Место стали называть Старым почтамтом. В 1898 году страховое общество «Россия» купило здесь землю и начало строительство доходного дома, закончившееся в 1902 году. Работы велись по конкурсному проекту штатного архитектора общества Николая Проскурнина при участии архитектора Виктора Величкина.

Фактически описываемое здание — это два крупных массива с внутренними дворами. Основная доминанта — стилизованная под кремлевскую готическая башня — обращена на Тургеневскую площадь. Два корпуса соединены ажурной кованой оградой, созданной архитектором Оттоном фон Дессином. Декор фасадов, выполненных в духе позднего итальянского ренессанса, весьма разнообразен: балконы и балкончики, множество эркеров, аллегорические скульптуры, фризy со сложным орнаментом. По всему периметру здания рустованный нижний этаж подчеркивает легкость скульптурных композиций, рисунок наличников, стрельчатых арок и башенок. В богатые на дикие фантазии 1930-е годы дом никогда не планировался к сносу. Даже яркий апологет архитектуры стекла и бетона, архитектор Ле Корбюзье, предлагавший в свое время снести всю Москву полностью и построить новый город, считал этот дом самым красивым в столице.

Но он был не просто красивым, а еще и комфортным для проживания и передовым в плане бытового оснащения. В его создании были применены все достижения технической мысли начала XX века: автономная электростанция, отопление, прототип кондиционера и артезианский колодец глубиной 50 метров! Здесь были и электрические лифты, что редкость для того времени, и прачечная для жильцов. Многие верхние квартиры имели стеклянные потолки, что особенно ценилось

художниками. Система вентиляции не просто подавала в помещения свежий воздух, но и фильтровала, и увлажняла его.

И все это великолепие на Сретенском бульваре изначально строилось для очень состоятельной публики. Квартиры здесь были очень дорогими, площадь их составляла от 200 до 400 кв. метров. В новом доме поселились профессора университета, ученые, члены Государственной думы. После 1917 года их сменили деятели советской интеллигенции. Постепенно шикарные апартаменты уплотнялись и превращались в коммуналки или передавались различным государственным организациям. И этот факт имеет непосредственное отношение к семейной истории Федориных, а точнее к Елизавете Петровне Швабе (01.10.1888–24.08.1984), бабушке Владимира Михайловича по материнской линии. Елизавета Петровна работала помощницей Крупской, а именно в этом доме располагался Народный комиссариат просвещения, где на посту заместителя наркома в 1920–1925 годы работала Надежда Константиновна, супруга «вождя мирового пролетариата» В. И. Ленина. Потому ей и установлен памятник именно на Сретенском бульваре. Памятник этот единственный в своем роде: Надежда Константиновна здесь предстает перед нами не привычной бабушкой с базедовой болезнью, а молодой и женственной барышней. Так что если не читать цитаты про марксизм и воспитание «полезного члена общества», которые выгравированы на стелах, стоящих позади скульптуры, то можно даже ощутить флер некоей романтики с налетом ненавязчивого феминизма. И поэтому, в отличие от львиной доли советских монументов, этот не выглядит анахронизмом, портящим городской пейзаж.

Валентин Катаев в автобиографической книге «Алмазный мой венец» писал:

Прямо на Сретенский бульвар выходили громадные оранжево-кирпичные корпуса бывшего страхового общества «Россия», где размещались всякие лито-, тео-, музо-, киноорганизации того времени, изображенные Маяковским в стихотворении «Прозаседавшиеся», так понравившемся Ленину. В том же доме в Главполитпросвете работала Крупская по совместительству с работой в Наркомпросе РСФСР — по другую сторону перекрестка, в особняке на Чистых прудах, под началом Луначарского.

Кстати, кабинет А. В. Луначарского располагался на втором этаже. А в квартире № 85 до революции размещалось правление

307.

Елизавета Петровна Швабе — бабушка Владимира и Сергея Федориных по материнской линии. Начало 1910-х годов

Футбольной лиги. А потом в этих «измах», густо расплодившихся в 1920-е годы, уже легко можно было запутаться. Нам, наверное, важно знать лишь то, что и Главлит, и Наркомпрос, и Главное артиллерийское управление Красной Армии, и еще Бог знает что под спудом потерявших смысл аббревиатур — все это находилось в двух корпусах прекрасного и величественного, как крейсер, дома. Таким образом, несмотря на то, что никаких документальных свидетельств о работе Елизаветы Петровны с Крупской не сохранилось, да и говорили об этом в семье вскользь, факт проживания в знаменитом месте говорит сам за себя. Дом знаменитый, и люди в нем жили и бывали знаменитые. Пути Елизаветы Петровны могли пересекаться поистине с легендарными личностями. Например, здесь, в литературном отделе (Лито) Главполитпросвета при Наркомпросе успел недолго поработать Михаил Булгаков. Отдел расформировали, Булгакова сократили, но благодаря работе здесь он и прописался в знаменитой «нехорошей квартире». Работу в этом доме Булгаков колоритно описал в повести «Записки на манжетах»:

В сущности говоря, я не знаю, почему я пересек всю Москву и направился именно в это колоссальное здание. Та бумажка, которую я бережно вывез из горного царства (Булгаков приехал в Москву из Владикавказа. — *Прим. ред.*), могла иметь касательство ко всем шестиэтажным зданиям, а вернее, не имела никакого касательства ни к одному из них.

В 6-м подъезде, у сетчатой трубы мертвого лифта, отдышался. Дверь. Две надписи. «Кв. 50». Другая загадочная: «Худо». Отдышаться. Как-никак, а ведь решается судьба.

Толкнул незапертую дверь. В полутемной передней огромный ящик с бумагой и крышка от роля. Мелькнула комната, полная женщина в дыму. Дробно застучала машинка. Стихла. Басом кто-то сказал: «Мейерхольд».

— Где Лито? — спросил я, облокотившись на деревянный барьер.

Женщина у барьера раздраженно повела плечами. Не знает. Другая — не знает. Но вот темноватый коридор. Смутно, наугад. Открыл одну дверь — ванная. А на другой двери — маленький клочок. Прибит косо, и край завернулся. Ли. А, слава богу. Да, Лито. Опять сердце. Из-за двери слышались голоса: ду-ду-ду...

Закрыв глаза на секунду и мысленно представил себе Там. Там — вот что: в первой комнате ковер огромный, письменный стол и шкафы с книгами. Торжественно тихо. За столом секретарь — вероятно, одно из имен, знакомых мне по журналам. Дальше двери. Кабинет заведующего. Еще большая глубокая тишина. Шкафы. В кресле, конечно... кто? Лито? В Москве? Да Горький Максим: «На дне». «Мать». Больше кому же? Ду-ду-ду... Разговаривают... А вдруг это Брюсов с Белым?.. И я легонько стукнул в дверь. Ду-ду-ду прекратилось, и глухо:

— Да!

Потом опять ду-ду-ду. Я дернул за ручку, и она осталась у меня в руках. Я замер: хорошенькое начало карьеры — сломал! Опять постучал. — Да! Да!

— Не могу войти! — крикнул я.

В замочной скважине прозвучал голос:

— Вверните ручку вправо, потом налево, вы нас заперли...

Вправо, влево, дверь мягко подалась, и...

<...>

Да я не туда попал! Лито? Плетеный дачный стул. Пустой деревянный стол. Раскрытый шкаф. Маленький столик кверху ножками в углу. И два человека. Один высокий, очень молодой в пенсне. Бросились в глаза его обмотки. Они были белые. В руках он держал потрескавшийся портфель и мешок. Другой — седоватый старик с живыми, чуть смеющимися глазами — был в папахе, солдатской шинели. На ней не было места без дыры, и карманы висели ключьями. Обмотки серые и лакированные, бальные туфли с бантами.

<...>

Историку литературы не забыть:

В конце 21-го года литературой в Республике занимались три человека: старик (драмы; он, конечно, оказался не Эмиль Золя, а незнакомый мне), молодой (помощник старика, тоже незнакомый — стихи) и я (ничего не писал).

Историку же: в Лито не было ни стульев, ни столов, ни чернил, ни лампочек, ни книг, ни писателей, ни читателей. Коротко: ничего не было. И я. Да, я из пустоты достал конторку красного дерева, старинную. В ней я нашел старый пожелтевший золотообрезный картон со словами: «...дамы в полуоткрытых бальных платьях. Военные в сюртуках с эполетами; гражданские в мундирных фраках и лентах. Студенты в мундирах. Москва, 1899 г.»

И запах нежный и сладкий. Когда-то в ящике лежал флакон дорогих французских духов. За конторкой появился стул. Чернила и бумага и, наконец, барышня, медлительная, печальная. По моему приказу она разложила на столе стопками все, что нашлось в шкафу: брошюры о каких-то «вредителях», 12 номеров петербургской газеты, пачку зеленых и красных билетов, приглашающих на съезд губотделов. И сразу стало похоже на канцелярию. Старый и молодой пришли в восторг. Нежно похлопали меня по плечу и куда-то исчезли.

Часами мы сидели с печальной барышней. Я за конторкой, она за столом. Я читал «Трех мушкетеров» неподражаемого Дюма, которого нашел на полу в ванной, барышня сидела молча и временами тяжело и глубоко вздыхала. Я спросил:

— Чего вы плачете?

В ответ она зарыдала и заломила руки. Потом промолвила:

— Я узнала, что я вышла замуж по ошибке за бандита.

Я не знаю, есть ли на свете штука, которой можно было бы меня изумить после двух этих лет. Но тут... тупо посмотрел на барышню...

— Не плачьте. Бывает.

И попросил рассказать.

Она, вытирая платочком слезы, рассказала, что вышла замуж за студента, сделала увеличительный снимок с его карточки, повесила в гостиной. Пришел агент, посмотрел на снимок и сказал, что это вовсе не Карасев, а Дольский, он же Глузман, он же Сенька Момент...

Кто же лучше Булгакова смог бы описать трагикомичный колорит становления советского режима! Живая картинка из жизни «самого красивого дома» на Сретенском бульваре, в котором вершились писательские судьбы, и в котором довелось жить семье Федориных — Владимиру Михайловичу, его маме Нине Алексеевне, урожденной Швабе (02.12.1922—02.12.2005) и папе Михаилу Васильевичу Федорину (16.11.1923—04.03.1994). А его бабушке Елизавете Петровне Швабе — еще и работать в описанной Булгаковым атмосфере нарастающей энтропии нового режима. В разное время Швабе и Федорины могли встречаться с жившими здесь физиком И. Е. Таммом, психиатром Н. Н. Баженовым, офтальмологом М. И. Авербахом, народным артистом СССР Н. П. Хмелевым, героем Советского Союза Наташей Ковшовой, снайпером, героически погибшей в 1942 году вместе с Марией Поливановой, — и со многими другими известными учеными и деятелями культуры. В середине 1960-х годов МОСХ выделил чердачные помещения художникам. На одном из чердаков находились мастерские художников Юло Соостера и Ильи Кабакова. Эти мастерские были одним из центров московского андеграунда, получившим наименование «группы Сретенского бульвара».

А у главной башни с часами есть тайна. На ней находится часовой колокол, отлитый на знаменитом колокольном заводе П. Н. Финляндского специально для этого дома. Колокол звонил лишь однажды — в 2011 году по случаю юбилея дома. Что уж говорить о том, что в этом доме, полном призраков, это далеко не единственная тайна.

И, конечно, такой дом — не просто адрес, а сквозной образ семейной истории. Дмитрий Наринский вспоминает:

Дом России», в котором жила семья Федориных и мой тесть Владимир Михайлович в свои детские годы, тесно пересекался и с историей моего детства. Здесь жили два моих одноклассника. С одним из них мы очень увлекались фотографией, и много времени проводили у него дома, в фотолаборатории в ванной. Удивительное совпадение — ведь Михаил Васильевич Федорин, дедушка моей жены, тоже увлекался фотосъемкой! Кроме того, около дома на бульваре была ледяная горка, на которую мы всегда ходили кататься, и я уверен, что она существовала и в детстве Владимира Федорина. Я считаю этот дом самым красивым домом в Москве. Это мой любимый дом. И я всегда мечтал иметь в этом доме квартиру...

* * *

Красные ворота. Чистые пруды,
Прислонились листья к зеркалу воды.
В Красные ворота лебедь проплывет,
То ли ищет что-то, то ль меня зовёт.

Белый, белый лебедь, Красные врата,
Я уже другая, и Москва не та.
Кто гулял в колясках, взрослые уже
По прудам по чистым бродят в неглиже.

Здесь на ум приходят старые слова:
Красные ворота, белая Москва.
Ей бы, златоглавой, заглядеться в пруд,
Там, где белы лебеди, лебеди плывут.

Антресоли

Но вернемся к семье Федориных. Михаил Васильевич Федорин, отец Володи, в первые дни Великой Отечественной войны ушел на фронт. Попал в пехотный противотанковый батальон и вскоре получил ранение — в руке взорвалась бутылка с зажигательной смесью. И потому долго воевать ему не пришлось — после ранения он несколько лет лечился в госпиталях, после чего его демобилизовали. Известно, что после войны Михаил Васильевич как участник и инвалид войны получил жилье. Возможно, это именно ему дали комнату в «самом красивом доме Москвы». Но все же точно неизвестно, как семья оказалась здесь — то ли это следствие работы Елизаветы Петровны Швабе у Крупской, то ли награда фронтовику и ее зятю Михаилу Федорину. Однако известно, что и Михаил, и его жена Нина Швабе попали на войну совсем юными. Нина даже себе почти год приписала, чтобы уйти на фронт. Но познакомились они уже после войны. Володя, старший сын, родился у них в 1952 году, когда Нине было двадцать девять, а Михаилу — двадцать восемь лет.

Родители Михаила Екатерина Васильевна и Василий Петрович Федорины были родом из села Вердерево Рязанской области. Точнее, откуда они родом, строго говоря, неизвестно, но их сын Михаил родился именно там. А жили они на Измайловском бульваре. И Володя с младшим братом часто гостили у них в детстве. Детей у Екатерины и Василия было пятеро, все разъехались и обзавелись семьями, а бабушка с дедушкой занимались внуками. В 1950-е в Измайлово прямо рядом с их домом начинался лес, так что дети, можно сказать, отдыхали на природе.

Василий Петрович Федорин был участником революции. Красноармеец из крестьян. Из деревни попал в Москву, служил на московской ткацкой фабрике, которая находилась у железнодорожной станции «Электрозаводская», а точнее по адресу: ул. Большая Почтовая, 34. Предприятие было основано в 1895 году. Ныне это Московский ткацко-отделочный комбинат, крупная российская фабрика по производству гобеленовых и жаккардовых тканей, а также готовых швейных изделий. В частности, здесь создавали ткани для киноконцертного зала «Россия» (ныне кинотеатр «Пушкинский») и для

308.
Нина Алексеевна
Федорина. 1948 г.

Большого Театра. Василий Петрович Федорин стал одним из партийных лидеров на фабрике.

А вот по материнской линии Владимира Михайловича Федорина известно очень мало. Кроме того, что его бабушка Елизавета Петровна Швабе работала помощницей Крупской, а потом долгое время трудилась в Министерстве путей сообщения. И была ли фамилия «Швабе» ее девичьей фамилией или досталась ей от мужа, — достоверных сведений нет. О работе и происхождении Елизаветы Петровны, по воспоминаниям Володи, в «семье молчали, как партизаны». Понять это можно, потому что, скорее всего, это было связано со страхом. Возможно, муж Елизаветы Петровны, так бесследно исчезнувший Алексей Швабе (?), или еще кто-то из ее семьи был репрессирован. Детей от этой правды берегли, чтобы она не ударила по ним и не сломала им жизнь. И этот страх клейма «сына врага народа» сохранялся в людях многие годы и десятилетия спустя после смерти Сталина.

Но мы можем сделать некоторые предположения, потому что фамилия «Швабе» оставила след в российской истории. Речь идет о фирме «Ф. Швабе» — торговом доме, а позднее акционерном обществе, которое располагалось в Москве и было организовано выходцем из Германии Теодором (Федором Борисовичем) Швабе (04.12.1813, Цербст—18.12.1880, Берлин). Фирма Швабе занималась продажей оптики — очков, пенсне и других мелких оптических принадлежностей, полученных из-за границы. Позже была открыта мастерская для ремонта и изготовления оптических и физических приборов. Также фирма занималась продажей как импортных, так и учебных пособий собственного производства и различных физических приборов. В первые годы магазин и мастерская размещались в Мясницкой части, 2-й квартал, в доме Шиловского — дом № 121, затем заведение переезжает в дом князя Голицына на углу Большой Лубянки и Кузнецкого моста. Мастерская фирмы помещалась во дворе дома.

В 1873 году предприятие преобразовывается в Торговый дом «Ф. Швабе». Учредителями торгового дома были Фёдор Борисович Швабе и Альберт Иванович Гамбургер. После смерти Фёдора Швабе в 1880 году А.И. Гамбургер возглавил компанию. При нём торговый дом из мелкого превратился в достаточно крупное по тем временам предприятие. Если в 1871 году персонал составлял всего двадцать два человека, включая владельца, двух мастеров, пятнадцать рабо-

309.
Михаил Васи-
льевич Федорин.
1948 г.

чих, четверых учеников, то в 1897 году в торговом доме трудились уже 139 работников.

В 1884 году «Ф. Швабе» было пожаловано звание «Поставщика Двора Его Императорского Величества». В 1908 году торговый дом открывает самое крупное в стране производство геодезических инструментов в специально построенном пятиэтажном фабричном здании в Сокольниках на Стромьнке, а в 1912 году торговый дом «Ф. Швабе» преобразуется в акционерное общество.

Могли ли Елизавета Петровна Швабе или ее супруг быть родственниками Федора-Теодора Швабе? Теоретически, могли. Никаких фактических подтверждений этому пока нет, но в силу редко встречающейся фамилии это предположение имеет право на существование. Сама же Елизавета Петровна всегда жила вместе с семьей дочери. На ней было все хозяйство. Она вошла в жизнь своих внуков с первых дней их жизни. Маленькая, худенькая... в коридорах огромной коммуналки в доме «России», где семья занимала большую комнату, а в квартире жили еще пять семей. С бабушкой у Володи всегда были самые теплые отношения. На ее швейной машинке «Зингер» он даже научился шить и перешивал себе отцовские брюки. А вот у отца, Михаила Васильевича, с тещей бывали конфликты. У него был не самый легкий характер, он любил выпить — так повелось после войны. Многие фронтовики выпивали — не знали другого способа унять боль, физическую и душевную. Михаилу Федорину пришлось преодолеть контузию — сильнейшие ожоги ноги, рук, пальцев... По натуре он любил порядок, был пунктуальным, но только опрокинет рюмку — становится неуправляемым. Такова была его психофизика, неотъемлемое свойство природы, с которым ничего не поделаешь. И война тут сыграла решающую роль — обычно алкогольная агрессия свойственна как раз тем, кто перенес глубокую травму.

Однако во всем ему был свойственен творческий подход. Михаил Васильевич выпивал не просто покупая «пузырь» в гастрономе за углом, а делал самогон со знанием всех тонкостей этого ремесла. Ему был важен процесс! Как в своих главных увлечениях — фотографии и кино съемке, он и здесь все делал обстоятельно и с любовью. И был не прочь отведать результат...

Нина Алексеевна очень любила мужа и многое ему прощала. А что ей еще оставалось? Женщина — терпеливый миротворец, только в этом случае можно сохранить семью с пьющим мужчиной. Впрочем, Нина тоже была не робкого десятка. Она и сама прошла войну. И серой мышкой ее никак нельзя было назвать. Красивая, элегантная, с безупречной прической и огоньком в глазах. Она уме-

ла дать отпор. Но так, что муж оставался главой семьи. Тончайшая грань, которую можно нащупать, только набравшись горького жизненного опыта. Уметь отступить, но близких в обиду не дать. Когда под горячую руку мужу попадалась ее мама — защищала, конечно. А потом уже и Володя вырос и вступался за бабушку, что вызывало отцовские вспышки гнева... Первопричина ссор могла быть в том, что Елизавета не выносила пьянства и не боялась это показать. Или... не было никакого повода, просто сама по себе немецкая фамилия бессознательно злила бывшего фронтовика? Но это всего лишь предположения... Или все вместе нарастало, как снежный ком — ведь деться-то от семьи некуда.

Да не хотел он никуда деться! Он любил свою семью. Просто воздуха душе не хватало. В одной-то комнате на пятерых.

Елизавета Петровна прожила почти век. Умерла в 98 лет. Перед смертью она попросила позвать Володю, чтобы с ним проститься, и ушла при нем. Бабушка была эпохой в жизни семьи.

А какой она была, эта жизнь, в комнате на пятерых? Может, даже счастливой. Места не хватало, и вещи хранили в чемоданах на антресолях или на шифоньерах. Залезаешь — пыльно! У аккуратистов чемоданы подписаны. У кого-то на них — номер отряда и палаты, следы пионерлагеря. Не в городе же торчать в летние каникулы ... Но сейчас речь не об этом. А о том, что, образно говоря, воспоминания наши упакованы в такие же чемоданы в закромах памяти. И сверху лежат те, что хранят самое лучшее. Самые радостные, трогательные, пронзительные, полнокровные впечатления. Самые нужные, чтобы снова почувствовать себя счастливым.

Но когда-нибудь придет час и для тех, что зарыты поглубже.

Впрочем, если уйти от метафор к наглядности, то у Федориных на антресолях хранились бобины с 5-миллиметровой кино пленкой и фотографии. Не все, к сожалению, впоследствии сохранились — их было очень много, и часть была утрачена при переезде. Лабораторию Михаил Васильевич оборудовал дома, проявлял снимки в ванной, а в туалете на полочках между трубами хранились реактивы. Это уже когда была отдельная квартира. Но и в коммуналке он своим драгоценным химикатам находил место. И — да, у него все было подписано, он был из аккуратистов.

Пунктуальность в нем совмещалась с жизнелюбием. В те годы любили принимать гостей, и за угощением дело не стояло. На столе не переводилась черная икра, а любимый тост в компании родителей был «За революцию!», который традиционно провозглашал маленький Володя. Новый год всегда пах настоящей елкой — об искусственных тогда и речи не было, и до сих пор в памяти остались старинные

елочные игрушки, и Дед Мороз, теперь харизматичный раритет — из ваты, клея, слюды, зеркальной крошки и прочих подручных натуральных материалов... Крепкое советское застолье — кто его не помнит: выпивали, закусывали, дружно пели песни, на Первое мая обязательно шли на демонстрацию. А живя на Сретенке, в центре столицы, как не пойти?! Мимо этого дома как раз проходили колонны оборонного завода, на котором работали снабженцами и дед Василий Петрович Федорин, и отец, а мама Нина Алексеевна работала там же бухгалтером. И было очень удобно, выйдя из дома, сразу присоединиться к своей колонне. Маленького Володю в общей суматохе однажды даже потеряли! В пять-шесть лет он уже принимал активное участие в шествии. Впрочем, как и многие дети в те годы, заражаясь эмоциональным подъемом взрослых и праздничным адреналином. Флажки, воздушные шары, песни, танцы, где-то растянули трехрядку и поют «Катюшу». Неизгладимые кадры для детской памяти.

Когда дело подошло к школе, Федорины приняли решение переехать — на Сретенке тогда не было школы поблизости. И в 1960–1961 годах семья поселилась в районе станции метро «Бауманская». В коммуналке большого многоквартирного «сталинского» дома. Дом был уже попроще, и комната была поменьше. Там Володя пошел в школу №353 им. А. С. Пушкина. Учился он хорошо и, к слову сказать, окончил школу с серебряной медалью. При этом он с пятого класса занимался спортивной гимнастикой в Бауманской спортивной школе на Покровке. Ему приятно было приезжать в места своего раннего детства — ведь здесь он знал каждый закоулок, его прежний дом на Сретенке был рядом... Немного занимался музыкой — в семье всегда было пианино, но музыкальные способности сильно отставали от спортивных, так что занятия отпали сами собой. Был у Володи интерес и к английскому языку, но все же спорт стал самым постоянным увлечением. При этом в гимнастике для него был момент преодоления. Он не был гибким от природы, зато ему легко давались силовые упражнения. Между прочим, благодаря гимнастике он чуть было не поступил в МГУ. Именно на механико-математический факультет университета Володя решил поступать после школы. Но получил

310.

Екатерина Васильевна Федорина — бабушка Владимира и Сергея Федориных по отцовской линии

311.
Крайний слева
Василий Петро-
вич Федорин,
справа — Нина
Алексеевна и Ми-
хаил Васильевич
Федорины

одну «тройку» и решил не рисковать, забрал документы и отправился в МВТУ (ныне МГТУ) им. Н. Э. Баумана. В Бауманский он без труда поступил, но его и в университет взяли бы — звонили, спрашивали, куда пропал. Хотели заполучить спортсмена — хорошая физподготовка студента тогда была большим плюсом. В институте Владимир стал кандидатом в мастера спорта, участвовал в первенстве Москвы, ездил на соревнования в Прибалтику. Были, конечно, и травмы. В те годы к ним относились проще: перевязал — и пошел. Первый снимок позвоночника Владимир Михайлович сделал лет в сорок. Врачи ужаснулись, заметив множественные скрытые переломы, о которых пациент даже не знал.

Быть может, тут есть метафизическая связь с характером, с самым счастливым типом памяти, который не очень хорошо запоминает события, но помнит, что было хорошо.

Таких берут в космонавты

В конце 1960-х, когда Володя поступил в институт, произошло еще одно знаменательное событие — семья переехала в кооперативную трехкомнатную квартиру на 16-й Парковой улице, в районе Измайлово. Конец коммунальной эпохи! Кажется, что по сравнению с одной комнатой на всех это целые хоромы. У Володи вместе с братом теперь отдельная комната. Но ведь они повзрослели — и им снова не хватало личного пространства. Таков парадокс восприятия перемен — хорошее моментально усваивается сознанием, преодоление трудностей стимулирует и закаляет. И формирует цель. И этой целью, которая сформировалась в школьные годы, для Володи была самостоятельность и независимость. Так вышло, что их отношения с братом не сложились. Сережа рос болезненным. И тот роковой эпизод его падения с лестницы, в котором старший брат оказался невольно виноватым, сыграл свою роль... Это случилось еще в доме на Сретенке, где лестничные пролеты монументально огромны, и падение ребенка — страшный сон. Но это, увы, было не сном, а жестокой реальностью, которая оставляет шрамы. Сережа был совсем маленький, и при падении сильно ушибся. Конечно, родители его жалели и потом всю жизнь оберегали. Отношения между братьями дали глубокую трещину. С тех пор младший — опекаемый, слабый, избалованный. Вырос — пошел по наклонной, дурные компании, скверные истории. Старший — успешный и всего добился сам... Это всего лишь роли, пусть даже они глубоко проросли в личность. В переломный момент подобный сценарий помогает нам выжить и сохранить свою индивидуальность. Но новые этапы жизни, новые времена дают нам понять, что сценарий устарел. И нужно развиваться, совершенствоваться и расширять границы восприятия.

С особой ясностью понимаешь это, когда обращаешься к семейным воспоминаниям. Именно они дают возможность проанализировать и понять себя, а главное — вплетенные в собственную судьбу закономерности родовой истории. Похожая история была и у Володиного отца: Михаил Васильевич тоже много лет не общался со своим родным братом Алексеем из-за подобного разлада. А повторяющийся в разных поколениях сюжет — это всегда знак его незавершенности и того, что в нем надо разобраться, а не замалчивать. Знак того, что наступило время собирать камни, и надо вернуть выпавший из стены кирпичик. Иначе начнет разрушаться весь дом.

С тех пор, как Володя переехал от родителей в свою квартиру, они с Сережей отношения не поддерживали. Брат учился в технику-

ме, служил в армии — в самой южной точке страны, в окрестностях города Кушки, потом вернулся. Женился, переехал. У него родились дети Владимир Сергеевич Федорин (род. в 1982 г.), Мария Сергеевна Федорина (род. в 1984 г.), Константин Сергеевич Федорин (род. в 1987 г.). Судьбы Сергея и Владимира Михайловичей практически больше не пересекались, потому что с детства у них не сложилось никаких общих интересов. И уже не сложатся — Сергей ушел из жизни. Говорить и писать об этой драме разобщенности трудно, но необходимо, потому что именно это дает надежду на то, что родственные связи восстановят потомки.

Однако у воспоминаний есть одна удивительная черта — им свойственно складываться в неповторимый узор каждый раз, когда мы к ним обращаемся. И в этом магическом калейдоскопе мы в бесчисленном множестве оттенков можем увидеть пережитое. Детство — оно, конечно, не бывает однотонным. А родительская любовь остается с нами навсегда. И в семье Федориных дети не были обделены ею. Нина Алексеевна была мамой в самом сокровенном смысле этого слова, и что касалось любви, то ее она давала в избытке. И Михаил Васильевич даже при всей своей вспыльчивости был любящим отцом. В простых житейских радостях тоже не было недостатка, будь то мутоновые шубки, или поездки каждый год к морю. Причем на юг ездили на все лето — у Сережи проблемы с легкими, ему необходим морской воздух. И жили, в общем, благополучно. Михаил Васильевич как снабженец получал хорошую зарплату, при этом еще пенсию инвалида Великой Отечественной войны, которую Нине Алексеевне продолжили выплачивать и после его смерти.

Но не хлебом единым... Все же было в семейной ауре нечто, из чего хотелось выскользнуть. Впрочем, не столько в ауре дело, сколько в том, что Володя рано стал стремиться к самостоятельности. Такая натура, взрослея, неизбежно освобождается от любой излишней опеки, и прежде всего родительской. Это закономерный этап развития полноценной личности, просто у кого-то он плавный, а у кого-то резкий. Главное — идти к цели, минуя крайности. И Володя шел: хорошо учился, занимался спортом, поступил в институт с военной кафедрой, чтобы не тратить время на армию. И обеспечивать себя он начал еще студентом. В его первой трудовой книжке, которую он сохранил на память, есть запись от 1973 года — тогда он начал подрабатывать истопником в котельной. Учеба в институте от этого никак не пострадала, о чем свидетельствует тот факт, что уже тогда Владимира как перспективного молодого специалиста заметили и пригласили работать в ЦКБ машиностроения В.Н. Челомея, одну из ведущих организаций в СССР, а затем и России по

разработке ракетной и космической техники. Успешно окончив институт в 1975 году, Владимир Михайлович получил специальность «двигатели летательных аппаратов», нашел себе дело по душе и, что немаловажно, попал в хороший коллектив. Да и ездить на работу было удобно, потому что ЦКБ находилось в подмосковном Реутове, на востоке от столицы, сразу за кольцевой дорогой — то есть от Измайлово недалеко. Но прежде, сразу после защиты диплома, он поехал с компанией однокурсников в стройотряд. Строить дома-пятистенки в Хакасии. В просторечье это называлось «шабашкой». Это была тяжелая работа без выходных в сложных условиях, которая продолжалась четыре месяца и которая дала возможность заработать очень хорошие деньги — три с половиной тысячи рублей. Тогда на эту сумму можно было купить кооперативную квартиру. Что Владимир Михайлович и сделал. Таким образом, уже в двадцать два года он стал обладателем собственного жилья — однокомнатной квартиры в том же доме, где жили родители. Цель была достигнута.

После мощного трудового десанта, конечно, хотелось отдохнуть. И Володя, взяв с собой друзей, поехал в Коктебель. Так что у Челомея он появился с опозданием — его ждали в мае-июне, а он пришел в августе. Но коллектив в КБ был хороший, к этой задержке отнеслись с пониманием. Владимир Михайлович поступил на должность инженера и быстро втянулся в работу. Она приносила ему радость — он с удовольствием чертил за кульманом, проектировал первые баки с дозаправкой для пилотируемых орбитальных станций серии «Салют». Несколько месяцев Владимир провел на полигоне под Евпаторией в Крыму, где шли испытания создаваемых космических систем. Кстати, именно у Челомея проектировались крылатые ракеты и первая гиперзвуковая боеголовка. Сам Владимир Николаевич Челомей был уникальной личностью. Он был ключевой фигурой в ракетно-космической отрасли, но ни

312.
Свадьба Ольги
Борисовны Гри-
шиной и Влади-
мира Михайло-
вича Федорина.
21.04.1978 г.

один из его масштабных проектов не был реализован из-за противостояния с другим выдающимся конструктором С. П. Королевым. Челомей разработал модель многоразового космического корабля, а точнее целого космического комплекса, задолго до американского «Шаттла». В КБ, или как оно стало называться позже НПО машиностроения, была даже своя группа космонавтов. И Владимир Михайлович одно время даже подумывал в нее войти, тем более, что спортивная форма в целом позволяла. И это в коллективе приветствовалось. Но была лишь одна загвоздка — близорукость, из-за которой было решено не рисковать. А ведь по всем другим параметрам Владимир Михайлович проходил...

Что ж, не получилось стать космонавтом — стал освобожденным секретарем комитета комсомола. Произошла эта перемена стремительно, и, даже можно сказать, не совсем осознанно. Началось с того, что Владимира Михайловича избрали председателем Совета молодых специалистов. Так он и пошел, как это называлось, по комсомольской линии. Стал депутатом Реутовского горсовета, членом бюро Балашихинского райкома... и все эти кардинальные перемены случились всего за два года — с 1975 по 1977 год. Вскоре его на работу уже возила служебная машина. В том же 1977 году Владимир взял три путевки — себе и двум друзьям — в санаторий, где он и встретился со своей будущей женой Ольгой Гришиной. 22 апреля 1978 года сыграли свадьбу. Регистрация прошла в Первомайском ЗАГСе, ныне Измайловский отдел ЗАГС г. Москвы. Невесту забирали на одной из самых стильных машин, к тому же с богатой историей — на «Чайке». Съемка этого романтического события теперь вошла в свадебный видеоклип дочери Владимира Михайловича и Ольги Борисовны — Татьяны Владимировны Наринской, урожденной Федориной.

Вот такие выражи судьбы...

Эпос с адреналином

Владимир Михайлович был счастлив, что у него родились две девочки. Лена и Таня. Елена Владимировна Федорина, в замужестве Полуюфта (род. 07.09.1979) и Татьяна Владимировна Федорина, в замужестве Наринская (род. 15.06.1984). Период их детства для него — самый светлый. «Все в одной комнате — очень весело и уютно!» Веселье, конечно, было вперемешку со знакомыми всем хлопотами. Бессонные ночи, стирка пеленок и подгузников — ведь памперсов тогда не было, подгузники были многоразовые, из марли. И, между прочим, в отличие от памперсов, из натурального материала. Но стирки с ними, конечно, было больше. Так что в домашней круговерти были задействованы все — и мама, и папа, и бабушка Нина, жившая по соседству, и бабушка Зина, которая жила на другом конце города и продолжала работать. Лена была студенческим ребенком, родилась, когда Ольга Борисовна еще училась. Так что все было одновременно — прогулки с коляской, кормления, подготовка к защите диплома. Дома молодые родители не сидели — любили гулять, ходить в гости, общаться в дружеских компаниях. Друзья у Владимира — Сергей Сенькин, Александр Еропкин, и другие — почти все со студенческих времен. Это было самое яркое время жизни... И дружба — отсвет этого времени украшает всю последующую жизнь и делает ее богаче.

313.
Ольга Борисовна
Федорина с дочка-
ми Леной и Таней.
Октябрь 1984 г.

314.
Владимир Михай-
лович Федорин
с дочкой Таней,
которой исполни-
лось 22 дня. Июль
1984 г.

Владимир Михайлович с детства увлекался радиотехникой. Собирал колонки, усилители, приемники. Благо, что детали можно было брать на свалке предприятия, где он работал, — в отходах оборонки было чем поживиться. Дефицитные транзисторы доставал Сенькин, сын первого секретаря Карельского обкома партии. И музыка была готова! Собирались, устраивали танцы... Однажды поехали к Сенькину в гости с грудной Леной, а вернувшись обратно, обнаружили, что потеряли ключи. Этаж хоть и первый, но на окнах решетки. Что делать? Тут помогли спортивные навыки — Владимир Михайлович выломал из двери вставку, влез в отверстие, а потом приладил вставку обратно. Легкость и драйв молодости...

Кстати, кроме гимнастики, в жизни Владимира Михайловича был еще один значимый спорт — горнолыжный. Увлёкся он лыжами еще студентом. Сенькин позвал его в Карпаты, достал где-то снаряжение в виде кожаных ботинок и деревянных лыж — тогда пластиковых не было. И подъемников еще не было — поднимались с помощью троса и латунных крючков. Лыжи пришлись Владимиру по душе, и он объездил всю страну, все горнолыжные трассы, был на Домбае, в Кировске, в Чегете, где чуть не погиб — чудом сумел остановиться в пяти метрах от пропасти... Потом, после окончания института, стало не до спорта. Он продал снаряжение, чтобы сыграть свадьбу, и пятнадцать лет на лыжи не вставал. Но настали перемены, появились средства и возможность испытать европейские трассы. Владимир Михайлович снова вспомнил о своем увлечении. Первый раз вместе с женой они поехали в Словакию. И он почувствовал, что его

тело, несмотря на долгий перерыв, сохранило все навыки. А потом они уже облюбовали Французские Альпы: один из старейших курортов Шамони, где прошли первые Зимние Олимпийские игры 1924 года, а также живописную местность Три Долины, где сосредоточены крупнейшие горнолыжные курорты, в том числе знаменитые Куршевель, Мерибель, Валь Торанс. Три Долины — это 600 км прекрасных горнолыжных трасс разной степени сложности и 17 трасс для беговых лыж, связанных между собой 183 подъемниками. Рай для любителей активного отдыха! Владимир Михайлович поставил на лыжи супругу, а потом и дочку. Таню первый раз взяли с собой, когда ей было двенадцать лет. Она моментально освоила координацию — танцевальная школа помогла! — и просто сразу поехала. С тех пор горные лыжи — ее стихия. «Съезжала с гор, не зная страха», как вспоминал Владимир Михайлович. Любила экстрим, как сама признавала, но — до рождения детей. Кстати, детей, Катю и Арсения, она начала ставить на лыжи уже в три года. И первым тренером у них, конечно, был дедушка, а потом уже они пошли в лыжную секцию. Лена же в семейные поездки не ездила, но ее старшего сына Матвея дедушка на лыжи тоже поставил. Он вообще оказался талантливым тренером: «Главное в этом деле — правильно поставить основу. И осваивать азы надо сразу на хорошей качественной трассе. Мы это лишний раз поняли по Матвею. Когда мы его здесь пытались научить, у него не особо пошло, а во Франции он через два часа поехал, несмотря на то, что ему в тот момент нездоровилось».

Как известно, «лучше гор могут быть только горы»... Они дают человеку целебный адреналин полета. Которого как раз не хватает в повседневности. Время, когда росли дочки, запомнилось самыми разными моментами, например, строительством дачи. Дом, когда его строишь сам, — это всегда целый эпос. Одно из древних и самых созидательных занятий, которому всегда учишься на собственном опыте. Дом растет и меняется вместе с тобой. Впитывает твои радости и печали. Остается твоим другом и хранителем семейной истории. Владимиру Михайловичу вспоминается время, когда неутомимая бабушка Зина достала у себя на заводе стальные листы, чтобы крыть крышу. Мастер, которого наняли для этого, дело до конца не довел, и Владимиру пришлось самому обшивать фронтоны. Небольшой, но трудоемкий участок. И пока он достраивал дом, бабушка с внуками жили в теплице, а Владимир с женой ночевали на втором этаже, под недоделанной крышей, то есть, можно сказать, почти под открытым небом. И в этом была своеобразная экстремальная прелесть...

В 1994 году умер от инсульта Михаил Васильевич. У него в роду были частые сердечно-сосудистые заболевания, но и увлечение спирт-

ным, конечно, сыграло свою роль. Нина Алексеевна умерла спустя одиннадцать лет. И в конце жизни тяжело болела, потеряла память. Умерла она в психоневрологическом диспансере. Она вместе с мужем и мамой Елизаветой Петровной Швабе похоронена на Николо-Архангельском кладбище. Брат Владимира Михайловича Сергей Михайлович Федорин похоронен на Даниловском кладбище.

Но пока Нина Алексеевна была в добром здравии, она старалась помочь своим сыновьям растить детей, своих любимых внуков. Когда Владимир Михайлович получил трехкомнатную квартиру на ул. Изумрудной и семья переехала, его родители захотели по-прежнему жить рядом с сыном и тоже попытались переехать на Изумрудную улицу. Но новое жилье, находившееся на расстоянии нескольких домов от того, где поселился Владимир с семейством, оказалось непригодным, одна стена в квартире насквозь промерзала, жить в ней было нельзя. Пришлось возвратиться назад, на 16-ю Парковую... Тania помнит, как в выходные они с Леной приезжали туда, и дедушка их обязательно фотографировал. В этом он был поистине одаренным, его фотографии и киноплёнки представляют теперь историческую ценность.

Нина Алексеевна и Михаил Васильевич Федорины прожили вместе сорок три года. Они, как гласит известная формула, были

315.
Нина Алексеевна
и Михаил Васи-
льевич Федорины.
1988 г.

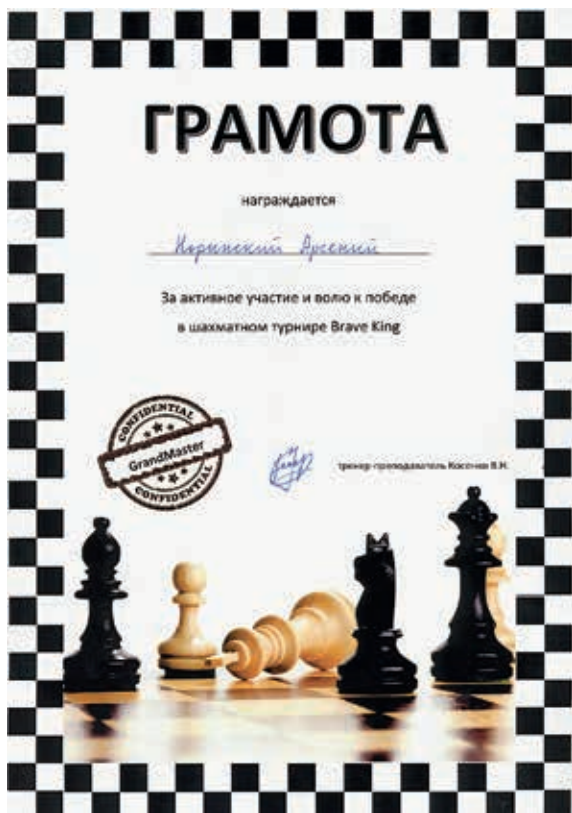
вместе и в горе, и в радости, и преподали хороший пример своим детям. Владимир Михайлович с Ольгой Борисовной тоже вместе уже почти сорок лет. В мире и согласии. «Это значит, что я получил самое правильное воспитание — личным примером, — убежден Владимир Михайлович. — Потому что все главное мы берем из семьи родителей. Скорей всего, неосознанно, но эту связь всегда можно проследить. И я благодарен моим родителям за то, что многое они мне сумели объяснить без слов».

Владимир Михайлович и Ольга Борисовна Федорины давно уже стали дедушкой и бабушкой. У них шестеро внуков — Матвей, Катя, Арсений, Владик, Максим и Маша. И каждый из них — яркая индивидуальность, неповторимый мир, пока еще хрупкий и нежный, которому важно обрести свое место на этой Земле. Великая роль старшего поколения — быть рядом и уметь разглядеть в каждом ребенке прекрасную высокую ноту, помочь прорасти и раскрыться каждому ростку таланта и способностей, обрести гармонию и сохранить тепло и свет в душе.

316.
Катя Наринская. 2 класс.
В первом ряду
слева. 2018 г.

316

317

317.
Грамота за участие в шахматном турнире Арсения Наринского. Арсению 6 лет. 2018 г.

318.
Похвальная грамота Кати Наринской. 2 класс. 2018 г.

318

365 Эпос с адреналином

319.
Владислав, Елена,
Максим и Матвей
Полуюфта.
Москва. Август
2018 г.

319

320.
Артём, Владислав,
Максим, Елена
и Матвей Полу-
юфта в Испании.
Июнь 2017 г.

320

321–322.
Елена Полулюфта с сыновьями
в Ницце. Июнь
2018 г.

323.
Максим, Матвей
Владислав Полулюфта на даче
в Нижнем Шахлово. Июль 2018 г.

321

322

323

367 Эпос
с адреналином

324–328.
Семья Нарин-
ских у себя дома
в Аносино. Осень
2017 г.

324

325

326

328.
Инкубатор. Выси-
живаем птенцов
под музыку
Моцарта

327

328

369 Эпос
с адреналином

329–332.
Семья Нарин-
ских у себя дома
в Аносино. Осень
2017 г.

329

330

370 Часть четвертая.
Обретение полета

331

332

333-337.
Семья Нарин-
ских у себя дома
в Аносино. Осень
2017 г.

333.
Фермерские кон-
сервированные
овощи из Моке-
евки. Домашний
погреб

333

334

372 Часть четвертая.
Обретение полета

334.
Жмых после
отжима винограда
для пригото-
вления фирменной
чачи

335

335-336.
Домашний погреб.

336

337.
Чача собственного
приготовления

337

373 Эпос
с адреналином

338–341.
Семья Нарин-
ских у себя дома
в Аносино. Осень
2017 г.

338

339

374 Часть четвертая.
Обретение полета

340

339.
Дмитрий Наринский во время производства домашнего вина

340.
Фермерские консервированные овощи из Мокевки. Домашний погреб

341.
Производство сидра. С семьей Давидовых

341

375 Эпос с адреналином

342-343-
Катя и Арсений
Наринские
со своими домаш-
ними питомцами.
Аносино. Лето
2018 г.

342

343

376 Часть четвертая.
Обретение полета

344.
Татьяна и Дмит-
рий Наринские
с младшей

дочерью Машей.
Аносно. Лето
2018 г.

345.
Катя и Арсе-
ний Наринские
с младшей

сестрой Машей.
Аносно. Лето
2018 г.

344

345

346–347.
Дмитрий и Та-
тьяна Наринские
с детьми — Ека-

териной, Марией
и Арсением у себя
дома в Аносино.
Август 2018 г.

346

347

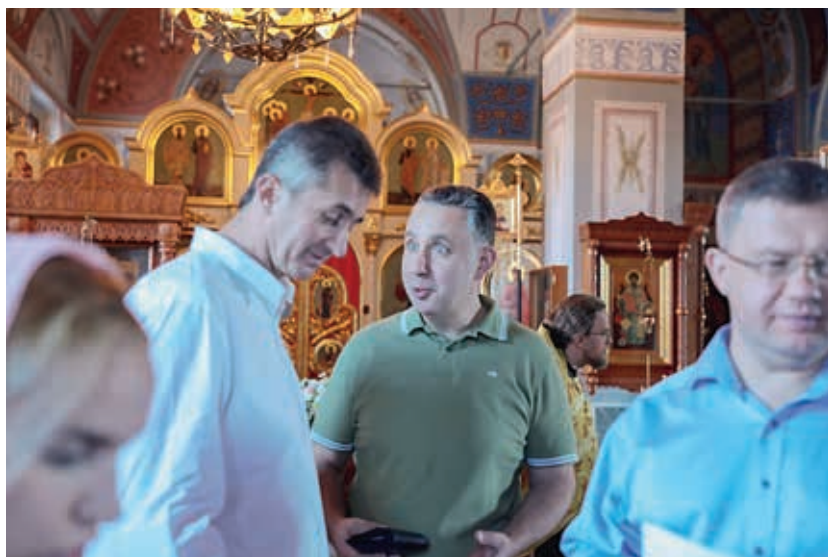

348.
Крещение Маши
Наринской. Сле-
ва направо: Та-
тьяна, Дмитрий
Наринские, Ан-
дрей Волков, Ми-
хаил Петриченко.

Борисоглебский
Аносин женский
монастырь. Ав-
густ 2018 г.

349.
Крещение Маши
Наринской.
В центре: Татъя-
на Наринская
с Машей и Ка-
тей. Слева от
нее: Инна и Анд-

рей Волковы,
Дмитрий Нарин-
ский с Арсени-
ем. Справа: семья
Петриченко —
Михаил, Елена
и Злата. Август
2018 г.

348

349

379 Эпос
с адреналином

350.
Дмитрий и Та-
тьяна Наринские
с детьми у шко-

лы Кати и Арсе-
ния. 3 сентября
2018 г.

350

351.
День рождения
Дмитрия Нарин-
ского. Дмитрий

с другом Миха-
илом Петричен-
ко — крестным
отцом Маши. На

руках у Михаи-
ла Маша Нарин-
ская. Аносино.
Октябрь 2018 г.

352.
День рождения
Дмитрия Нарин-
ского.

Сидят за сто-
лом, слева на-
право: Дмитрий
Фурман с сы-
ном Александром,
Дмитрий и Та-
тьяна Наринские
с Машей, Елена и
Михаил Ведерни-
ковы.

Стоят, слева
направо: Миха-
ил и Елена Пе-
триченко, Инна
Волкова, Анна
Юрашова, Инна
и Андрей Золо-
товы, Василий
Красюк, Андрей
Волков, Чечины
Андрей и Лена.
Аносино. Октябрь
2018 г.

351

352

353–355.
Дом семьи На-
ринских в по-

селке Аносино.
Московская обл.
Осень 2018 г.

353

354

355

Часть пятая

Цветок на скале

Мария Давыдовна Персова

Семья Олега Теофиловича

Кокулевского *

* Глава, не
вошедшая
в книгу «Терп-
кие нити
любви. Семей-
ная история
в документах
и воспомина-
ниях», М., 2012

*Что ни холм — то акварель Волошина,
Что ни волна — то сонм морских путан.
Все, что мной загадано, попрошено,
Подарил знакомый капитан.*

Наталья Наринская

Клубок родства

В истории рода Наринских есть один удивительный судьбоносный момент. Судьбоносный для десятилетнего мальчика, которого семья Анны Яковлевны Ганевской, урожденной Наринской, и Григория Марковича Ганевского спасла от участи детдомовца военных лет. Этим мальчиком был Олег Теофилович Кокулевский (23.04.1932–26.06.2010), сын Марии Давыдовны Персовой (25.04.1901–1942), которая по иронии судьбы была полной тезкой своей тети. Этот эпизод вкратце упоминался в книге «Терпкие нити любви...», однако жизнь этих людей заслуживает куда более подробного описания. И благодаря правнуку Олега Теофиловича — Михаилу Дубровскому, оказавшему содействие в сборе исторического материала, теперь это стало возможным.

Для начала еще раз проясним родственные связи. Мать Анны Яковлевны Ганевской и Марка Яковлевича Наринского — и соответственно бабушку Вадима Наринского — тоже звали Мария Давыдовна Персова (1883–1832). Вероятно, у нее был брат Давыд Давыдович Персов, а у него — дочь Мария Давыдовна Персова. Вот об этой младшей Марии и пойдет речь в этой главе. Известно о ней не очень много в силу трагических обстоятельств ее ухода из жизни — она умерла от истощения в 1942 году, когда ее сыну Олегу было всего десять лет. Что же этому предшествовало?

Истоки повествования, вероятно, в Полтавской губернии, куда нас уже приводили ветви этого раскидистого генеалогического древа, а именно — родословия Морачевских и Бурко. Мария родилась 25 апреля 1901 года в городе Кременчуге, о чем нам говорит ее диплом — свидетельство об окончании Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе. Кременчуг — промышленный город

1.
Мария Персова
предположительно с племянником.
Начало 1920-х годов

2.
Мария Персова.
На обороте надпись: «На память дорогим Грише, Дорочке и всей

семье от любящей их сестры и тети Маруси. 22/VII, 25 г., Симферополь»

центральной Украины, расположенный на берегах Днепра. Когда-то, в XIX веке в нем преобладало еврейское население. Очевидно, что родители Марии из Кременчуга переехали в Киев, потому что по сохранившимся сведениям потомков она жила в столице Украины. И достоверно известно, что в Киеве родился ее сын Олег. Но что касается родственников, то со всей определенностью можно сказать, что ее связывали теплые, искренние отношения с двоюродной сестрой Анной Ганевской, а также с родным братом Григорием Давыдовичем Персовым, который жил с женой Дорой и детьми в Ленинграде, на ул. Воинова, ныне Шпалерная. Именно у Григория Персова останавливался Марк Наринский, брат Анны, когда приехал поступать в военное училище. Только есть одна нестыковка: Марк называл Григория дядей. В таком случае, он должен был быть братом Марии Персовой-старшей — и тогда никак не мог быть братом Персовой-младшей. Или Персова-старшая и младшая — не тетя с племянницей, а сестры. Тогда почему двух сестер называли одинако-

3.
Мария Персова
с братом Григори-
ем. Симферополь.
1927 или 1929 г.

во — Марией? Такие прецеденты бывали лишь в том случае, если одна из сестер умирала в младенчестве, но в данном случае обе Марии достигли зрелого возраста и оставили потомков.

Однако оставим эти вопросы до лучших времен и обратимся к тому, что сохранили нам воспоминания и документы. Мария дорожила дружбой с братом и его семьей — сохранились фотографии, где она вместе с Григорием, и фото, которое она послала в 1925 году, во время учебы в институте. На обратной стороне подпись: «На память дорогим Грише, Дорочке и всей семье от любящей их сестры и тети Маруси. 22/VII, 25 г., Симферополь». С дядей Гришей и его семьей впоследствии поддерживал отношения Олег. Петербургская ветвь Персовых — через Марка Персова, жившего по соседству с Григорием, — связывает Марию и ее сына с Владимиром Марковичем Персовым, заслуженным деятелем искусств РФ, лауреатом премии «Ника», сотрудником киностудии «Ленфильм», директором киновидеостудии «Берег» и бессменным звукорежиссером фильмов Александра Сокурова.

В Москве Мария Персова поддерживала отношения и с упомянутыми в предыдущей главе Розой и Фирой. Удивительно, но Олег Кокулевский, как и Михаил Ганевский, тоже запомнил Розу и Фирю как Персовых. Хотя на самом деле Роза была урожденной Бланк, и они с Фирой были родственниками Берты Наринской, урожденной Гальпер — жены Марка, брата Анны Ганевской. Дом Розы и Фиры на Трубной был известен своим дружелюбием и гостеприимством. Много лет спустя супруга Олега Лидия Алексеевна Кокулевская со старшим сыном Сергеем останавливались у Розы с Фирой. Роза

тогда была уже серьезно больна, но приняла прибывших с Дальнего Востока гостей очень тепло и доброжелательно. Возможно, именно поэтому Роза и Фира запомнились Кокулевским как Персовы, т. е. ближайшие родственники, — в этом доме не делили гостей на ближних и дальних и принимали всех тепло, по-свойски.

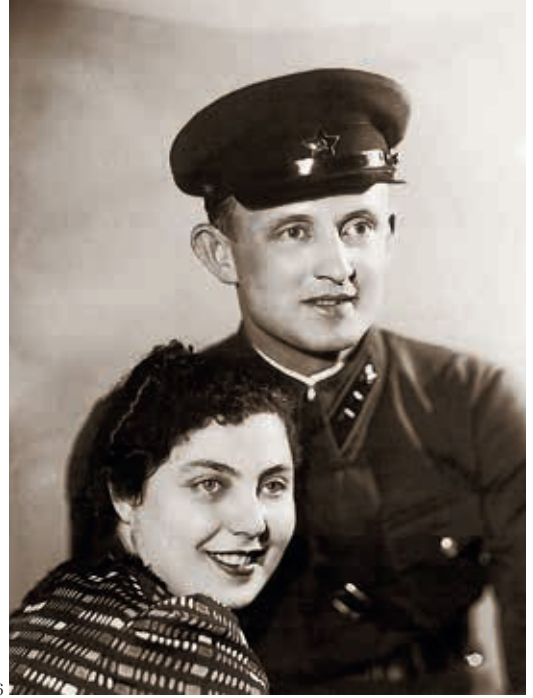
Таким образом, можно увидеть, что родственные связи Марии уводят нас от родной ей Украины в Москву и Ленинград. Однако важную и, наверное, самую плодотворную часть жизни она прожила в Крыму. Так вышло, что ее обжигающе короткая жизнь была неразрывно связана с мощными природными стихиями — камнем, солнцем и водой. Ведь она выбрала профессию геолога. Хрупкая, до щепетильности честная, замкнутая девушка посвятила себя мужской профессии — почему? Впрочем, вопрос, возможно, и нелеп, потому что факторы, лежащие на поверхности, очень мало могут объяснить. Кроме хрупкости, Марии Персовой была присуща стойкость и воле-

5.
Мария Персова
с сыном Олегом.
Конец 1930-х годов

5

6.
Анна Яковлевна и Григорий
Маркович Ганевские. 1939 г. На
обороте надпись:
«Светлая память
вам, родителям
моим прием-
ным, маме Анне
Яковлевне и отцу
Григорию Марко-
вичу Ганевским»

6

вое начало, иначе она бы не смогла преодолеть трудности, выпавшие на ее долю. Избалованной неженкой ее назвать было никак нельзя — таким в экспедициях не выжить. К тому же, если обратить внимание на даты в дипломе, она поступила в институт в 1924 году, когда ей было уже двадцать три года. Возможно, до этого она пыталась поступить куда-то еще... Жаль, что этого уже не узнать.

Чудо Крыма

Крымский педагогический институт имени М. В. Фрунзе, в котором Мария Персова окончила естественное отделение, изначально был Таврической академией, ведущим высшим учебным заведением Крыма, идея открытия которого возникла еще в конце XIX века. В его становлении принимали участие многие научные центры, и прежде всего Киевский университет Святого Владимира, который в мае 1918 года открыл свое отделение в Ялте и направил сюда большую группу профессоров. Уже к осени 1918 года для работы в Таврическом университете в Крым переехали всемирно известные ученые, такие как В. А. Обручев, В. И. Палладин, Н. И. Андрусов. П. П. Сушкин. В конце сентября Ялтинское отделение было переведено в Симферополь, а 14 октября состоялось торжественное открытие Таврического университета как самостоятельного учреждения.

В годы гражданской междоусобицы университету выпало стать главным научным центром всего региона. Академик В. И. Вернадский, возглавивший его в октябре 1920 г., отмечал, что тогда Таврический университет «представлял собой одну из самых сильных научных школ в стране». Таврический университет просуществовал два с половиной года и в январе 1921 года был переименован в Крымский университет им. М. В. Фрунзе. Эта реорганизация не была единственной в его судьбе. Уже в 1925 году, в то время, когда здесь училась Мария Персова, он станет Крымским государственным педагогическим институтом им. М. В. Фрунзе и только в 1972 г. — Симферопольским государственным университетом им. М. В. Фрунзе. К счастью переименования не влияли на традиционно высокий уровень преподавания — здесь по-прежнему работали профессора уровня А. Ф. Иоффе и И. Е. Тамма, а среди известных выпускников был, к примеру, И. В. Курчатов.

И только в августе 1999 года ВУЗу был присвоен статус национального и возвращено первоначальное название — Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского. Но трагические события, начавшиеся в 2014 году, которые еще не закончились и последствия которых еще предстоит осмыслить, и изменение статуса Крыма привели к очередной реорганизации-расколу. И теперь, в сущности, существует два Таврических университета, один из которых (ТНУ) теперь переехал в Киев, другой стал частью Крымского федерального университета и остался в Симферополе.

Но вернемся в 1930 год, когда Мария окончила институт. Судя по количеству дисциплин и практикумов, изученных и отмеченных

7.
Свидетельство об окончании Крымского государственного университета, выданное Марии Давыдовне Персовой, 1930 г.

в дипломе Марии Персовой, образование она получила действительно фундаментальное — и по своей специальности геолога, и в смежных областях знаний — химии, биологии, анатомии человека и животных, ботанике, эмбриологии, гистологии, микробиологии... И, конечно, в связи с реорганизацией университета она изучила программу по педагогическому профилю. Возможно, даже уникальную на тот момент, судя по тому, что в дипломе отмечены и «экспериментальная психология», и «история новой педагогики», и «семинарий повышенного типа по педагогике». А также «основы работы с детьми, уклоняющимися от нормы» — то есть в так называемую норму не вписывающимися. Дело в том, что в двадцатые годы советский режим еще не полностью перекрыл кислород научному прогрессу и творческому развитию мысли. Поэтому Мария вполне могла получить знания и по психоанализу, в 1930-е годы уже запрещенному в Советском Союзе.

Но выбрала Мария работу в Крыму. Точнее, как следует из документов, она поступила в аспирантуру, где темой ее научно-практической работы стали фосфоритовые месторождения Крыма. И судя по всему, она искренне любила Крым... Здесь прошли ее студенческие годы, и здесь она познакомилась с Теофилом: история любви, которая не привела к браку. Но привела к обретению нового смысла — рождению сына. Олега Кокулевского, от которого пошла мощная ветвь родословного дерева Персовых-Кокулевских.

В 1930 году Мария окончила институт и сразу окунулась в работу, став начальником Первой Крымской горно-геологической фосфорито-поисковой партии Научно-исследовательского института по удобрениям. Видимо, одновременно она поступила в этот институт в аспирантуру. В экспедиции она познакомилась с сотрудником своей поисковой партии, геологом-коллектором Т. А. Кокулевским. Собственно, одним из немногих источников, рассказывающих об этапах геолого-разведочной работы Марии Персовой, являются

8.
Топограф
Н. И. Кондакова
и возчик Осман
Самдин — коллеги
по экспедиции
Марии Персовой.
18 сентября 1930 г.
Фотография
Т. А. Кокулевского

9.
Мария Персова (третья слева) с коллегами по экспедиции. 19 сентября 1930 г. Фотография Т. А. Кокулевского

фотографии, многие из которых сделаны Теофилом, о чем свидетельствуют надписи на обороте. И первая из них датирована 18 сентября 1930 года. На снимке нет самой Марии, но есть ее коллеги по экспедиции — топограф Н. И. Кондакова и возчик Осман Самдин, из местных крымских татар. Подпись гласит: «Привал у шоссе «Ялта — Бахчисарай» в долине реки Бельбек у обрыва между селениями Тиш-Башты и Биюк-Сюрень.

Фотографировано сотрудником I Крымской горно-геологической фосфорито-поисковой Партии Научно-исследовательского Института по удобрениям Т. А. Кокулевским»

Сохранилось и фото следующего дня — 19 сентября 1930 года. Здесь уже мы можем видеть Марию Персову вместе с Теофилом Кокулевским и других участников экспедиции в кругу семьи местных жителей, у которых геологи поселились на время работы. Подпись сохранила имя главы семейства Саит-Халил-Саит-Мемет. Из подписи к фото также можно узнать, что дом, где приняли на постой экспедицию, находился в селе Албат в окрестностях Бахчисарая. Там, соответственно, и велись раскопки. С 1945 года это село было переименовано, как и большинство населенных пунктов в Крыму, в связи с депортацией татар и других крымских народов. Албат с многовековой богатой историей называли Куйбышево, теперь это поселок городского типа в Бахчисарайском районе. Река Бельбек, в долине которой он находится, — самая полноводная река Крыма. Протекает она

10.
Начальник второй
поисковой партии
В. В. Колобин-
ская, Мария
Персова, Теофил
Кокулевский на
привале во время
восхождения
на Арман-Кая.
23 сентября 1930 г.
Фотография Ос-
мана Самдина

в юго-западной части полуострова. В верховьях сама река и её притоки представляют собой бурные, никогда не пересыхающие потоки, с узким руслом, быстрым течением и крутыми высокими берегами. При пересечении Внутренней гряды Крымских гор у села Малое Садовое долина реки существенно сужается, образуя так называемый Бельбекский каньон (Бельбекские или Албатские ворота). При этом ширина речной долины в самом узком месте составляет 300 метров, а глубина 160 метров. На правых склонах долины находятся гроты, где были обнаружены стоянки кроманьонцев эпохи позднего палеолита. В 1969 году Бельбекский каньон был объявлен памятником природы. И для полноты картины следует отметить, что в долине этой реки находятся такие достопримечательности, как Сюйреньская крепость и пещерный монастырь Челтер-Коба. Тем ценнее, что сохранились фотографии этой местности, сделанные Марией Персовой в начале 1930-х годов.

Особенно — во время восхождения на главную местную достопримечательность, легендарную и необыкновенно живописную гору Арман-Кая, в просторечье Крокодил. Этот средневековый форпост Бельбекской долины неизменно привлекает путешественников своей необычной формой, действительно напоминающей хребет крокодила. В этой скале как раз и находится вход в пещеру. Поистине это встреча с причудами природной архитектуры. Фотография, датированная 23 сентября 1930 года, запечатлела Марию,

Теофила и начальника второй поисковой партии В. В. Колюбинскую на привале во время восхождения на Арман-Кая. Фотографировал Осман Самдин.

А 25 сентября того же года Теофил Кокулевский запечатлел Марию на разработках кеффекелита у села Мангуш (ныне Прохладное), который сокращенно назывался кил или мыльный камень. Это своеобразная крымская глина, минерал, издавна использовавшийся для изготовления мыла, зубного порошка, а также для осветления подсолнечного масла, соков, вин и очистки нефтепродуктов. До революции широко рекламировалось дорогое мыло высшего сорта «Чудо Крыма», изготовленное из кила и пальмового масла. В более экономичном варианте использовали сырой кил или его смесь с золой. В первом научном описании этого вещества указывалось, что татарские и турецкие женщины использовали его для мытья головы. Кроме того, крымчане использовали кил для мытья в морской воде, для очистки шерсти от жира, для различных целебных целей. Кил или, как его еще называют, голубая глина и по сей день используется в косметическом производстве. А в 1930-е годы в Симферополе стали выпускать стиральный порошок на основе кила. Словом, кил — достояние Крыма.

От той экспедиции в окрестности Бахчисарая остался рисунок Марии, на которой она изобразила гору Караул-Тепе. Название переводится с татарского как дозорная возвышенность. Это лесистая

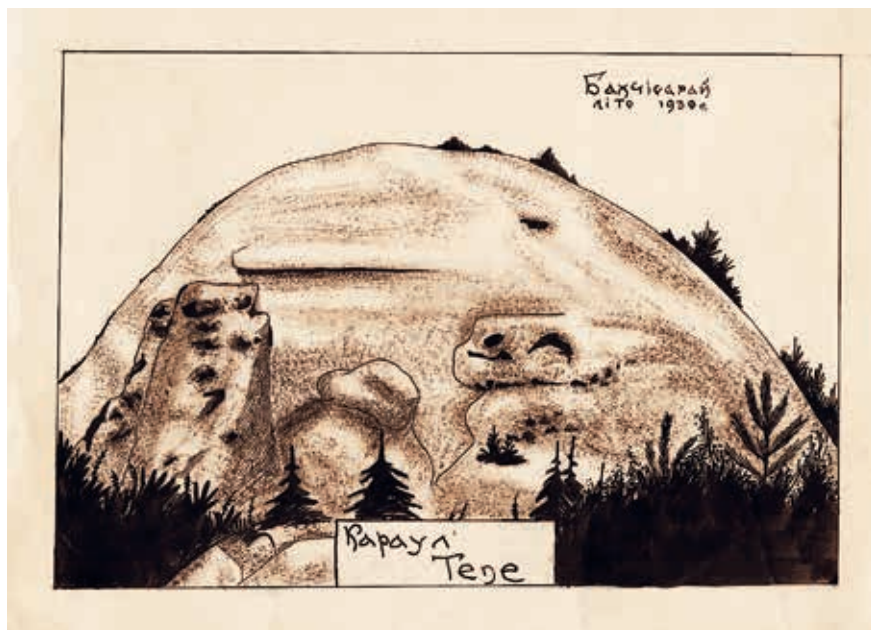
11.

Разработки кеффекелита у села Мангуш (ныне Прохладное).

Подпись на обороте: «Крым 25/IX — 1930 г. Разработки Кеффекелита (кил) у с. Мангуш Бахчисарайский Рай Артелию «Первого мая».

Староста артели Смаил-Асан. Сидят в центре слева направо: Топограф Кондакова Н. И. Нач. I Партии Персова М. Д. Нач. II Партии Колюбинская В. Коллектор Несветайлов Н.

Фотографировано сотрудником I Крымской горно-геологической фосфорито-поисковой Партии Научно-исследовательского Института по удобрениям Т. А. Кокулевским»

коническая гора с крутыми склонами и поляной на вершине, действительно удобная для наблюдения. Вообще следует отметить, что очень немногие туристы добирались в те внутренние области Крыма, не имеющие выхода к морю. И по немногим источникам информации, пусть не подробным, но достоверным, оставшимся благодаря Марии Персовой и сохранным ее сыном и его потомками, мы можем представить, насколько живописна и таинственна крымская природа и какие исторические богатства в ней сокрыты. По одним только топонимам можно изучать историю народов, оставивших здесь свой след, — прежде всего греков и крымских татар. Собственно поэтому в Крыму издавна ведутся археологические раскопки. И в этом притягательная сила полуострова и его неувядающей красоты — в сочетании ценности природной и метафизической. Поэтому так естественно именно здесь испытать сильное чувство к человеку, с которым тебя объединяет столь мощное переживание. Можно предположить, что Мария, которая училась шесть лет в Симферополе и уже успела изучить Крым вдоль и поперек и полюбить, — знакомила с его потаенными уголками Теофила. А он, в свою очередь, взял ее под свое крыло. Просто потому что она по характеру вряд ли была строгим начальником, твердой рукой, которая порой необходима в экстремальных условиях. Она была умным, чутким, благородным человеком — и незащищенным. А Теофил Кокулевский, — судя по фотографиям, — волевой и брутальный. Не в этом ли была предпосылка к взаимному притяжению...

13.
Гора Арман Кая.
Фотография
Марии Персовой.
1930-е годы

13

14.
Бельбекский
каньон. Лесной
дом. Фотография
Марии Персовой.
1930-е годы

14

Мужественное материнство

Однако продолжим восстанавливать жизненный путь Марии по тем крупицам информации, которые скрываются за скупыми строками официальных документов. В самом начале 1931 года Мария, видимо, приехала в северную столицу. О том свидетельствует обращение горно-геологического отдела НИИ по удобрениям в Академию наук СССР г. Ленинграда от 19 января 1931 года:

«Настоящим Горно-геологический Отдел Научно-Исследовательского Института по Удобрениям просит Вас оказать нашему геологу Марии Давидовне Персовой содействие в деле научной обработки собранных ею материалов по геологии фосфоритовых месторождений Крыма, предоставив ему возможность пользоваться Вашей библиотекой и материалами для сравнения в Ваших музеях и лабораториях.

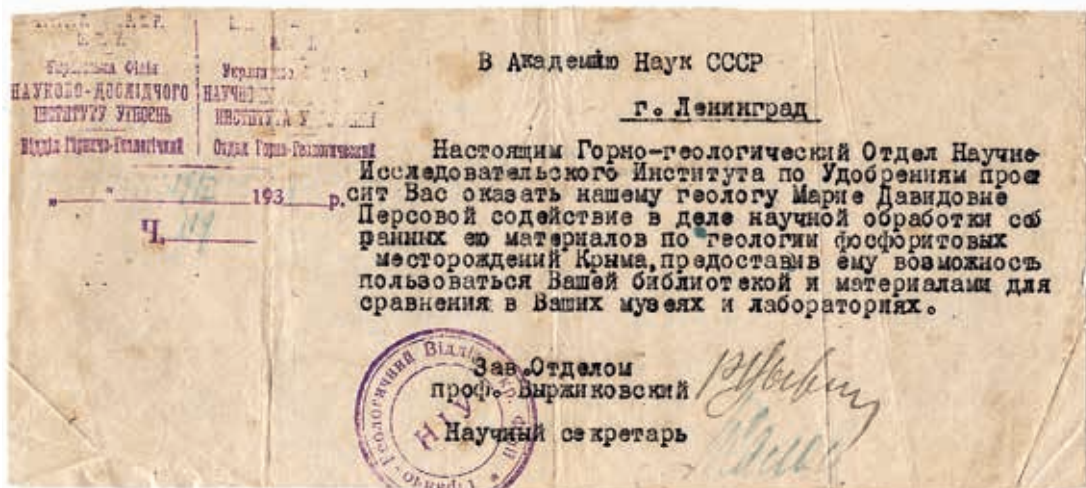
Зав. Отделом проф. Выржиковский»

Поездке в Ленинград Мария наверняка обрадовалась — ведь там жил брат Гриша. Прекрасный город, где есть близкие люди... Может, именно там она впервые поделилась сокровенным — рассказала о своих чувствах к Теофилу. Но кому рассказала? Не брату, конечно, а его жене Доре. Ведь с ней у Марии были очень теплые отношения. Впрочем, об этом остается лишь гадать и строить предположения. Одно мы знаем наверняка — о любви, тем более драматичной и сложно переживаемой, непременно хочется поделиться в исповедальном разговоре с тем, кому доверяешь. И кто не станет тебя осуждать «по партийной линии» за буржуазные пережитки и несоветское поведение. Вспомним, какое было время! Уже начинались репрессии, и соответственно крепла бдительность граждан, выражаемая ни в чем ином, как в доносах.

Впрочем, вряд ли Мария думала обо всем этом тогда. И опять-таки, что касается времени: ей было уже тридцать. А советские гендерные стереотипы были жесткие. Вроде «давно замуж пора» etc. Если уж попробовать поставить себя на место человека той эпохи, надо учесть и этот немаловажный момент давления на личность. Как и то, почему Олег совсем не вспоминал своих бабушку и дедушку, родителей Марии. Почему не осталось фотографий и никаких сведений о них? Притом что с другими родственниками Мария поддерживала связь.

Если бы она была свободолюбивой бунтаркой, тогда ее жизненные коллизии были бы во многом объяснимы. Например, она могла разорвать отношения с семьей, вырываясь из-под гнета замшелой патриархальности. Но сын запомнил ее совсем в иных тонах. И тут затрагивается другая, очень интересная с точки зрения психологии тема — мотивы эмпирической памяти. Каким мы запоминаем близкого нам человека — и являлся ли он таким в действительности? И насколько последующие события и повороты судьбы преломляются в нашей памяти образ тех, кто был нами утрачен. Замутняют ли драгоценный хрусталик внутреннего зрения пластиы времен...

15.
Обращение в Академию наук СССР.
19.02.1931 г.

Вопросов в этой истории больше, чем ответов. От глобальных до самых примитивных. Скажем, о том, что, возможно, Теофил Кокулевский был женат. И семьи с Марией у него не могло быть именно по этой причине. И тогда, казалось бы, сюжет проясняется. Но ни подтверждений, ни опровержений этой версии нет. Хотя это сомнительно уже потому, что Мария отвергала любую ложь, даже на первый взгляд безобидную. Именно эта черта ярче всего запечатлелась в памяти ее сына. Связь с женатым мужчиной никак не вяжется с ее характером. Она органически не могла брать чужое. Не будь в ней этой врожденной кристальной порядочности, она могла бы выжить во время войны. Но даже ради ребенка она, например, принципиально не брала ничего со склада, разрушенного бомбой. Такой характер. Так что версия не выдерживает критики.

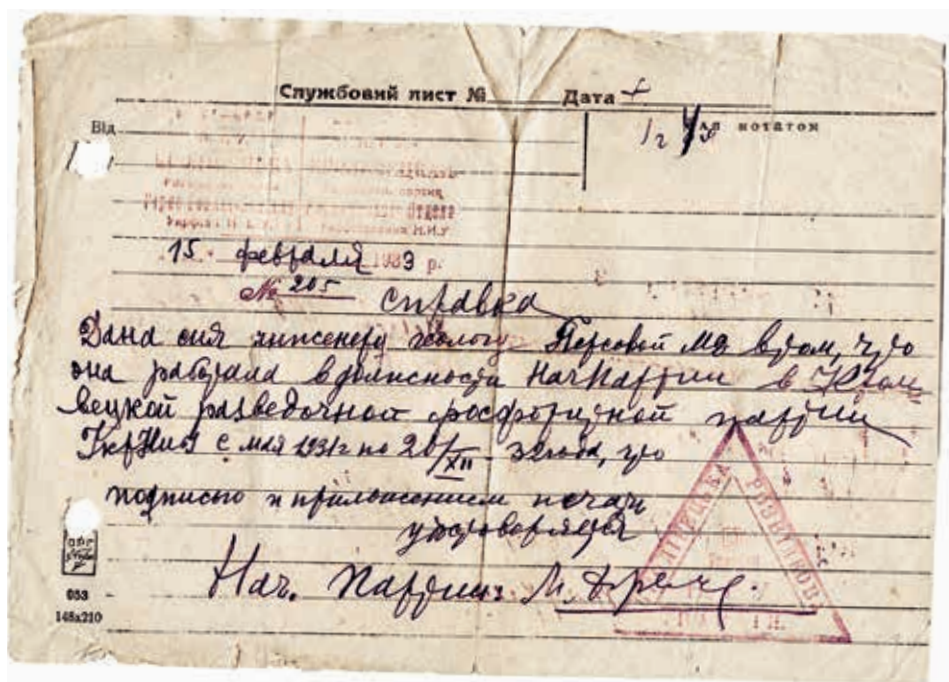
Одно ясно: если Мария, не состоя в браке, дала сыну фамилию отца, то ее с ним связывала не мимолетная связь.

Вернемся же к сухим фактам. Следующий документ, к которому, согласно хронологии, необходимо обратиться — это справка от 15 февраля 1933 года НИИ по удобрениям:

«Дана сия инженеру геологу Персовой М.Д. в том, что она работала в должности Начпартии в Кролевецкой разведочной фосфоритной партии УкрНИУ с мая 1931 г. по 20 /XII-32 года, что подписью и приложением печати удостоверяется

Нач. Партии: М. Фремд»

16.
Справка о выполненной работе Персовой М.Д. за 1931–1932 гг.

Таким образом, работа привела Марию из Крыма на север Украины — в окрестности города Кролевец Сумской области, ранее — уездный город Черниговской губернии. И, как известно, именно в этот период она родила Олега. 23 апреля 1932 года. Словно подгадала к своему дню рождения 25 апреля. Не сохранилось никакого упоминания о декретном отпуске, поэтому даже предположить трудно, как она обходилась одна с новорожденным, молодая мама-геолог... То обстоятельство, что Олег родился в Киеве, дает надежду, что ей помогали родные. Возможно, первое время помогал и Теофил. Олег отца не помнил. Он помнил лишь то, что где бы Мария ни работала и куда бы ни ездила, она всегда брала его с собой...

Между тем об этом времени сохранился еще один документ — служебная записка упомянутого М. Фремда от 8 ноября 1931 года, который уже значится консультантом, а не начальником партии.

Но судя по тому, что Мария Персова, к которой обращена записка, обозначена теперь как начальник Красковой партии, и речь уже не о Кролевце, а об окрестностях города Изюм Харьковской области, то ничего удивительного в смене должности Фремда нет. Как и в смене местности — ведь геологическая партия проводит работу в мало освоенных местностях, зависит от многих природных факторов, мобильна и постоянно передвигается. А недра в предместьях Изюма богаты на ценные сырьевые материалы. Однако на сей раз Фремд принес Марии неприятности — приехал с проверкой и написал на нее и на весь ее коллектив докладную начальству. А Мария на тот момент была уже беременна. Срок — примерно три месяца. Первый триместр, самый разгар токсикоза и прочих недомоганий. И тут еще этот Фремд со своими придирками! Стоит ли заходить далеко и предполагать, что эпизод этот неслучаен? Интриги существуют всегда, и вполне вероятно, кому-то не нравилось, что начальником партии стала вчерашняя студентка. Возможно, и о беременности узнали. Хотя вряд ли Мария делилась об этом на работе. Но тайное рано или поздно становится явным. Не исключено, что кто-то заметил изменения в ее состоянии до появления явных признаков — к тому же внимательному глазу это нетрудно. Да и врачи в советские времена не слишком соблюдали конфиденциальность. В любом случае, почва для сплетен была — и надо было иметь недюжинную смелость, чтобы в 1930-е годы решиться родить без мужа и, в сущности, без поддержки родных, имея такую беспокойную и не домашнюю профессию. Какое ей было, беременной, на раскопках?

И этот штрих... сама фамилия «Фремд» звучит как издевка. Так и хочется назвать его «Фрейдом»... Но это, как говорится, уже лирика. А вот содержание служебной записки — отнюдь:

«<...>Геологическая съемка сильно отстала по всем участкам, что является значительным тормозом для остального ведения буровых работ.

<...>Отстает обработка образцов и составление сводных результатов по отдельным скважинам.

<...>Совершенно не приступлено к работам по геологическим съемкам на участке Новый Оскол и Долгенькому.

Для нормального геологического обслуживания буровой Партии и выполнения намеченного плана работ необходимо срочно выполнить все отмеченные дефекты в работе, в частности необходимо сделать следующее:

1/Срочно пригласить старшего коллектора, т. к. наличный штат мало квалифицирован и не в состоянии выполнить намеченный план работ.

исполнитель тов. Персман

8/XI 1931 г.

СЛУЖБЕННАЯ ЗАПИСКА.

От кого : Консультанта Красковой Партии И. П. М.

Кому : Начальнику Партии. К о п и я У. О. И. П. М.

На основании ознакомления с работой Геолого-Разведочной Партии Института Прикладной Минералогии, можно сделать следующие выводы:

- 1/ Геологическая съемка сильно отстала по всем участкам, что является значительным тормозом для остального ведения буровых работ.
  - 2/ Нет инвентаризационных данных по буровым скважинам и разведочным шурфам на Ковалевском и Бурхановском участках, что также является затруднением для решения вопросов, связанных с составлением дальнейшего плана работ.
  - 3/ отстают обработка образцов и составление сводных результатов по отдельным скважинам.
  - 4/ совершенно не приступлено к работам по геологическим съемкам на участке Новой Оскол и Долгенькому.
- Для нормального геологического обслуживания буровой Партии и выполнения намеченного плана работ необходимо срочно выполнить все отмеченные дефекты в работе в частности необходимо сделать следующее:

- 1/ Срочно пригласить старшего геолога, т.к. назначенный штат мало квалифицирован и не в состоянии выполнить намеченный план работ
- 2/ срочно произвести разведки на участках Сухая Каменка / в районе скв. № 4 и в других пунктах, где рельеф местности этому благоприятствует / в Ковалевско-Бурхановском и Тополевском районах.
- 3/ предложить топографу дать точные данные относительно направлений линий соединяющих скв. № 1, 2 и 3 на Сухой Каменском участке; дать условные лимитки для всех интересующих нас точек на Ковалевско - Бурхановском участках, снять планы подземных выработок на Сухой Каменке и Бурхановском участке, доставить условные реперы на Сухой Каменском и Ковалевско - Бурхановском участках.
- 4/ периодически производить описание выработок Укрхимоб"единения как на Ковалевском, так и на Красно Осоловском участках.
- 5/ Разведку буровых скважин вести в направлениях указанных в протоколе совещания от 8/XI-31 г.
- 6/ Пригласить мне в Киев с копии все имеющиеся материалы, полученные до настоящего времени и в дальнейшем через каждые 5 дней присылать мне правильно данные, относящиеся к проходным скважинам, тоже относится к топографическим основам.

Консультант:

/ФРЕД/

/Персман М./

2/Срочно произвести расчистки на участках Сухая Каменка /в районе скв. №4 и в других пунктах, где рельеф мощности этому благоприятствует/ в Ковалевско-Бурхановском и Топольском районах.

<...>

6/Прислать мне в Киев в копии все имеющиеся материалы, полученные до настоящего времени, и в дальнейшем через каждые 5 дней присылать мне правильно данные, относящиеся к проходимым скважинам, что тоже относится к топографическим основам».

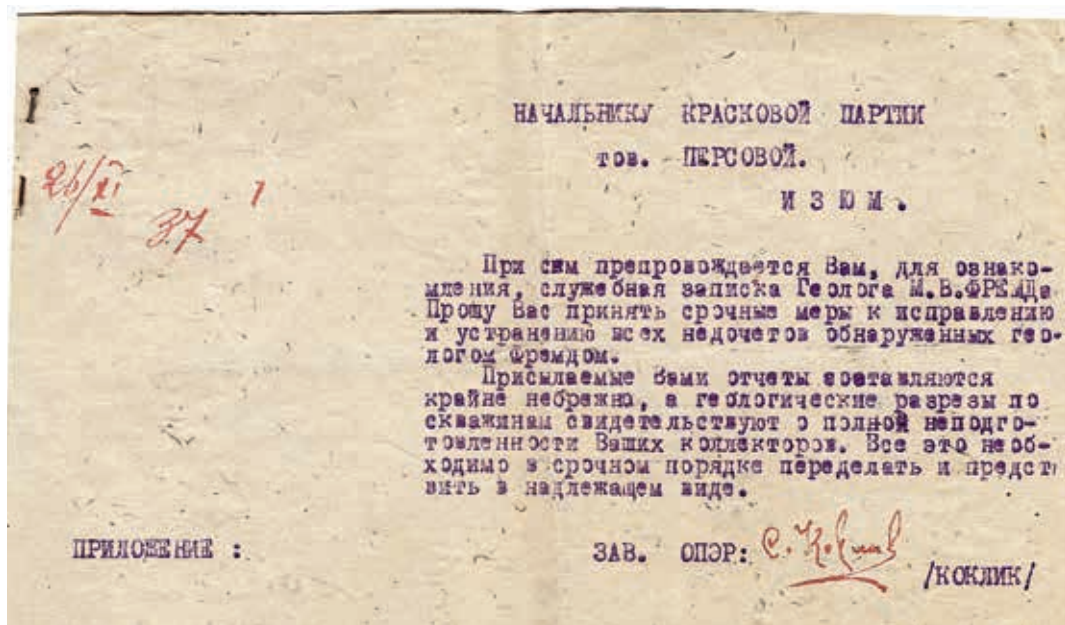
Приложенным к служебной записке Фремда Марии пришло из Изюма предписание некоего зав. ОПЭР С. Коклика (или Коклик?), датированное 26 ноября 1931 года:

«При сем препровождается Вам, для ознакомления, служебная записка геолога М. В. Фремда. Прошу Вас принять срочные меры к исправлению и устранению всех недочетов, обнаруженных геологом Фремдом.

Присылаемые Вами отчеты составляются крайне небрежно, а геологические разрезы по скважинам свидетельствуют о полной неподготовленности Ваших коллекторов. Все это необходимо в срочном порядке переделать и представить в надлежащем виде».

Нам, конечно, неизвестно, что там были за неквалифицированные сотрудники в подчинении у Марии, но вот «крайняя

18.
Предписание
к служебной записке М. Фремда.
26.11.1931 г.

небрежность» — явно не ее почерк. Она была человеком старательным и добросовестным. Так что все эти нарекания оставим на совести канувших в Лету Фремда и Коклика.

И обратимся к единственному дошедшему до наших дней упоминанию об отпуске Марии. Там речь идет о периоде с 1 августа по 30 сентября 1932 года. Новорожденному Олегу уже три месяца. Неужели это и есть весь ее отпуск по уходу за ребенком?! В те годы он был коротким, но по логике хотя бы роды он захватывать должен был... Впрочем, возможно, были и другие справки, хорошо, что сохранилась хотя бы одна. Она на украинском языке и датирована 5 августа. Но на ней есть приписка чернилами «1 г +». Что имелось в виду? Плюс один год? Неизвестно.

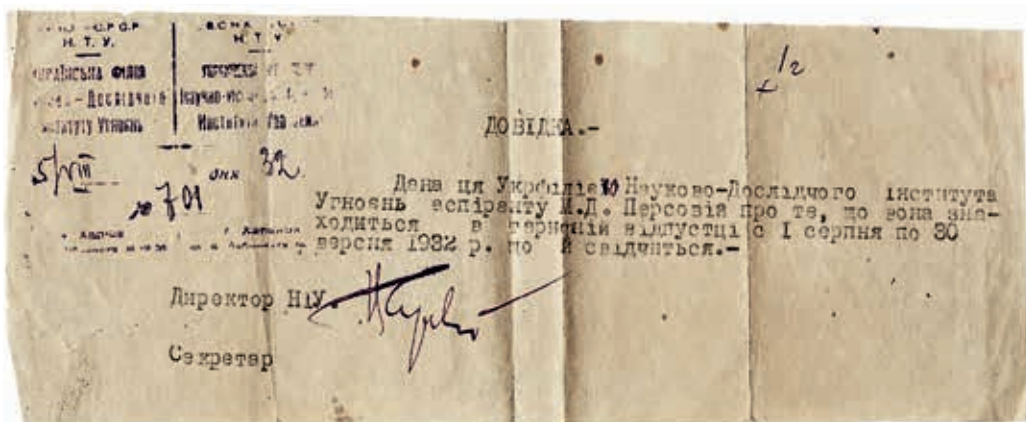
«Довідка.

Дана ця Укрофілією Науково-Дослідчого Інститута Угноєнь аспіранту М.Д. Персовій про те, що вона знаходиться в тарифній відпустці з 1 серпня по 30 версняя 1932 р. що й свідчиться».

Еще одно важное свидетельство — фотография с подписью «Москва. Ноябрь <нрзб> 1932 г. Олюське... 6 месяцев». Первое фото Марии с сыном. И как лишний раз не поблагодарить наших предков за трогательную и полезную традицию подписывать фотографии! Благодаря этому мы знаем, что Мария с младенцем Олегом ездила в Москву. Остановливалась, вероятно, у родственников. У Анны и Григория Ганевских или Розы с Фирой. Была это деловая поездка или Мария ехала погостить? Кто знает... Возможно, учась в аспирантуре, она ездила в Москву для научной работы, и заодно повиладалась с близкими.

Так или иначе, в 1933–1934 годах Мария вернулась в Крым. Теперь она работала гидрогеологом в Водно-мелиоративном управ-

19.
Справка об отпуске, выданная Марии Персовой. 05.08.1932 г.

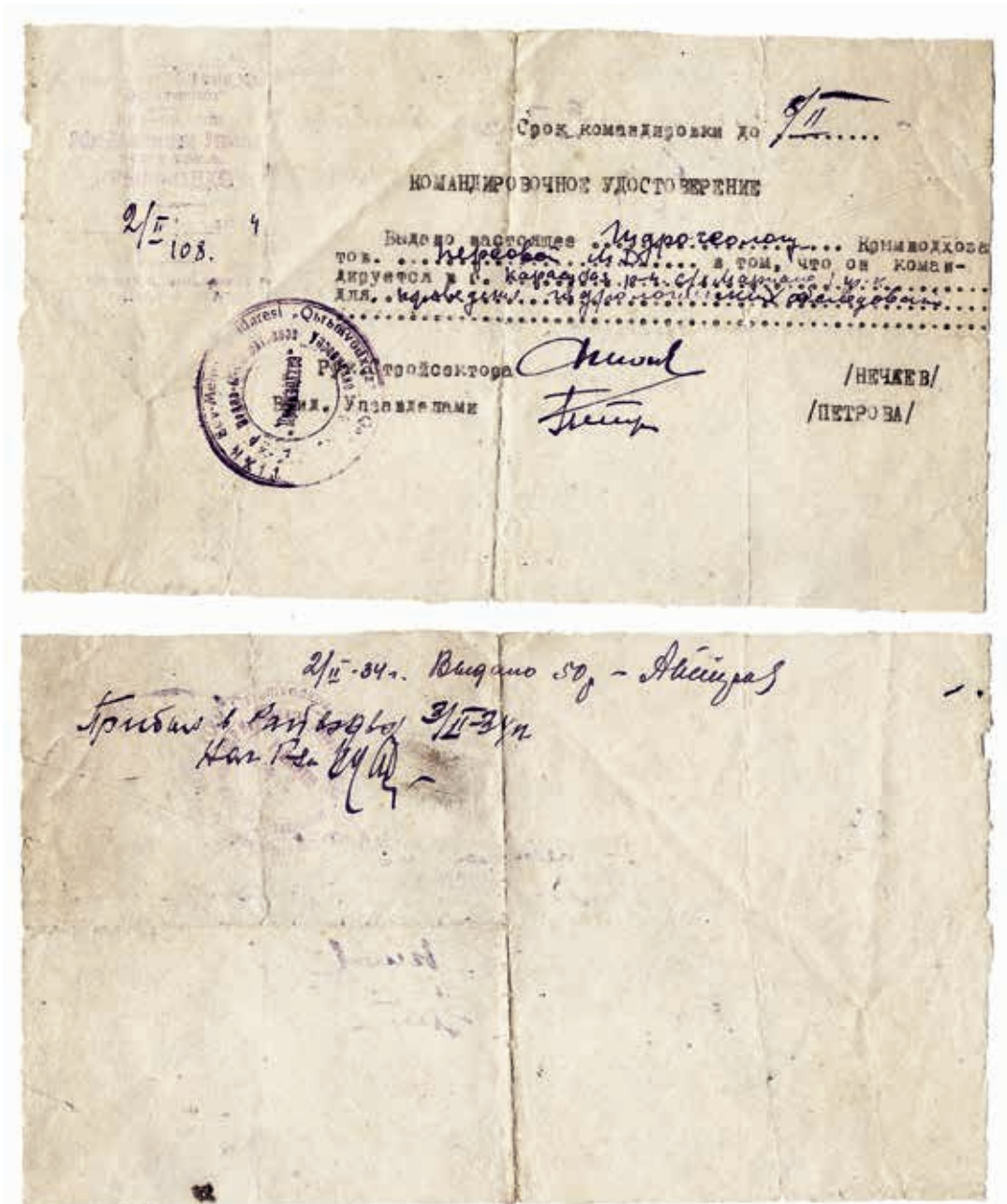

20.
Мария Персова
с сыном Олегом
Кокулевским.
Ноябрь 1932 г.

лении Крыма «Крымводхоз» (ныне Государственный комитет по водному хозяйству и мелиорации Республики Крым). Насущно необходимая профессия! В Крыму всегда был дефицит пресной воды, так как он сравнительно беден подземными источниками. К тому же водные ресурсы распределены на полуострове не равномерно. Так что гидрогеологические изыскания всегда были здесь актуальны. Согласно командировочному удостоверению, 2 февраля 1934 года Мария приехала в совхоз в окрестностях города Карасубазара. «Для проведения гидрологических обследований», как значится в документе. Наверняка Мария и раньше бывала в этом древнем историческом центре, который когда-то, как и Бахчисарай, был столицей Крыма. Карасубазар, переименованный в 1940-х годах в Белогорск, расположен в 42 километрах к востоку от Симферополя, на берегах реки Биюк-Карасу. Наряду с Салгиром, Бельбеком и Альмой, Биюк-Карасу является одной из основных рек Крыма. Ее название дословно переводится как «черная река». В тюркских языках так называют реки, истоки которых — в подземных родниках, в отличие от «белой воды», текущей с горных ледников. Позже в Белогорске был создан филиал ГУП «Вода Крыма», который обеспечивает водоснабжение близлежащих населенных пунктов. А если немного коснуться истории, то еще в 1930-е годы и вплоть до депортации 1942 года в Карасубазаре преобладало крымско-татарское население. Также этот город был центром крымчаков, уникальной этнической группы тюркско-еврейского происхождения, исповедовавшей иудаизм и говорившей на собственном крымчацком диалекте. Во время Великой Отечественной войны крымчаки были

21.
Командировачное удостоверение, выданное Марии Перовой 02.02.1934 г.

22.
Удостоверение,
выданное Марии
Персовой, что
она состоит на

службе в качестве
гидрогеолога.
07.04.1934 г.

почти полностью уничтожены гитлеровцами. Кроме того, в Карасубазаре издавна жили греки, армяне, турки, это был бурлящий многонациональный город, а в XIV веке здесь был даже францисканский монастырь.

Как гидролог Мария изучала еще одну реку — Альму, в которую впадала Биюк-Карасу. Это одна из самых протяженных рек на полуострове — ее длина более 80 километров. Название реки означает «яблоко» — по берегам Альмы благоухают яблоневые сады. Она течет в южной части Крыма: берет начало в Алуштинском районе, протекает по окрестностям Бахчисарая и Симферополя и впадает в Черное море между Севастополем и Евпаторией. Верховья этой реки чисты и прозрачны, там водится ручьевая форель, а одним из притоков реки является целебный источник Савлук-Су, в переводе с крымско-татарского «вода здоровья». Альма, кстати, известна тем, что в ее честь назван мост в Париже через Сену — в память о том, что во вре-

23.
Мария Персова
(справа) с кол-
легами. Крым.
1934 г.

мя Крымской войны 1853–1856 гг. в сражении при Альме русские войска были разбиты франко-англо-турецкими войсками.

О том, что Мария Персова занималась гидрогеологической съемкой этой реки, можно узнать из удостоверения, выданного седьмого апреля 1934 года, за подписью начальника «Крымводхоза» Кручинина. Думается, что она в эти годы объездила вдоль и поперек все основные местные реки. Ею была составлена геологическая карта Крыма, которая, к счастью, сохранилась. И геологическая карта Черного моря, нарисованная ее рукой, — тоже.

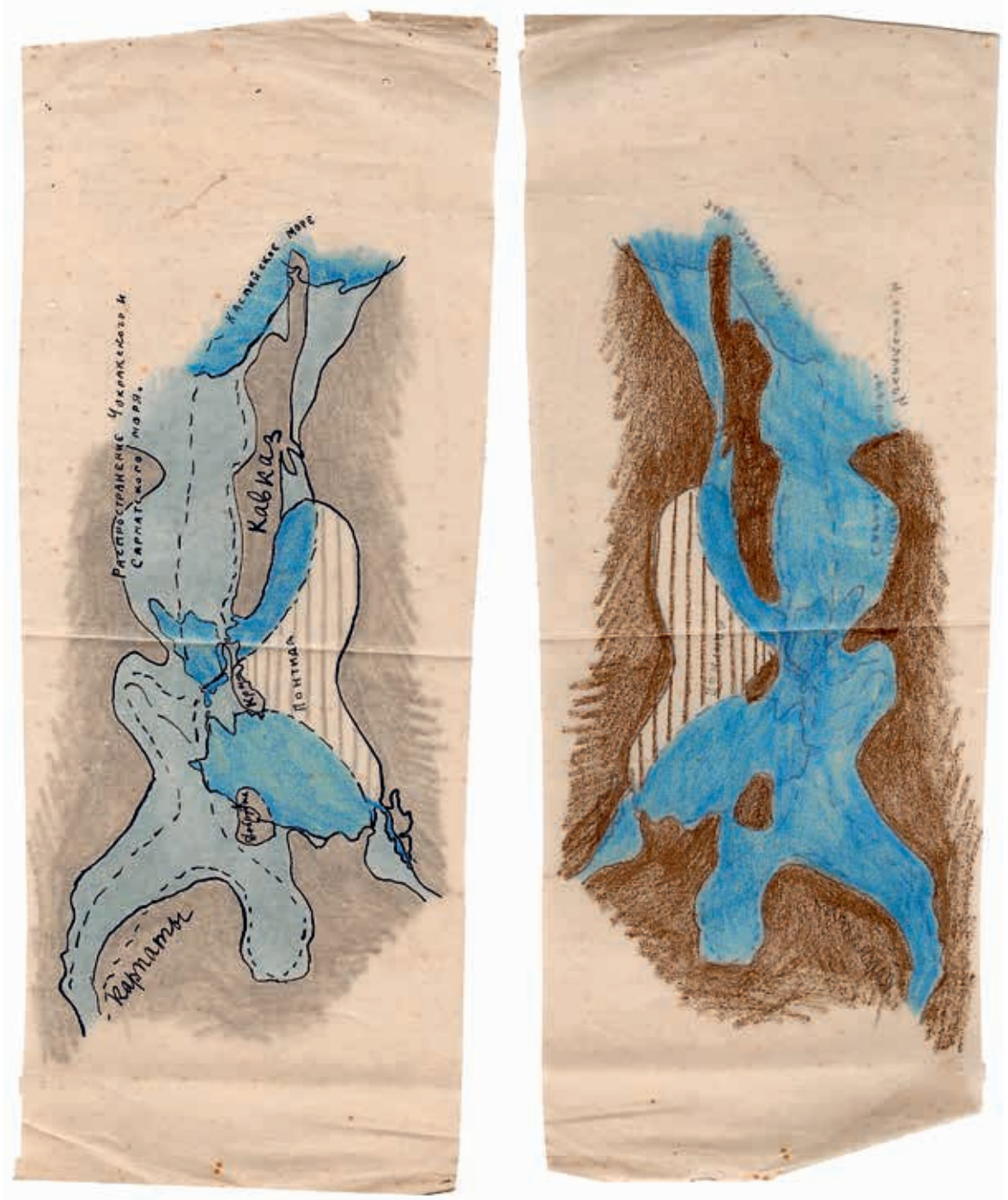
24.
Карта Крыма,
составленная Ма-

рией Персовой.
1934 г.

25.
Карта Черного
моря, состав-

ленная Марией
Персовой. 1934 г.

«Любовники Марии»

Следующий пункт нашего путешествия во времени — Подмосковье. В конце 1930-х годов Мария Персова уже работала техником, а потом и старшим техником в Управлении эксплуатацией канала «Москва — Волга». Так до 1947 года назывался канал имени Москвы. Как она попала в Москву, а точнее в Дмитров? Было ли это повышение или некая вынужденная мера... С радостью или тревогой Мария покидала родную Украину. Любимый Крым? Впрочем, известно, что в те годы — или это произошло раньше? — в ее личной жизни произошли большие перемены. Она вышла замуж. Осекаешься, желая по привычке добавить, что перемены эти были радостными — не дает одна забегающая вперед деталь. Муж сразу после ее смерти поспешил отдать Олега в детский дом. И судьбой пасынка никогда более не интересовался. По профессии он был агроном, и в этом повествовании так и остался безымянным. Больше о нем ничего неизвестно. Да и нужно ли?

Вот так, в две строчки уместилась семейная жизнь Марии с ее вторым мужем. Который, строго говоря, не второй, а первый, потому что брак с Теофилом Кокулевским так и не был зарегистрирован.

Но о том леденящем душу факте касаясь его нежно любимого сына Мария так и не узнает. Напротив, она наверняка возлагала на новый союз большие надежды. И человек... — попробуем все же его представить! — вроде встретился порядочный. Замуж взял с ребенком. Не побоялся. Была ли она влюблена в него? Не верится. Слишком сильно обожглась на Кокулевском. Теперь она была осторожней. Ей так казалось.

А тот, «порядочный», затаил обиду. Очень понятную, не так ли?! Его же вроде как приспособили чужого ребенка растить. И он... отомстил? Ведь именно таким — мягким, честным, добрым, безответным, как Мария, — именно таким мстят в любви. Потому что другие себя в обиду не дадут. После, спустя годы, доносилась версия, что отчима забирали на войну, а мальчика оставить не с кем, что делать?! Причина «уважительная». И даже сейчас, не зная почти ничего о печальной главе той истории, чувствуешь подспудное желание... если не оправдать, то смягчить осуждение в адрес агронома. Ведь

26.

Олег Кокулевский. С подписью: «Дорогой сестренке Анечке». 18.04.1934 г.

он действительно мог погибнуть — на войне, в тюрьме ли. Столько возможностей бесследно исчезнуть с лица земли было у человека в 1940-е годы...

Трагедия — она с любой стороны трагедия, как ты ее ни поверни.

Но вернемся в пока еще мирные, предвоенные годы. Жизнь в Дмитрове начиналась неплохо — здесь Марии дали жилье. Комнату в коммунальной квартире, о чем свидетельствует ордер от 20 <мая?> 1938 года «на право занятия жилплощади в доме №10 ком. №1 по ул. Комсомольская». Сейчас на карте Дмитрова есть ул. 2-я Комсомольская, а дома №10 нет уже давно. В 1970-е годы Олег приезжал сюда, но дом, где они с мамой жили, уже тогда был снесен, и на его месте шла масштабная стройка. По-видимому, дом был барачного типа, вроде общежития, и вместо квартир там были комнаты. Но так жили многие в Стране Советов, тем более, когда жилье давали по месту работы. Марии не привыкать — она ведь и раньше жила в общежитиях, съёмных комнатах и «углах», а то и вовсе на постое во время работы в геологических партиях. Своего жилья у нее, очевидно, на Украине не было. Быть может, как раз бездомность отчасти обусловила выбор профессии...

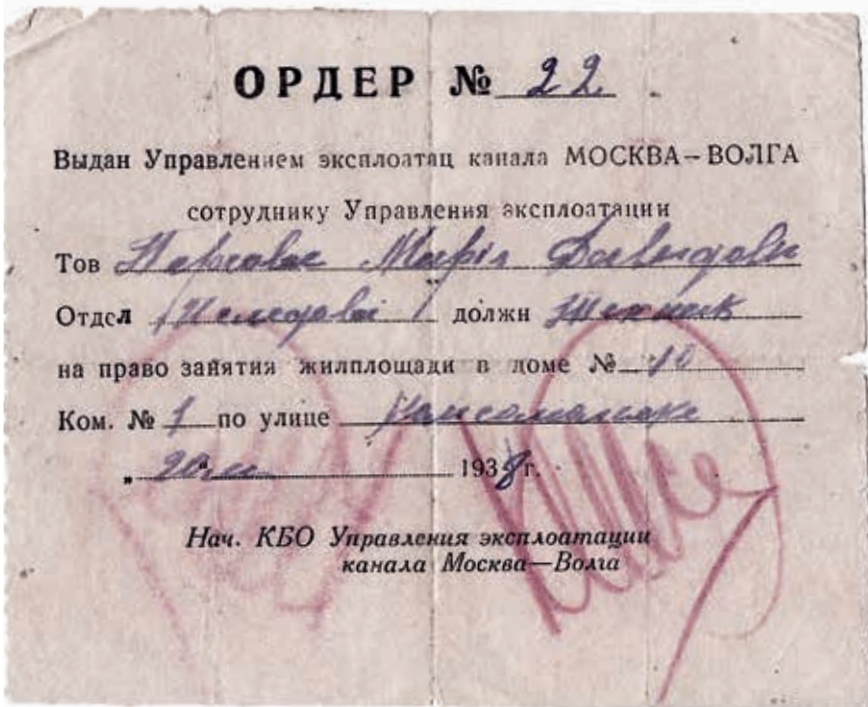
Итак, теперь она была сотрудником, который регулировал работу канала имени Москвы. Это одно из эпохальных сооружений XX века, основная водная магистраль, соединяющая Москву-реку и Волгу, длиной 128 километров. Сооружение канала, решившее назревший вопрос нехватки питьевой воды в растущей столице, стало делом государственной важности, которым ведало НКВД. Можно сказать, канал стал именным сталинским проектом, ради которого вождь-тиран загубил 22 тысячи заключенных, погибших в «Дмитлаге» от тяжелейших условий труда. Структура этой водной артерии сложная. Особенностью, отличающей ее от многих каналов мира, является то, что она не самотечная, а «энергетическая»: вода из Волги в водораздельный участок поднимается насосами по пяти ступеням, на концах ступеней размещены шлюзы. Начинается канал от Иваньковского водохранилища близ Дубны, а соединяется с Москвой-рекой в районе Щукино. Первые 74 километра канал поднимается по склону Клинско-Дмитровской гряды, далее на протяжении 50 километров пересекает волжско-окский водораздел и спускается к Москве-реке. На этом участке

27.
Олег Кокулевский. 5 лет. Начало 1938 г.

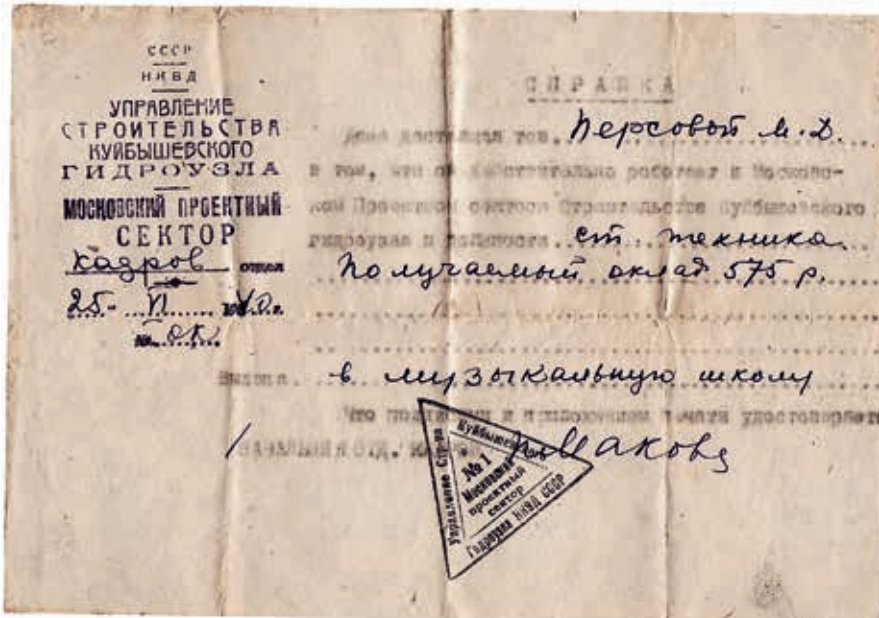

28.
Ордер на жилье,
выданный Марии
Персовой. 1938 г.

29.
Справка, выдан-
ная Марии Персо-
вой для музыкаль-
ной школы Олега.
1940 г.

28

29

30.
Мария Персова
(вторая справа
в среднем ряду)
с коллегами

в г. Дмитрове.
Олег Кокулев-
ский — в первом
ряду. 1938 г.

канал проходит через ряд водохранилищ — Икшинское, Клязьминское, Химкинское etc. Основная судоходная трасса канала заканчивается у Северного речного вокзала Москвы. Всего при строительстве канала было сооружено десять плотин — семь земляных и три бетонных, одиннадцать шлюзов и семь гидроэлектростанций, две присоединены позднее. Так что канал снабжает москвичей не только водой, но и электроэнергией. А его архитектурный ансамбль, в том числе знаменитый шпиль речного вокзала и многие шлюзовые башни, стал одним из грандиозных символов столицы и Подмосковья.

Что скажешь — жизнь Марии здесь стала более стабильной. Ей просто необходимо было найти постоянное место работы — ведь Олегу предстояло пойти в школу. О достатке речи не шло — обстановка в их маленьком комнатном мирке была очень скудная, мебели не хватало, что запомнилось Олегу с детства. Но прежде всего ему, конечно, запомнилась нежная и любящая мама, которая при всей своей занятости каждую минуту свободного времени посвящала ему. Водила

на экскурсии, показывала новые города, и он жадно и самозабвенно впитывал ее рассказы об этом накалывающем, как гигантская волна, ошеломляющем мире. Это воспоминание грело его всю жизнь. Счастье, которое мы испытываем в детстве, по большому счету не зависит от богатства или бедности. Оно в иных измерениях и никогда нас не покинет, сколько горьких чаш нам ни пришлось бы испить.

Интересная деталь: в сохранившихся документах Марии есть справка от 25 июня 1940 года для предъявления в музыкальную школу. Олег никогда не упоминал о том, что учился музыке. Хотя музыку любил. И если вернуться к фотографиям, на оторых запечатлен его отец, то можно заметить, что у Теофила Кокулевского длинные музыкальные пальцы. Это, конечно, всего лишь штрих, но остается загадкой, что это была за музыкальная школа и зачем Марии потребовалась для этого заведения справка с работы. Кстати, в ней указано, что Мария Персова — старший техник управления строительства Куйбышевского гидроузла. Видимо, так назывался один из узлов канала «Москва — Волга». Указан и ее оклад — 575 рублей. Для сравнения: в 1940 году в среднем хлеб белый стоил 1 рубль 70 копеек, яйца 6 руб. 50 коп., килограмм говядины 11 рублей, мука 4 руб. 60 коп., молоко 2 рубля, ботинки мужские 90 рублей, пальто 377 рублей. Средняя зарплата была 339 рублей. С одной стороны, доход у Марии был выше среднего, с другой — она была кормильцем в семье. И она должна была полностью обеспечивать сына. Эта забота сквозит в каждой фотографии — задорный улыбчивый Олег одет с иголки... Могла ли она рассчитывать на мужа в материальном плане? Вряд ли агроном зарабатывал больше. Во всяком случае, на обстановку в доме им явно не хватало. Судя по всему, муж своего жилья не имел. А, может, поэтому и «прибился» к работающей и ответственной женщине с ребенком, чтобы перекантоваться до лучших времен... которые не наступили.

Собственно, все опять упирается не столько в детали общего плана, а в чисто внутрисемейный уклад. О котором мы, к сожалению, не знаем. Можно лишь с долей уверенности предположить, что по сравнению со скитаниями в геолого-поисковых партиях у Марии наступило относительное благополучие. И даже замаячили карьерные перспективы. Но мы знаем, что для карьеры нужно иметь определенные качества, которые у нее начисто отсутствовали. Будем считать, что наступила короткая передышка. И если бы не война...

Через тернии на Восток

Что же было дальше? Для Марии никакого «дальше» не было. Война, бомбежки, голод. А потом мучительная смерть от истощения в 1942 году. Как страшно и больно думать о ее последних днях. Все мысли ее были о десятилетнем сыне, который таял от недоедания и оставался один в этом мире, где шла самая жуткая война в истории человечества. В эти последние дни мужа рядом не было. Почему? — вопрос в бездну. Однако Олег запомнил, что в детдом его определил именно отчим. Остается только гадать, как ребенок пережил все это. И не просто пережил — а сумел выскользнуть из железных лап незавидной судьбы в казенном доме, где его с высокой долей вероятности поджидали смерть или срок по малолетке. Инстинкт самосохранения это, или спасительная соломинка, которую бросил в самый последний момент Ангел-хранитель, или сжалившееся провидение? Или другой Ангел, душа ушедшей матери, которая не могла покинуть эту Землю, зная, что состав с эвакуированными детьми навсегда увозит ее мальчика туда, где беспризорное прокрустово ложе обточит его и швырнет в океан одиночества и волчьих законов.

Но удивительно, что ребенок сделал то, на что далеко не у всякого взрослого в состоянии отчаяния хватило бы смекалки. А может, как раз детская непосредственность здесь и сыграла решающую роль! Когда состав с детдомовскими детьми, шедший в Сибирь, долго стоял в Москве, Олег отпросился у сопровождающей на несколько часов — повидаться с родственниками. И ведь отпустили! Впрочем, счастливому исходу могла помешать любая мелочь, страшная необратимость секунд, на которые Олег и его будущие приемные родители могли разминуться, не встретиться. Но чудо произошло! Он знал адрес: Порядковый переулок, д.3, кв.1, где жила тетя Аня, любимая мамина сестра. Анна Яковлевна и Григорий Маркович Ганевские. Они открыли дверь, и... Точнее, дяди Гриши в этот момент не было. Олега встретили Анна и ее свекровь Софья Абрамовна Райхман. Открыли — и потеряли дар речи от ужаса: ребенок пришел попрощаться... Оставили у себя. Спасли.

И все же первое, что приходит в голову — наверняка Мария, чувствуя, что умирает, напомнила ему про тетю Аню. Сама просить за Олега, пока еще жива, постеснялась. Вроде как обузу на шею родным вешать, в то время, когда все еле живы... Война! Или мысли не допускала о том, какое решение может принять муж? Но даже если сознание старательно вытесняло мрачные догадки, то материнская интуиция рвалась наружу. Она должна была подать знак. И Олег, смысленный мальчик, поймал свою соломинку на лету.

32.
 Последняя открытка, посланная Марией Персовой сыну. Подпись на обороте: «В день рождения. Олегу от мамы. 23/IV-1942 г.»

А еще Мария помнила про Софью Абрамовну. Наверняка она знала про обнадёживающее сходство судеб, помнила о нем на краю гаснущего сознания. Софа — еще одна еврейская барышня, вырастившая сына без мужа и вне брака¹. Вот она как раз была бунтаркой — влюбившись в своего неверного Марка, сбежала из отчего дома. А тот ее бросил, когда сыну Грише было восемь месяцев. До тринадцати лет мальчик носил фамилию Райхман и был уверен, что его отец умер. Потом, конечно, правда открылась, и Гриша узнал, что его родитель жив-здоров и обитает с новой семьей в Серпухове. А неукротимая, энергичная и жизнелюбивая Софья Абрамовна скитается с сыном по стране... Если употребить ныне популярный неологизм, ее вполне можно было назвать сэлф-мейд-вумен. Была и аптекарем, и доктором, и предпринимателем, выживала в самых невыносимых условиях и при этом еще и помогала другим. Софья Абрамовна не просто извела сполна участь матери-одиночки, она еще сумела вырастить сына в высшей степени достойным и незаурядным человеком. Словом, Тот, кто открывает нам двери, привел Олега в надежные руки.

И какая ирония в том, что он вырос убежденным атеистом. Но... тому способствовали уже другие обстоятельства. Главное, что он выжил. Прошел достойный путь, обрел семью. И бережно хранил в душе благодарность своим приемным родителям Анне и Григорию Ганевским. И Софье Абрамовне, конечно, которая отдала его в школу — ведь в военные годы на какое-то время Олег оставался с ней, и она его полюбила как родного внука. Впрочем, воспоминания Олега незначительно и чисто хронологически расходятся с тем

¹ Об этом подробнее в книге «Терпкие нити любви. Семейная история в документах и воспоминаниях», М., 2012, стр. 204

ходом событий, который подробно описал в своей автобиографической рукописи Григорий Маркович Ганевский и на которой основывается глава «Анна и Григорий. Добрый ангел Ганевских»². Что ж, не будем заостряться на этих вполне естественных за давностью лет несовпадениях. Главное, что Ганевские стали для Олега семьей, вместе с ними он пережил трагическую смерть их первенца — новорожденной дочки Белочки, а потом счастье рождения их сына Миши и дочки Леночки. И ведь вся семья из шести человек в то время ютилась в десятиметровой комнате в коммуналке! Теснота уже начала серьезно угрожать здоровью. Когда Олег учился в старших классах, было решено отдать его в артиллерийское училище в Сокольниках, куда принимали окончивших семилетку. Без сомнения, ему было грустно покидать пусть тесный, но согретый его дом. Мальчиком он был способным, учился хорошо, а с поведением, как и у всех почти мальчишек, было не все гладко. Тогда было принято школьных возмутителей спокойствия отдавать на «перековку» и приучение к дисциплине в военные заведения. К тому же еще жилищная проблема стояла настолько остро, что домочадцы буквально задыхались от нехватки кислорода...

Конечно, это обстоятельство потревожило глубинную, до поры затянувшуюся рану сиротства. Но Олег постарался этого не показать. Хотя тогда он был еще подростком, которому было трудно совладать с нахлынувшей волной обиды, что впоследствии была тщательно вытеснена. Но любой, кто поставит себя на его место, почувствует, насколько психологически трудным было его положение. Нет-нет да мелькнет мысль о том, как все повернулось бы, будь он родным, а не приемным? Попал бы он в этом случае на военную стезю? Однако именно эта внутренняя борьба и заставила его повзрослеть. А оставить благодарность незамутненной тенью печали ему помогла непреодолимая сила обстоятельств. Он и сам понимал, что жить в такой скученности становилось невыносимым, а ему как раз пришло время выбирать профессию. А что до солдатской доли... но ведь Григорий Маркович и сам был военным. Он сам прошел все то, что предстояло пройти его приемному сыну. И постарался устроить для его военной карьеры хороший старт. Подготовительное училище, в которое поступил Олег, было непростым — здесь учились отпрыски военной верхушки — сын Кагановича, родственник Молотова, племянник Хрущева. Из них только последний вел себя достойно, но не о них речь. Важно, что Олег в училище возмужал и сформировался как личность. А после окончания училища в 1952 году он был направлен на дальнейшую учебу в Военное артиллерийское училище города Хабаровска. И с тех пор Дальний Восток — его жизнь, его любимый край.

² Об этом подробнее в книге «Терпкие нити любви. Семейная история в документах и воспоминаниях», М., 2012, стр. 203

* * *

Всё стало так чертовски плохо,
Что хорошо уже не будет,
Жизнь в ожидании подвоха,
Жизнь в процветаньи серых буден.

Жизнь, как утрата на утрате,
Жизнь, бесполезная в финале,
Как вечный ад, как круг из Данте.
И гнусен бег, и руки пали.

Город Юности

Вот такой гигантский прыжок совершила судьба — из Крыма транзитом через Москву на Дальний Восток! Говорят, судьба — это характер. Но в случае с Олегом верно и обратное: его характер был сформирован жесткой линией не зависящих от него обстоятельств. Потому что они окружили его с детства. основополагающую роль для него сыграла военная среда, куда он попал, можно сказать, по воле рока. Но, созрев, был ей благодарен, интуитивно понимая, что в его случае она была спасением. И закономерно выковала его натуру четкими рубленными штрихами. Вот как вспоминает об Олеге Теофиловиче его правнук Миша, Михаил Сергеевич Дубровский (род. 31.08.1999):

Характер у прадеда был по-военному жёсткий и твёрдый. Он был человеком своих убеждений, которым не изменял до последних дней. Надо ли говорить, что он был убеждённым коммунистом. Состоял в коммунистической партии и никогда не разочаровывался в её идеях. Вспоминается случай, о котором мне рассказывал мой дед, его сын Сергей. Когда в середине 1990-х годов на выборы ходить ещё не было популярно, Олег Теофилович активно агитировал, даже заставлял, идти и голосовать за нынешнюю компартию. На твёрдость убеждений, думаю, повлияло военное детство — он рос без родителей, с ранних лет воспитывался в военных училищах...

Как и положено настоящему коммунисту, был атеистом. Вспоминается история из детства. Моя бабушка Ирина, жена Сергея, купила и поставила дома несколько небольших иконок. Когда Олег Теофилович обратил на это внимание, придя в гости к сыну на один из праздников, чуть было не разразился настоящий скандал.

Что ж, вернемся в 1950-е годы, в Хабаровск. По окончании артиллерийского училища Олег был направлен командиром взвода в звании лейтенанта на службу в поселок Раздольное Надеждинского района Приморского края. Раздольное расположено в 58 километрах от Владивостока на реке Раздольная, недалеко от того места, где она впадает в Амурский залив. Поселок растянулся вдоль ее русла на четырнадцать километров. Это самый протяженный в Приморье и один из самых протяженных поселков в России. И, кроме того, один из старейших в Приморском крае. Начало ему положил военный пост, основанный в 1860 году, состоявший из 3-го линейного батальона. Впоследствии Раздольненский гарнизон был усилен, здесь разместились стрелковый батальон, преобразованный к приезду це-

саревича Николая в 1891 году в 1-й стрелковый Его Императорского величества полк, Приморский драгунский полк, etc.

Но все это, как говорится, лишь историческая справка, а для Олега Кокулевского Раздольное — это место встречи с любимой женщиной, с будущей женой Лидией, с которой он проживет всю жизнь и отметит золотую свадьбу. Лидия Алексеевна Мышак родилась 18.12.1932 в Раздольном в семье Алексея Трофимовича и Галины Наумовны Мышак. В возрасте семи лет была определена в школу, которая находилась в пяти километрах от дома в районе Южное посёлка Раздольное, затем переведена в школу Северного района. Первые годы учёбы пришлось на тяжёлое время Великой Отечественной войны. Окончила десять классов. В 1950 году поступила учиться во Владивостокский Учительский Институт на факультет русского языка и литературы, который окончила в 1952 году и была направлена на работу в одну из школ родного посёлка. И на школьном новогоднем мероприятии, куда были приглашены военные, она и познакомилась с Олегом Кокулевским. Новогоднее знакомство! Мы всегда ждем от него чуда. И оно случилось. А как иначе назвать встречу с любимым человеком, с которым пройдешь такой долгий и плодотворный жизненный путь... К тому же этого человека судьба привела к тебе через такие расстояния! В тот момент Олегу и Лиде было по двадцать лет — самое время для любви. Встречались больше года и поженились в 1954 году. 10 сентября 1955 года у них родился сын Сергей Олегович Кокулевский.

В 1957 году Олег Теофилович был переведён на службу в посёлок городского типа Гродеково Приморского края. Там Лидия, как и в родном поселке, работала в местной школе учителем русского языка и литературы. Там же в 1957 году поступила учиться заочно в Уссурийский Педагогический институт.

А через год, в 1958 году, Олега перевели в Комсомольск-на-Амуре, который и стал его любимым и главным городом в жизни. С самого начала строительства Комсомольск назывался Городом Юности. Это был крупнейший военно-промышленный центр Хабаровского края и всего дальневосточного региона. Он был построен

33.
Олег Теофилович
Кокулевский,
1954 г.

отрядами комсомольцев посреди тайги в 1932 году. Хотя комсомольцы — это официальная версия, на самом деле семьдесят процентов строителей были заключенными. Но заключенными в те годы была очень значительная часть населения, и порой лучшая его часть... Словом, и сам город молодой, и его население в те годы состояло преимущественно из молодых людей, чем и объяснялось его второе имя. Он был очень зелёным, его просторный центр возводился быстро и в едином стиле. Энергичный, растущий город на великой реке. Интересная деталь: здесь, несмотря на суровый, приравненный к Крайнему Северу климат — но благодаря жаркому влажному лету — произрастают такие теплолюбивые культуры, как арбузы и виноград! Комсомольск полюбился Олегу Теофиловичу, Лидии Алексеевне и ещё очень многим его жителям.

Олег Теофилович проходил службу в военкоматах города Комсомольска. Дослужился до звания полковника. А Лидия Алексеевна большую часть жизни проработала учителем русского языка и литературы. В Комсомольске она работала в школах №25 и №48. В 1963 году перевелась из Уссурийского Педагогического института в Комсомольский Педагогический институт. В 1964 году закончила его заочно. А 1 марта 1967 года в семье родился младший сын Александр Олегович Кокулевский.

После закрытия школы №48 в 1968 году Лидия Алексеевна начала работать в Комсомольском Политехническом техникуме, где проработала почти двадцать лет до выхода на пенсию в 1986 году. Она талантливый и увлеченный преподаватель, которого помнят и любят сотни учеников, и со многими из них она поддерживает отношения до сих пор. Например, с ней регулярно переписывается ее бывшая ученица из первого выпуска, которая сама уже на пенсии!

В 1981 году Олег Теофилович вышел в отставку. Когда ему после выхода на пенсию представилась возможность переехать с семьей в Москву или на малую родину в Киев, он отказался. Умер 26 июня 2010 года. Похоронен в Комсомольске-на-Амуре. Лидия Алексеевна после смерти мужа в 2010 году переехала жить в Краснодар к старшему сыну Сергею.

Поэт и воин

Надо ли говорить, что семья, дети, внуки, правнуки были для Олега Теофиловича самым важным, сакральным смыслом жизни. Он, лишенный материнского тепла и до последних дней сохранивший трепетную любовь к рано ушедшей маме, очень ценил то, что дала ему Лидия Алексеевна — любовь и ощущение Дома, несмотря на частые переезды, неизбежные в жизни кадрового военного. Будучи человеком суровым и немногословным, никогда не жалующимся на невзгоды, он был в душе... поэтом! И, что очень важно, передал свои незаурядные поэтические способности своим детям и их потомкам. Миша Дубровский вспоминает:

Дед (Миша называл О. Т. дедом. — *Прим. ред.*) писал очень красивые, а зачастую, сатирические стихи, которые, что называется, били не в бровь, а в глаз. Глядя на талант отца, сын Сергей так же увлёкся стихосложением. Я же увлёкся стихосложением, глядя на деда Сергея. На крупные праздники у нас с ним проходят поэтические «состязания». Этому мы обязаны Олегу Теофиловичу...

А еще о его характере может многое рассказать его увлечение филателией. Он начал коллекционировать марки ещё в юности и собирал их до последних дней. За это время он собрал около двадцати больших альбомов, в которых можно найти теперь уже довольно редкие экземпляры марок.

История прадеда вдохновила Мишу на изучение своей родословной. Он помог собрать материалы для этой книги о своей прапрабабушке Марии Персовой, а также о ее потомках. Старший сын Олега Теофиловича Сергей Олегович Кокулевский женился на Ирине Витальевне Черняевой, в замужестве Кокулевской (род. 17.11.1954). У них родились дочери Наталья Сергеевна Кокулевская, в замужестве Дубровская (род. 25.06.1977) и Галина Сергеевна Кокулевская (род. 05.05.1982).

Наталья Сергеевна Кокулевская вышла замуж за Сергея Ивановича Дубровского (род. 26.01.1970) Это родители Миши, Михаила Сергеевича Дубровского (род. 31.08.1999). Вторым браком Наталья Сергеевна замужем за Евгением Ивановичем Киселевым (род. 16.02.1967). У них дети: Егор Евгеньевич Киселев (род. 23.04.2013) — родившийся в день рождения своего прадеда! — и Ольга Евгеньевна Киселева (род. 15.06.2015).

Галина Сергеевна Кокулевская вышла замуж за Андрея Ярославовича Туписа (род. 25.08.1979). У них родился сын Дмитрий Андреевич Тупис (род. 05.08.2005).

34. Олег Теофилович Кокулевский с супругой — Лидией Алексе-

евной. Посёлок городского типа Гродеково Приморского края. 1956 г.

35. Олег Кокулевский с женой, сыновьями и тещей. 1967 г.

34

35

36.
Александр Олегович
Кокулевский.
1985 г.

36

37.
Сергей Олегович
Кокулевский
с женой Ириной
Витальевной Чер-
няевой. 1976 г.

37

38.
Четыре поколе-
ния Кокулевских:
Олег Теофилович
Кокулевский,
его младший
сын Александр,
его старший сын
Сергей с женой
Ириной, теща
Олега Теофило-
вича, его жена
Лидия Алексе-
евна с внучкой
Наташей, и мама
Ирины. Конец
1970-х годов

38

39

39.
Олег Теофилов-
вич Кокулев-
ский с внучкой
Наташей. Начало
1980-х годов

40.
Олег Теофилович
и Лидия Алексе-
евна празднуют
«золотую свадь-
бу». Конец 1980-х
годов

40

Младший сын Олега Теофиловича Александр Олегович Кокулевский женился на Нонне Юрьевне Валиевой, в замужестве Кокулевской (род. 25.01.1967). У них родились дети: Юлия Александровна Кокулевская, в замужестве Чигиринских (род. 10.11.1987), Агата Александровна Кокулевская, в замужестве Туранова (род. 27.01.1990), Андрей Александрович Кокулевский (род. 22.11.2001).

Юлия Александровна вышла замуж за Романа Александровича Чигиринских (род. 10.08.1984). Агата Александровна вышла замуж за Дмитрия Туранова (род. в 1989 г.). Остается пожелать им и их будущим потомкам мира и счастья.

Послесловие

Фильм закончился. Занавес!

Вам понравилось?

Вот так на нескольких сотнях страниц можно проследить за целыми эпохами. Книга закончилась.

А Жизнь?

А жизнь продолжается. Продолжается, потому что живы мы, и у каждого из нас есть продолжение нашей истории. Продолжается, потому что каждый человек, описанный в этой книге, живет в нашей памяти. Продолжается, потому что историю нашей жизни обязательно продолжат наши дети. И этот процесс бесконечен. По крайней мере, хотелось бы в это верить.

Давайте ценить наши корни, ведь это не просто память, или уважение к нашим близким. Это ключ к познанию нас самих. Не очень понятно? Постараюсь объяснить.

Когда я начал заниматься генеалогией, я понимал только одно — да, это надо делать, потому что это нужное дело. А в чем нужное, пожалуй, до конца я объяснить так и не мог, только общие фразы. Но по мере углубления в процесс я все больше начинал осознавать чувство ответственности. Не только перед людьми, которые вместе со мной занимались этим делом. И не только перед своими детьми, для которых я в первую очередь это и делаю. Я начал чувствовать ответственность перед моими предками. Я смотрел на старые пожелтевшие фотографии, а их глаза смотрели с этих фотографий на меня. И вот тогда я понял, что от того, как я все сделаю, от того, что я вложу в эту работу, зависит и мое будущее тоже. И еще, что нет понятия жизни, смерти и времени — все мы, и люди ушедшие, и люди живущие, живем вместе, здесь и сейчас. Просто, как в коммунистическом

лозунге про светлое будущее: «От каждого по способностям...» Если я сейчас могу это сделать, я обязан, это мой долг и мой вклад в наш род. И создалось ощущение у меня, как будто именно сейчас я — представитель всех этих людей здесь. И мой результат — это и их результат тоже. И когда я думал об этом, мурашки бежали у меня по коже. Они и сейчас бегут, когда я пишу эти строки.

Мы очень часто слышим слова: уважай свой род, уважай своих предков! Раньше я не видел всей глубины смысла этих слов. Теперь же отношусь к этому иначе. Наш опыт, накапливающийся веками и передающийся отчасти и на словах от поколения к поколению, — это все не просто так. Порой остаются фразы, но мы уже не видим всей их глубины. Но все в наших руках — «дорогу осилит идущий». И пока мы на этой дороге, надо идти вперед, познавать мир, ведь он намного глубже, чем нам кажется на первый взгляд. И чем дальше мы зайдем, чем больше познаем, чем больший опыт приобретем, тем больше от этого будет зависеть наше будущее, наша жизнь, жизнь наших потомков, и, как это странно ни прозвучит сейчас, — жизнь наших предков. Потому что я глубоко убежден, что жизнь их продолжается, продолжается вместе с нами, вместе с нашими делами и поступками. Ведь все это вместе огромная и могучая энергия, которая называется Энергия Нашего Рода.

Дмитрий Наринский

* * *

Нарисуй мне синюю собаку
С синей шерстью, с синей головой.
Пусть собака мне протянет лапу
В знак того, что сделалась живой.

Потреплю ее по синей шерсти,
Расчешу ей уши по ветру.
Целый год нам жить, собака, вместе,
Если только за год не умру.

Не суди, собака, строго,
Если же обижу, то прости.
Ляг, моя собака, у порога
И беду в мой дом не пропусти.

1994 г.

Литературно-художественное издание

Терпкие нити любви: продолжение

Семейная история

в документах и воспоминаниях

Инициатор проекта

Дмитрий Наринский

Текст

Дарья Симонова

Дизайн издания

Baggy&BromDesignBureau

Арт-директор, дизайнер

Яков Красновский

Компьютерная верстка

и допечатная подготовка

Юрий Мосягин

Редактор

Людмила Лащёва

Подписано в печать 05.12.2018.

Формат 70x100 1/16.

Бумага Olin Rough Cream 100 гр.

Гарнитура Petersburg. Тираж 100 экз.

Издатель:

ИП Пахомова Елена Алексеевна

Россия, 125040, г. Москва,

Ленинградский проспект, 11-28

classick21@gmail.com

Отпечатано в типографии GreenPrint

г. Москва, ул. Буракова, д. 27

www.gcprint.ru